

НАЧАЛО ВЕКА

Литературный и краеведческий журнал

1

2019

НАЧАЛО ВЕКА 2019/1

ЛИТЕРАТУРНЫЙ
И КРАЕВЕДЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

Выходит с января 2007 года

ИЗДАНИЕ ТОМСКИХ
ПИСАТЕЛЕЙ

Главные редакторы:

Геннадий СКАРЛЫГИН
Владимир КРЮКОВ

Редколлегия:

Геннадий АНКУДИНОВ
Дмитрий БАРЧУК
Александр КАЗАРКИН
Галина КЛИМОВСКАЯ
Вениамин КОЛЫХАЛОВ
Николай СЕРЕБРЕННИКОВ
Николай ХОНИЧЕВ

Адрес редакции:

634050, г. Томск,
ул. Шишкова, д. 10.
Тел. 528-369.
E-mail: tooooospr2013@yandex.ru

Электронная версия журнала:

<http://lib.tomsk.ru>

При перепечатке материалов
ссылка на журнал «Начало века»
обязательна.

Мнения авторов не обязательно
совпадают с мнением редакции.

На обложке:

**Матвей Фёдорович Горбатенко
(1918–2006). Дом малютки.
Дорога к безвинному детству.
1992. Холст, масло. 80x100.
Собственность ТОХМ. Ж-1524**

Журнал выходит при поддержке
Администрации Томской области

В НОМЕРЕ:

ПАМЯТИ ВАДИМА МАКШЕЕВА

Владимир КРЮКОВ	
Второе дыхание	2
Валентина ЧУБКОВЕЦ	
Сиротинка	6
Ирина НЕКЛЮДОВА	
Надеюсь... ..	8

ПРОЗА

Владимир КОЗУБОВ	
Тихий прозрачный омут	12
Операция «Кэмел»	17
Ночная вертикаль, или Лунатик	31

ПОЭЗИЯ

Владимир КРЮКОВ	38
Вера ИРТУГАНОВА	43

ПРОЗА

Татьяна МЕЙКО	
Главы из книги «Другая Ляля»	47

ПОЭЗИЯ

Нина СИТНИКОВА	60
Зинаида ГАСАН	64

ПРОЗА

Сергей КУКЛИН	
Садовод	69
Александр ТАРАЗАНОВ	
На побывку	83
Шкипер Чачин	84

ПОЭЗИЯ

Стихи парабельских поэтов	88
Иванна ДУНЕЦ	95

ПРОЗА

Дмитрий ИВАНОВ	
Полуверующий	98

КРАЕВЕДЕНИЕ

Иван ПОДДУБНОВ	
Музею – жить!	106
Владимир ПИМУС	
Последний адрес	108
Николай СЕРЕБРЕННИКОВ	
Цена жизни в начале 1990-х	111
Ирина ЕВТИХИЕВА	
Томский иконник Серапион	123

ЗАМЕТКИ О НАШЕМ ВРЕМЕНИ

Лидия ПУСТОВОЙТОВА	
Не из чёрного дерева люди	148
АВТОРЫ НОМЕРА	158

Владимир КРЮКОВ

ВТОРОЕ ДЫХАНИЕ

Вадима Николаевича я впервые увидел на одном из семинаров молодых литераторов в конце 1970-х. Он совсем недавно стал ответственным секретарём Томской областной писательской организации. Видел я его только на открытии семинара, потом он работал в секции прозы, а я обсуждался со стихами. Но и при этом кратком общении отметил его внимательные глаза, негромкий голос. Говорил он немного, по делу, доброжелательно, серьёзно. В то время я прочёл несколько его рассказов о жизни послевоенной деревни. Видно было, что это не просто «на тему», что автор хорошо знает то, о чём пишет. И написано было хорошо.

Какой-то год спустя началось в Томске дело читателей самиздата. Я был в их числе. С работы погнали, на всякие публикации простёрся запрет. Увиделись мы снова через много лет на одном из заседаний «Мемориала». Макшеев стал членом Совета этого общества почти при его создании в конце 1988-го, я несколькими годами позже.

После прочтения повести «И видеть сны» мне открылся «другой» Макшеев. До этой публикации в журнале «Октябрь» жил в нашем городе автор добротной деревенской прозы. Наверное, он так и писал бы на том же хорошем уровне на ту же тему, если бы в нашу жизнь не вошли перестройка и гласность, если бы не случился прорыв в общественном сознании на рубеже 90-х... И писатель Макшеев словно обрёл второе дыхание. На рубеже нового века были изданы книги, открывшие нам новые грани его дарования.

Проза Макшеева всегда была автобиографичной, но только сейчас он смог рассказать о своём эстонском детстве и последующих трагических событиях своей судьбы. Затем последовал ряд замечательных рассказов, повесть «По муромской дорожке». Написано это было талантливо, и впечатления, воспоминания очевидца обретали всеобщую значимость, за событиями частной жизни вставали события отечественной истории.

Было это лет 15 назад. Уже под ночь я закончил читать книгу Макшеева «Последнее перепутье». Помню, отложил книгу, погасил свет, но сон не шёл. Вспоминал скупые рассказы мамы, тёти Дуси, тёти Мани, бабы Марфы, переживших насильственное переселение с освоенных земель в дичь и глушь, за Нарым. А растревожила мою память хроника одной крестьянской семьи, названная просто и страшно – «Гонение». Это свидетельства близких автору людей, для которых хождением по мукам стала ссылка из Прииртышья на Васюган. Рассказы ссыльных переданы с максимальной достоверностью. Да и не могло быть иначе. Вадим Николаевич и сам был сослан на дикий север в детском возрасте. Но завершается хроника не проклятьями, а глубоко печальными вопросами: «Зачем всё это было? За что было гонение? Господи, ну за что же?».

Нигде не прорывается ярость, даже та, «благородная». А ведь здесь, на Васюгане, умерли от голода мать и сестрёнка, отец канул в уральском концлагере. Что же, автор простил всех обидчиков, отнявших близких людей? Нет, сегодня просто не до них.

Время собирать камни, вспомнить тех, кто оставил светлый след в душе. Вспомнить родителей, которые не по своей вине ушли так рано. Вспомнить о тех днях, когда все были вместе, о «давнем, сбережённом памятью как нечто трогательное и светлое».

В сталинскую пору и даже после смерти тирана надо было скрывать своё прошлое, прятать и хранить в душе самое сокровенное об отце и матери. Он сохранил, и сегодня поделился с нами дорогими воспоминаниями.

Автор говорит о дымке, в которой расплываются черты дорогих лиц. И всё-таки мы хорошо видим и слышим это ушедшее время. Мы вдыхаем вместе с мальчиком запах паровозного и махорочного дыма на станции и другой, домашний запах – туалетным мылом пахнут сложенные в комод наволочки и простыни.

...Невозможно обратить время вспять и что-то изменить в былом. Можно лишь вернуться памятью в давние дни и годы. Воссоздать прошлое до деталей, так осязаемо и ощутимо – в этом почерк мастера. А может быть, говорит Вадим Макшеев, «это потаённая боль моих родителей, может, это их память продолжает жить во мне?».

Никто не ответит ни на этот, ни на другой мучительный вопрос: «Неужели дано быть вместе только раз, один только раз?».

Но есть благодарная человеческая память, противостоящая разрушению и забвению.

Эта память болезненна. Может быть, не тревожить её? Нет, нам всё-таки ближе замечательная строка Высоцкого о ранах души: «Чтоб лучше помнить, пусть они болят».

Я написал об этой макшеевской книге. Вадим Николаевич прочитал мой отзыв и сказал хорошие благодарные слова. Мы стали общаться больше и говорить подробнее после заседаний комиссии по помилованию при губернаторе области. А на этих заседаниях он постоянно старался вникнуть в судьбу каждого заключённого, обратившегося с просьбой помочь. Помню несколько случаев, когда он заставил нас, коллег, вернуться к делу, которое казалось очевидным, и рассмотреть его внимательнее, проявить понимание и сочувствие.

Чуть не написал «сострадание». А почему бы и нет? Это очень важное и слово, и понятие для Вадима Николаевича. Мы об этом говорили. Наверное, я как-то упрекнул его в излишнем, порой непонятном мне, мягкосердечии. Он не стал спорить. Он сказал что-то вроде: «Ты к этому придёшь, Володя. Ты ещё дорастёшь». И я тоже не стал упорствовать. Нет, не дорос, и уже, похоже, этого не случится.

Тогда, в начале 2000-х, он предложил перейти на «ты», отменить отчество, на что я, понятно, согласился, но в одностороннем порядке. Мне такое обращение не давалось.

И, может быть, только в последний год его жизни я стал иногда говорить «ты», но с прибавлением неизменного «Вадим Николаич».

Бывал я у него в академгородке редко, но встречались мы сердечно. Доброжелательность его была неподдельной. Надо сказать, кот Вадима Николаевича этой чертой не обладал. Смотрел на меня холодными, недобрыми глазами. Но и вполне обоснованно: я отнимал у него (хотя бы на время) хозяйское внимание. А Вадим Николаевич до последних дней сохранял интерес к тому, что творится вокруг – и в глобальном смысле, и к тому, что происходит рядом: что пишут коллеги, как издаются. Ему трудно было читать, и он расспрашивал о том, что я узнал из новой отечественной прозы. Я представлял ему последние вещи Прилепина, Сенчина, Варламова, Улицкой. Не знаю, насколько мне это удавалось, но слушал он внимательно, кивая, порой переспрашивая, делая точные замечания.

Мы пили чай на кухне. Хозяин выставлял на стол рижский бальзам – он был привезён оттуда, из Прибалтики.

В Эстонии, откуда маму и малых детей выбросили на Васюган, знают имя Макшеева. Знают его «Нарымскую хронику», посвящённую памяти эстонских спецпереселенцев – людей, безвинно пострадавших в годы репрессий. О высоком уровне этого повествования говорит то, что «Нарымская хроника» была издана в серии «Исследования новейшей истории» под редакцией А. И. Солженицына. В 2011 году посол Эстонии в России вручил Макшееву орден Креста Земли Марии четвёртой степени за то, что он отдаёт столько времени и сил исследованию и отражению в творчестве этой трагической темы, этих печальных и страшных страниц нашей истории.

Некруглую дату – 92 года – ветеран писательского цеха встретил спокойно, без шума. Встретил в добром здравии (с поправкой на солидный возраст). Но и к этому дню рождения подгадал хороший подарок. В 2009 году в эстонском издательстве «Александра» вышла его книга «Несите ей цветы». В канун 92-летия он получил по почте ещё одну книгу на эстонском языке: «Дамоклов меч» (издательство «Таллинн», 120 страниц). Она содержит десять рассказов. Среди них известные нашему читателю «Венчальные свечи», «Прости, отец» и другие.

Помнят и почитают Вадима Николаевича и на васюганской земле, где он прожил два десятка лет, которая поневоле стала второй родиной. Помнят, любят и называют «наш Макшеев». Он – почётный гражданин Каргасокского района.

Ещё на рубеже 80–90-х годов Вадим Николаевич призвал увековечить в бывшем райцентре Новый Васюган память погибших здесь спецпереселенцев. Люди помнили о той трагедии, но в то сложное время начала 90-х, согласитесь, было не до памятников. И всё-таки в конце концов осенью 1997 года такой памятник был установлен.

90-летие писателя было широко отмечено в школах и библиотеках района. Замечательно, что все эти вечера и встречи были ориентированы на подрас-

тающее поколение васюганцев – оно должно знать и помнить горькую правду тех проклятых лет. Для сегодняшних молодых достойная жизнь земляка может стать примером, поможет противостоять той шушере, которая уже окрепшими голосами «учит нас жить», приговаривая: «Хватит о репрессиях! Надоело! Хотим гордиться великой страной, а вы разрушаете её образ!». Книги Вадима Николаевича Макшеева – наши союзники в противостоянии демагогам.

...У меня на полке несколько книг с дарственными надписями моего старшего товарища-писателя. Там есть разные обращения – «моему давнему знакомому», «собрату по перу». Но с особым чувством я открываю одну из его последних книг «Последнее прости», подаренную мне в одну из последних встреч (сколько «последних» здесь сразу сходится), где Вадим Николаевич написал: «Другу моему Владимиру Крюкову на память эту невесёлую книгу. В. Макшеев. P. S. Даст Бог, страшное не повторится».

Валентина ЧУБКОВЕЦ

СИРОТИНКА

Если бы у меня в детстве было столько игрушек, сколько сейчас у моей собачки Дашки, я бы была самым счастливым ребёнком. Но у меня их просто не было. Да и в магазинах негусто было, а сейчас всяких навалом. Увидала как-то маленького из мягкого пластизоля жука, до того понравился. Купила. Он и стал любимой игрушкой у Дашки, да и не только у неё, нам интересно было подержать жука в руках. Сходство с настоящим поражало всех. Стоило к нему прикоснуться – весь начинал шевелиться, словно живой, вот-вот поползёт.

Пришла как-то свекровь в гости, пообщались, чай попили, разговорились, затем она резко соскочила с кресла, сняла тапочек и к углу ринулась. Я приостановила:

– Вы что? – спрашиваю.

– А во-о-он, жук ползёт, – в недоумении протягивает она.

– Ну и пусть ползёт. – Я-то уже поняла, про какого жука она говорит.

– Да ты что, здоровенный такой, откуда он взялся у вас?

Она снова норovit к жуку, но я её удерживаю.

– Откуда, откуда... Приполз откуда-то, пусть живёт, он нам не мешает, – взглянув на жука, продолжаю разговор.

– Ну, тебе не мешает, а мне мешает, – снова пытается соскочить с кресла, но... не успела договорить, как прибежала Дашка, жука в зубы, и понесла восвояси. Жук, естественно, весь зашевелился, а мне пришлось признаться, что это игрушка. Посмеялись.

Посмеялась я и тогда, когда целенаправленно принесла этого жука к Вадиму Николаевичу. Пройдя в его комнату, незаметно подкинула насекомого на краешек дивана. Усы и лапы жука задёргались.

– Ой, – притворно вскрикнула, отпрянула от дивана, заметив, с каким удивлением Вадим Николаевич вытаращил глаза на жука.

– И откуда это он? – удивляется ещё больше, разводя руками.

– Да, поди,дохлый, – прикидываюсь, словно не заметила, что жук шевельнулся.

– Нет, нет, Валечка, он живой!

Тут Вадим Николаевич для полного убеждения берёт со стола очки и возвращается к дивану. А я, опять же крадучись, задела жука, жук снова задрогал лапками и усам.

– Да живой он, Валечка, живой! – радуется жуку.

– Ну и что ты с ним будешь делать? – задаю вопрос, сдерживая улыбку. (Хочу добавить, что на тот момент Вадиму Николаевичу без году девяносто).

– Как что, не убивать же его, сиротинку?... И откуда он приполз? – размышляет вслух, пожимает плечами в негодовании.

– А-а-а давай его с балкона скинем, пусть летит, – предлагаю.

– Не-е-ет, так нельзя. На улице потеплеет, тогда и отпустим, а сейчас пусть у меня погостит. Куда ему – холодино там ещё. И откуда он взялся?...

– А мне кажется, он до-о-охлый, – медленно протягиваю палец к жуку, затем резко отдёргиваю руку в сторону с испугом: – Ой, вроде, живой.

Вадим Николаевич тут же берёт карандаш со стола и прикасается к жуку для полного убеждения. Жук снова зашевелился.

– Живой, Валенька, я ж тебе говорю, что он живой, но слаб, попоить бы его не мешало, – сочувственно сказав, отправился на кухню за водой. А мне так стало жалко Вадима Николаевича: зачем же я его разыгрываю, признаться бы уже пора... Но вижу: тащит коробку из-под книг. Тут я помогла положить жука, вернее, бросила его туда. Опять же прикинулась, что брезгую.

– Да не бойся ты его, Валечка, он и так обессиленный...

– Ага, не бойся, сам, небось, тоже боишься.

– Да нет, я вроде бы и не боюсь, но как-то... – втянул голову в плечи, улыбнулся, затем нагнулся над коробкой и стал внимательно разглядывать насекомое. Причём у Вадима Николаевича зрячий только один глаз, и то так себе.

– Сейчас водичкой попоим и крошечек хлебных дадим, всё вдвоём нам веселее будет. А летом я его отпущу, пусть летит с богом.

Тут я не вытерпела:

– Вадим Николаевич, а вы на календарь посмотрите, какое сегодня число?

– Ну, первое, – отвечает в недоумении, для убеждения всё же глянул на настенный календарь.

– Так вот: пошутила я, обмануть вас решила, в этот день можно....

Тут мы вспомнили и другого года первого апреля, когда я медвежонка ему предлагала... Но то другая история. Посмеялись. Рассказал мне, как однажды за ванной жил у него паучок, долго жил, с полгода, однако потом куда-то исчез. Много раз мы и этого жука вспоминали. А я как можно чаще стала звонить и ходить к Вадиму Николаевичу в гости, понимая, что такое одиночество. И больше никаких розыгрышей. Никаких....

Я уже не позволю, и не пойду к нему в гости. Он там, на небесах, сильно его не хватает. Похоже, теперь я – сиротинка.

Ирина НЕКЛЮДОВА

НАДЕЮСЬ...

Нынешняя зима для Томска выдалась особенно суровой. И не только из-за сорокаградусных морозов. Мир живых покинули сильные люди, значимые для города, творящие его историю, наполняющие пространство любовью, творчеством, сопереживанием. Журналист и писатель Виктор Андреевич Лойша ушёл на 72-м году жизни. Не стало Владимира Яковлевича Захарова, создателя, вдохновителя, актёра знаменитого на всю страну театра «2+Ку».

Девятого февраля в Богоявленском соборе Томска мы простились с нашим старшим товарищем, писателем Вадимом Николаевичем Макшеевым. 93 года – срок немалый. Написано тоже немало. О людях, о трудностях, о чувствах, о пережитом лично.

Самое главное – его человечность, доброта, отзывчивость – останутся с нами навсегда. А ведь пережил такое, что невольно задаёшься вопросом: как можно было душу сохранить в жёстком хаосе депортаций и репрессий. 1941 год, Вадиму 15 лет. Он с родителями и младшей сестрёнкой живёт в Эстонии, которая в 1940 включена в состав СССР. Он счастлив, как и должен быть счастлив ребёнок (или это родители его оберегали): скаутская дружина, искренние друзья, занимательные недолгие поездки с отцом, строившим в числе других железнодорожную ветку «Тарту – Петсери». Вадим, как и другие подростки, с гордостью носит на школьном пиджаке красноармейскую красную звёздочку. Несмотря на то, что его отец, Николай Александрович, – петербуржец, офицер из семьи военных, сражался на полях Первой мировой войны, а затем стал участником войны гражданской на стороне белых. После эмигрировал сначала в Италию, потом во Францию, а затем семья обосновалась в Эстонии. Ему удалось выжить в двух войнах, но погиб он в ГУЛАГе, на Урале.

14 июня 1941 года произошла массовая депортация эстонцев в глубины страны, подальше от границы. Семью Макшеевых разделили, отправив детей и Ольгу Фёдоровну на поселение в спецкомендатуру Сиблагеря в Нарымский округ. Начались самые страшные годы. Как писал сам Макшеев, «...первыми обживать чащобные берега нарымских рек завезли в начале тридцатых годов семьи раскулаченных крестьян». Но места всё равно оставались дикими, нежилыми, с летним гнусом, осенней непролазной слякотью, зимними не щадящими никого морозами и весенней распутицей. Когда ты не понимаешь, за что, чем провинился, в сто крат тяжелее. Жалко себя, родных людей, маму, сестрёнку, которой всего пять лет. Есть нечего. Если поначалу спецпоселенцам продавали в сельпо хлеб (не более 500 граммов взрослому и 300 граммов ребёнку), то затем и это прекратили вследствие неурожайного года и продиктованной военным временем необходимости сдачи зерна государству. Каждый выживал как мог. Но как победить голод? Через год и сестрёнку Светлану, и

свою маму подросток Вадим похоронил сам в одной могиле. Он не мог рассказывать об этом вслух, душили слёзы. А сказать необходимо, чтобы с другими подобного не случилось. Вадим Николаевич умер в день рождения своей сестры, 7 февраля. В 1942 году Светлане было всего шесть лет.

Читайте его книги, в них всё сказано. Жизнь в колхозе нелёгкая. Работа за трудовни. Вместо зарплаты – натуральный продукт. Перепробовано, переделано всё: и заготовка леса, и труд на полях, и скирдование сена, и работа с лошадьми; даже молотобойцем в кузне пришлось быть. Был в его практике и рыбозавод в Новом Васюгане. Грамотность востребована всегда, и привела молодого человека к службе в бухгалтерии, куда зачислен был счетоводом. Это позволило анализировать жизнь с иной стороны. Житейская наблюдательность помогла разбираться во многих скрытых нюансах. Недостатков в организации производства, в быте колхозников было немало, и Вадим Николаевич осторожно начал говорить об этом. В конце концов желание помогать людям, природное равнодушие заставило прийти в журналистику. Статьи о проблемах сибирской деревни стали появляться в местной периодике и даже в центральном специализированном журнале «Учёт и финансы в колхозах».

Начало было положено в середине 50-х годов. А уже в 1960 году беспартийный колхозник Вадим Макшеев (колхозникам паспорта не полагались) был принят в Союз журналистов СССР. Первая серьёзная должность – назначение завотделом сельского хозяйства в каргасокскую районную газету «Северная правда». Одновременно – собственный корреспондент газеты «Советский Север». В 1963-м – переезд в Томск, работа в областной газете «Красное знамя» на протяжении 15 лет. Первый рассказ «Исполинка» (1968) опубликован в одном из значимых и по сегодняшний день журналов страны «Сибирские огни», затем – публикации в региональных и центральных журналах. В 1973 году в Москве, в издательстве «Современник», вышла первая книга «Последний парень». В 1977 Вадим Николаевич Макшеев принят в Союз писателей РСФСР. С 1978 по 1987 годы служил ответственным секретарём Томской областной писательской организации Союза писателей РСФСР.

На протяжении всей жизни повести и рассказы Вадима Макшеева публиковались в коллективных сборниках и альманахах; включены в различные антологии; печатались в столичных и региональных журналах. Неоднократно публиковался он и за рубежом в издающихся на русском языке эстонских журналах «Вышгород», «Радуга», «Таллинн».

В советское время не принято было открыто говорить о репрессиях, о тяжёлых судьбах несправедливо осуждённых людей. Всю правду можно было поведать только после обрушившейся на нас перестройки. В 1988 году в Томске создаётся Всероссийское историко-просветительское общество «Мемориал», в котором Вадим Николаевич принимает самое живое участие. Город Томск и его равнодушные жители по-прежнему сохраняют и поддерживают активно действующий следственный музей НКВД. Страшное место в центре города, отрезвляющее нашу короткую память.

Много лет писатель воссоздаёт хронику событий через личности встреченных им или живших неподалёку, пишет о людях родных деревень Красно-

ярки и Маломуромки, деливших с ним тяготы ссылки, войны, послевоенного лихолетья. *«Я пишу печальные вещи. Такая моя биография. Но страдание, страдание – это стимул к творчеству»*, – признаётся писатель. В 2011 году Вадима Николаевича Макшеева благодарные томичи выбирают «Человеком года».

У Вадима Николаевича немало наград и медалей. Назову самые значимые: медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (1946), ордена СССР «Знак Почёта» (1973, 1986), медаль «Ветеран труда (СССР)» (1987), знак отличия (орден) «За заслуги перед Томской областью» (2005), почётный знак Союза журналистов России «Честь, достоинство, профессионализм» (2006), золотой нагрудный знак Законодательной думы Томской области «Герб Томской области» (2011), орден «Томская Слава» (2016).

Наш Макшеев – лауреат многих литературных премий. Заслуженный работник культуры. Его любили и любят все. Нет человека, который мог бы сказать о нём плохо. Врождённая интеллигентность, мягкая улыбка, добрый взгляд, предупреждающий о том, что тебя понимают глубже тебя самого и прощают заранее все невольные огрехи. Человек уходящего поколения. Остаются единицы.

Вадим Николаевич Макшеев – автор следующих книг художественной прозы и публицистики: «Последний парень» (1973), «Чужие люди» (1976), «Красные кони» (1979), «Рассказы и повести» (1986), «Разбитое зеркало» (1989), «И видеть сны...» (1994), «Нарымская хроника 1930–1945» (1997), «По муромской дорожке» (2000), «Последнее перепутье» (2003), «Венчальные свечи» (2006), «Несите ей цветы» (2008), «Спецы» (2008), «И мы поедем домой, в Россию» (2010), «Стёжки-дорожки» (2010), «Записки провинциального писателя» (2010), «Я встретил Вас...» (2008), «По собственным слезам, по собственным следам...» (2013). Томская писательская организация подготовила к печати антологию под названием «Библиотека томской поэзии и прозы». Вадим Николаевич Макшеев представлен в первом томе.

Вадим Николаевич Макшеев – лауреат премий Союза журналистов СССР (1973), Союза писателей РСФСР (1986), журнала «Октябрь» (1989), премии «Томская область 1998», фонда им. П. И. Макушина (1999), губернаторской премии им. В. Я. Шишкова (2000), городского литературного конкурса «Томская книга-2008», конкурса «Лучшая книга десятилетия» (2009). Он был активным членом Комиссии по вопросам помилования при губернаторе Томской области, членом Общественной палаты Томской области, членом Совета по высшим наградам при администрации Томска. Всем старался помочь, как мог. И сделал всё от него зависящее при жизни.

И будет помогать дальше оставленным, впечатанным в бумагу словом. Он – живой свидетель немислимых событий. Он – первоисточник, правдивый и доброжелательный. Читать его тексты и тяжело и легко одновременно. Скорбные темы, жалость, беда и летящий, но чётко выверенный слог. К живым рассказам светлого мастера будут возвращаться снова и снова школьники и учителя ...Спасибо за то, что были и остаётесь рядом с нами по-прежнему...

В заключение хочется привести его ответы на вопросы журнала «Медиа-тор»: «Что я люблю?», «Что ненавижу?», «О чём мечтаю?».

«Я ЛЮБЛЮ... В моём понимании любовь – чувство возвышенное, вмещающее в себя столь многое, что объять всё невозможно. Более пятидесяти лет прожил я со своей женой, любил её, и хотя уже больше года, как она ушла из жизни, храню в душе к ней любовь. Люблю прозрачную осень, не испохабленный людьми лес, люблю томскую землю, на которой живу более 60 лет. Было за эти годы в моей жизни много печального, горького, но и светлое тоже было.

НЕНАВИЖУ... Жизнь с ощущением ненависти разрушает душу. Поэтому заменяю слово «ненавижу» на «не приемлю». Не приемлю жестокости, высокомерия, наглости, лицемерия, тупого упрямства.

МЕЧТАЮ... Мечтают в молодости, когда всё ещё впереди. В моём возрасте остаётся лишь на что-то надеяться. Надеюсь, что жизнь в моей России станет отрадней. Сбылось бы хоть это...»

Владимир Козубов

ТИХИЙ ПРОЗРАЧНЫЙ ОМУТ

Моё детство прошло в маленьком степном посёлке с гордым названием Соколовка, расположенном на равнине степного Алтая. Отцы-основатели, закладывая наш посёлок в 1924 году, осязательно дали маху, расположив его вдали от больших рек, озёр и солидных складок местности. Они ведь руководствовались тогда совсем другими критериями, на повестке дня у отцов-основателей стоял вопрос о хорошей земле для возделывания агрокультур. Вот тут они не оплошали, картошка и капуста с морковкой у нас и впрямь родились отменные, да и пшеница с кукурузой – тоже. Кукуруза стояла словно лес – под два и более метра. Я уже не говорю о ягоде-паслёне. Чисто смородина был паслён, такие же здоровенные кусты и ягоды на них.

При отсутствии гор и крутых склонов проблему со штурмом и покорением высот мы всё же худо-бедно решали: карабкались на тополя, берёзы и клёны, и, ухватив их за вершины, плавно, а иной раз и не совсем плавно, а резко и с располосованными штанами «парашютировали» на землю. А ещё мы карабкались по гладким опорам геодезического пункта триангуляционной сети вверх, чтобы быть поближе к небу, а зимой отчаянно и бесшабашно сигналы вниз с высоты 10–12 метров в глубокие сугробы, воображая себя десантниками.

Таким образом, если с покорением высот вопрос как-то решался, то с покорениями водных глубин у нас в малолетнем возрасте был полный застой по причине отсутствия приличных водоёмов у нашей маленькой Соколовки.

Хотя места для купания, вернее, для бултыхания у нас всё же наличествовали. Первым купальным местом были так называемые «Долки», располагавшиеся сразу же у края посёлка, за деревянной ветряной мельницей, и «Кочки» – низина в километре от нашего посёлка, отделённая от «Долков» небольшой земляной гриной, на которой после весенних дождей в изобилии росли грибы шампиньоны. Вот в этих низинах по весне скапливалась талая вода, заливая довольно-таки обширные площади. «Долки» были помельче и пересыхали полностью уже к концу июня, а «Кочки» держались при обильных летних дождях и до сентября месяца. По краям стихийного водоёма «Кочки» густо рос рогоз. В небе носились и плакали чайки, по отмелям бродили болотные кулики, трясогузки и другие мелкие птицы. А когда налетал ветер, то по воде неслись и шумно плескались о низкий плоский бережок самые настоящие волны. При известном воображении, стоя на этом плоском бережку и имея на стриженной «под ноль» голове бескозырку с надписью на атласной ленте «Моряк» или «Герой», можно было вполне мнить себя бывалым морским волком. Правда, местом для купания низинка эта была, скажем так, не совсем подходящим, потому что как раз здесь же находились и летние выпаса нашего поселкового домашнего

стада, так что берега и прибрежная часть водоёма были густо «заминированы». По малолетству мы мало обращали внимания на это обстоятельство, но, став школьниками, уже чурались подобных водных процедур.

И, чуток повзрослев, для купания мы облюбовали другое место, тоже не-подалёку. В километре на юг от посёлка, в берёзовом колке, к которому вела узенькая тупиковая просёлочная дорога, проложенная меж пшеничных полей, находилась блюдцеобразная впадина, в которой также оставалась к лету вода от весеннего таяния снегов. Но к тому времени, когда подходила пора купания, а это конец мая – начало июня, «озерцо» это ощутимо сокращалось в размерах, становясь в зените лета уже просто банальной ямой, в которой от нашего бултыхания вода становилась мутноватой. Конечно, после такого «купания» приходилось отмыться дома водой из бочки. Но, тем не менее, такие вот водные процедуры как-то утоляли нашу мальчишескую страсть к водной стихии. И других перспектив у нас пока что не было.

Не было до той поры, когда, на наше мальчишечье счастье, в стране начался подъём целинных и залежных земель, как тогда выражались. И наш забытый богом и людьми посёлок тоже оказался втянут в этот водоворот грандиозных перемен. Жизнь прямо-таки забурлила, стремительно менялась, поражая нас, мальчишек, разнообразием всевозможных технических чудес: в посёлок привели радио, электричество.

Ну, словом, много было всякого-разного интересного, это надо отдельно рассказывать! Много, много разнообразной техники поступило к нам в посёлок. Но и мы, мальчишки, получили неслыханное диво дивное – в продаже появились велосипеды! О это сверкающее хромированно-никелированное чудо! Сколько шишек набили мы, сколько ссадин, осваивая рогатого коня! Но все эти синяки и шишки, вызванные падениями, конечно же, сторицей окупались, когда мы освоили велосипед. Ибо мы получили средство передвижения, и наши горизонты ощутимо раздвинулись, у нас словно крылья за спиной выросли! И тут вплотную встал вопрос о мальчишечьей экспансии. Мы двинулись на поиски и завоевание новых жизненных пространств обитания, и таким местом для нас стала Калиновка – расположенная в трёх километрах от нас покинутая деревушка. Жители её давно разъехались по окрестным сёлам и деревням, а на месте стоявших когда-то хат теперь горбились невысокие холмики.

Калиновка располагалась на правом, пустынном берегу степной речушки Кучук, в долину которой с окрестных увалов левого берега сбегали березняки, а в них в изобилии росла душистая лесная земляника. Вы спросите, почему жители из такого благодатного места уехали? А по той простой причине, что огороды у них на правом берегу были плохи, не родилась картошка-капуста. Да, вот такой казус. Но в подтапливаемой по весне речной долине росла высокая густая трава, и здесь располагались летние выпаса наших поселковых животноводческих ферм, где нагуливали вес коровы, телята и барашки.

Вот именно здесь и была наша вотчина, наш подростковый рай. Здесь мы властвовали безраздельно, река было полностью под нашей юрисдикцией. Здесь мы ловили рыбу и сусликов, жгли костры, варили уху, пекли картошку и жарили мясо тех же сусликов, собирали ягоды. Ну, и, конечно же, купались. Да,

это было самое чудесное время! Мы плавали по реке на накачанных воздухом старых автомобильных камерах, ныряли, натянув на глаза очки комбайнёра, пытаясь проникнуть в подводный мир. Как раз вовремя подоспел фильм «Человек-амфибия», а за ним и восхитительный, завораживающий фильм «В мире безмолвия» Жака-Ива Кусто. И ещё приключенческий фильм «Голубая стрела», где тоже были эпизоды подводных съёмок. Конечно, мы срочно и безнадежно заболели подводным плаванием. Но как, какое подводное плавание в крохотном степном посёлке? Это вам не сигание с высоты двенадцати метров в снег с воображаемым куполом парашюта за спиной! Подводная стихия – дело серьёзное, тут одного воображения мало, нужно специальное снаряжение. Очки комбайнёра явно не годились, и мы раздобыли где-то старенькие круглые очки в резиновой оправе, непонятно для чего предназначавшиеся. Герметизация очков была из рук вон плохой, но всё же что-то можно было рассмотреть. Встал ребром вопрос изготовления ласт. Что же за водолаз и – без ласт? Самый подручный материал, которым мы располагали тогда, была фанера, которую мы и использовали на начальном этапе. Но такие фанерные ласты неудобны, тяжело их под воду утаскивать, поскольку всплывают они, и это направление было забраковано. Начали мастерить ласты из рваных автошин, скрепляя вырезанные пласты резины заклёпками в два, три слоя. Такой материал и такая технология ещё туда-сюда годились, упругость некоторая обеспечивалась. И мечта была – достать старый противогаз. Заметьте, не акваланг, а противогаз. Думалось: вот тогда-то мы сможем смастерить акваланг. Да, мечты у нас были нешуточные! А ещё мы делали подводный перископ, чтобы разглядывать флору и фауну в речных омутах. Словом, терпеливо и настойчиво пытались освоить водную глубь. Ну время было такое, стремительное, что ли... В космос запускались спутники и летали космонавты, прокладывались железные дороги, возводились плотины, разнообразная техника пылила по нашим степным просторам, небо было перекрещено инверсионными следами реактивных самолётов, и мы, мальчишки, тоже были захвачены этим вихрем: строгаи, пилили, скручивали, склеивали...

Уже окончив школу и уехав в 17 лет на учёбу, я впервые увидел настоящую, большую и судоходную реку. И одной из первых «солидных» покупок в городе у меня был «комплект № 1»: резиновая маска с дыхательной трубкой и пара пластиковых ласт. Моему счастью не было предела, я в первый же свободный день устремился на берег Иртыша и... И вволю нахлебался воды. Ибо всё оказалось не так-то просто. Но уже к концу дня я довольно сносно овладел искусством плавания в маске и шустро работал ластами. Достаточно прозрачные воды Иртыша давали возможность видеть подводный мир. И хотя этот мир реки Иртыш, конечно же, мало походил на неописуемой красоты подводные ландшафты тропических атоллов в фильмах Кусто, но всё же, всё же... Словом, я не был разочарован. Глядя на меня и ещё несколько парней из нашей группы приобрели «водолазное» снаряжение.

Попозже, выехав на геологическую практику, мы, как говорится, оторвались по полной программе. Наш учебный геологический полигон «Караульная сопка» Семипалатинского ГРТ располагался на берегу могучего Иртыша,

в широкой речной долине которого изобиловали протоки и старицы, а в них – достаточно чистая и прозрачная вода. Мы вдоволь ныряли, любуясь красотами подводного мира, погружались на большую глубину, исследовали заросли водорослей, пытались гонять вёртких рыб, воображая себя подводными диверсантами, переворачивали на мелководье полигоновские лодки-дюральки с визжащими от страха девчонками. Славное было время...

И как-то на полигоне со мной случилось не совсем понятное происшествие. Был в речной долине Иртыша, вправо, если спускаться к нему от палаток и жилых домиков полигона, под крутым бережком небольшой омут, этакая заросшая по берегам развесистой черёмухой старица. Вода в этом водоёме была очень холодной, видимо, роднички были на дне. Однако водичка, следует заметить, была прямо-таки кристально-чистая, прозрачная, словно слеза. В этом омутке мы не купались, поскольку берега у него были сильно заросшие, ветки деревьев в воду опускались, а ещё у берегов из воды торчали какие-то сучковатые коряги. В общем, береговая обстановка не располагала. Но мне почему-то хотелось нырнуть в этом омуте, вот хотелось – и всё. Прямо-таки тянуло туда нырнуть. Иногда я, проходя мимо этого омута, останавливался у сучковатого заграждения и подолгу всматривался в его зеленоватую воду. Хотя что там смотреть? У самого берега – усеянное корягами и затканное зеленоватым мхом дно. Но – тянуло. И вот как-то я всё же решился. Тёплым воскресным днём, когда мы отдыхали от учебных занятий, я, взяв комплект своего снаряжения, отправился туда, к этому самому чёртовому омуту, решив осуществить столь странно желанное подводное погружение. Напялив ласты, я осторожно, чтобы не наткнуться на сучья, вошёл в воду по пояс, надел маску, взял в рот загубник дыхательной трубки и поплыл на середину водоёма. Водичка даже за полдня не смогла прогреться до сносной температуры, была, конечно, холодновата, свежая такая водичка, но терпеть было можно. Выплыв на середину омута, я, изогнувшись телом, взмахнул ластами и ушёл на погружение.

Если вам приходилось видеть фильм «Последний дюйм», то вы должны помнить то ощущение, нечто вроде лёгкого шока, когда унылая и однообразная пустынная местность морского залива на экране вдруг резко сменяется потрясающе неправдоподобными, яркими красками подводного мира. Именно такое ощущение я испытал при погружении в омут! Под водой было удивительно красиво: донная поверхность омута была выстлана зеленоватым мхом, который к тому же висел длинными густыми космами-мочалками на затонувших корягах. Отчётливо виднелась разноцветная галька, лежавшая на дне в прорехах мохового покрова. Сверху, сквозь колеблемые лёгким ветерком кроны черёмухи и зеленоватую толщу воды, в глубины омута пробивался солнечный свет в виде светло-зелёных и светло-голубых колеблющихся столбов, похожих на колонны некоего величественного храма, упиравшихся в дно и высветлявших на нём пятна различной конфигурации. Эти световые солнечные пятна хаотично двигались по дну омута, и создавалось впечатление, что это не мох, а пятнистая шкура какого-то исполинского доисторического монстра, медленно передвигающегося по дну. Я завис над всем этим потрясающим и в то же время в чём-то жутковатым великолепием, медленно оглядываясь по сторонам, слег-

ка перебирая ластами. Медленные шевеления моих лап и колебания солнечных столбов и пятен были единственными движениями в этом прозрачном таинственном мире. Остальное всё как бы застыло в удивительном, завораживающем мире вечного безмолвия. Наверное, так должны выглядеть затонувшие храмы легендарной Атлантиды. Словом, зрелище было красоты необычайной, оторваться от созерцания которого было невозможно. Но это длилось всего лишь какое-то мгновение, может быть, минуту, полторы.

Внезапно меня обуял какой-то иррациональный, не поддающийся никакому объяснению страх. Мне вдруг отчётливо показалось, что кто-то или что-то внимательно и как-то даже *оценивающе* – другого слова я не подберу – рассматривает меня со всех сторон. Именно так: одновременно со всех сторон, вот ведь какая штука! И взгляд чужой, не человеческий. Вспомнилось: был у древних греков такой мифический персонаж – многоглазый Аргус. Мне стало жутко. Я с силой заработал ластами, стремясь наверх, прочь из этого таинственного безмолвного мира, так не по-человечески *разглядывавшего* меня, хотя воздуха в лёгких было ещё в достатке. Конечно, до знаменитого ныряльщика Жака Майоля мне было далеко, но уж 2,5–3 минуты без воздуха я в те годы мог обходиться свободно. Так что временем располагал. Но! Но непонятный страх гнал меня из воды. Скорее, скорее прочь отсюда! Вынырнув, я лихорадочно замолотил руками и ногами и, словно моторная лодка, помчался к берегу. Доплыв до береговых коряг, привстав из воды, пятясь, словно поминутно ожидая удара в спину – а я действительно боялся повернуться спиной к омуту, страх по-прежнему цепко держал меня в своих руках, – я заторопился на берег. Вот такие странные ощущения, причём спонтанно и беспричинно. Какой-то непонятный ужас, а почему, отчего – поди разбери, гнал меня на сушу. Паникуя, я кое-как выкарабкался на берег и кособоко, загребая ластами, подбежал к брошенной на траву одежде.

Сбросив ласты и маску на траву, отплёвываясь вязкой слюной, я присел на корточки и накинул рубашку на спину, чтобы немного согреться. Меня бил озноб, не знаю, от чего больше – от какого-то непонятного, жуткого ужаса или же от холода. Наверное, и от того и от другого. Полез в карман хэбэшных брюк, достал пачку сигарет «Шипка», закурил. С каждой затяжкой приходило спокойствие. Подумал: какого чёрта испугался? Ничего и никого в омуте не было, и быть не могло. Тогда *кто* или *что* на меня глядело со всех сторон? Нет, подумал я, чепуха какая-то. Никого там, в глубине, нет, наверное, мне просто почудилось. Докурив сигарету, я натянул штаны и рубашку, повесил ласты и маску на изогнутую дыхательную трубку и зашлёпал босыми ногами по узкой и извилистой тропинке к учебному полигону. О происшествии я ничего никому не сказал во избежание всевозможных насмешек. Но больше меня в тот омут не тянуло. Как ножом отрезало. Да я старался к нему больше не приближаться, обходил стороной. А ну его к шутам. На всякий случай.

Со временем происшествие это как-то улеглось в дальних уголках памяти, заслонённое другими событиями, но окончательно забыться – не забылось, и тот страх, который я пережил, он тоже никуда не исчез, запомнился. После этого случая мне доводилось купаться и совершать погружения во многих реках и

озёрах, малых и больших, и даже в морях. Но подобного наваждения со мной больше никогда не случилось. Хотя в воде иногда рядом проплывали змеи, водяные крысы, но вот непонятого, обезоруживающего, испытанного когда-то страха подобные встречи не вызывали.

И так с той поры остался без ответа вопрос, который меня мучает время от времени и сейчас: кто или что тогда, во время моего ныряния, так *не по-человечески* разглядывало меня со всех сторон? Ведь разглядывало же, я уверен в этом. И что же собой представляет это нечто или некто, чему у меня нет названия, которое в таком тихом кристально-прозрачном омуте, в котором нет ни гротов, ни пещер, и спрятаться-то негде, так напугало меня?

Наверное, не зря в народе говорят – в тихом омуте черти водятся. Не отсюда ли истоки всевозможных легенд о тех же чертях, водяных, русалках, наядах и прочих водных загадочных существах?

ОПЕРАЦИЯ «КЕМЭЛ»

Степной посёлок, в котором я родился и проживал будучи школьником, теперь уже, к сожалению, и на карте не отыскать. И вовсе не потому, что он маленький, а потому, что его, посёлка нашего, нет на местности, ибо жители его разбрелись кто куда по окрестным поселениям или вовсе рассеялись на просторах нашей когда-то большой и интересной страны. Вот и меня по окончании школы занесло из крохотного алтайского посёлка в бескрайние степи Казахстана. Хотя перед этим была и учёба, и армия, где из меня делали человека в большей степени городского, но всё равно где-то там, в потаённых уголках души, остались реликтовые островки мальчишечьей сельской психологии. То есть интерес ко всему, что попадает на глаза, и желание самому всё попробовать. Мальчишки сельские – они больше на свой опыт полагаются, ибо взрослые летом заняты невероятно, а пацанва предоставлена самим себе. Вот скажите, городские жители, кто-либо отпустит своего драгоценного пяти-, шестилетнего отпрыска, к примеру, на речку, да ещё на целый день? Вот то-то и оно. А в деревне – запросто, потому что и разрешения не надо спрашивать: снялись мальчишки ватагой и пошли на речку, словно гуси, выводком... Конечно, переживаний у родителей при таком образе жизни хватает, и даже более чем, но что поделаешь? Это же сельский уклад жизни, такое его своеобразие. Сельский образ жизни формирует и характер, и психологию поселковых мальчишек. Любопытство перехлёстывало через край, всего хотелось попробовать самим. В посёлке было несколько центров мальчишечьего притяжения, и один из них – это конюшня.

Тут много чего интересного. Главное, чтобы лошадь не шибанула копытом. Встречались такие норовистые кобылки, правда, редко. Да и могущий нервно и неадекватно отреагировать жеребец-производитель по кличке Первый находился в персональном загоне, так что мы преспокойно входили к лошадям

в общий денник, пролезая между жердей ограды. Всех колхозных лошадей мы знали по именам, и уже с пятого класса нам доверяли самостоятельно запрягать лошадей в телеги. В середине мая – начале лета по воскресным дням мы на пароконной бричке и водовозке–двуколке представляли собой мобильный истребительный отряд, противостоявший нашествию сусликов. Мы самостоятельно целый день разъезжали по колхозным угодьям, выливая водой из нор вредных грызунов. За отловленных грызунов нам начисляли трудодни, платили также и за мясо сусликов, которое мы привозили на птицеферму. Снятые шкурки отловленных зверьков мы сдавали в заготконтору, получая «живые» деньги, которые тратили на свои нужды: покупали капканы для ловли всё тех же сусликов, перочинные ножи и прочее крайне необходимое снаряжение. Так что обращаться с лошадьми мы умели. А некоторые ребята были в особенности запанибрата с ними, например, братья Демченко Коля и Миша. Эти ребята вообще, словно цыгане, могли подойти в степи к любой лошади и поймать её. Наверное, слово какое-то знали. В общем, с лошадьми мы были в самом настоящем симбиозе. Бывало, летом, рыская ватагой по окрестным лесополосам и колкам, проголодавшись, мы выходили к табуну колхозных лошадей и вдоволь пили кобыльего молока. А как? – спросите вы. А так же, как пьют его, вернее, сосут жеребята. Сельская жизнь, знаете ли, несколько упрощает нравы. Это городские дети выезжают с родителями «на пленэр», мы же на этом самом «пленэре» жили, и не всегда наши родители, как я уже говорил, были в состоянии присмотреть за нами.

Но я к чему это веду? А к тому, признаюсь, что, несмотря на своё сельское происхождение и соответствующее воспитание, я так и не выучился, к сожалению, толком ездить верхом на лошади. Нет, если лошадь осёдланная – то да, тут я вполне смотрелся как всадник. Ну, чудеса джигитовки, я конечно, не показывал. Вообще такое в посёлке у нас не практиковалось, наши люди ездили на осёдланных лошадях без всякого, как сейчас говорят, экстрима, как обычно. Я также ничем не выделялся из эскадрона сельских конников. Но только в седле. А вот без седла я мог на лошади проехать лишь лёгкой рысцой, не более. Но промчатся по-настоящему, рысью там или галопом – увы, не получалось. Кубарем на землю – и конец езде... Не мог скакать я «по-индейски», без седла. Кстати сказать, не у всех мальчишек оно и получалось, без седла чтобы. Однако те два брата, о которых я говорил – они, словно черти, скакали без сёдел и хоть бы что... А вот у меня – не получалось. Хотя мой дед Роман пытался научить меня. Бывало, посадит на лошадь – отведи, Володька, на конюшню. Ну, пока еду шагом я – ещё ничего, получается, а пошла лошадка скоком – и закончилась приятная фаза езды: зарёванный, в пыли я возвращаюсь домой. Лет шесть мне было тогда. В общем, не вытанцовывалось скакать без седла на лошади. Видать, не судьба. Как оказалось в дальнейшем, не только на лошадях, но и вообще на верховых животных. Это я понял, когда жил в Казахстане, где приходилось иной раз и на других видах животных ездить верхом, например, на ишаках, на верблюдах.

Кстати, о верблуде. Вот ещё творение Природы! Тот ещё скакун! И, честно говоря, я не могу понять, как там суданские кавалеристы гарцуют на сво-

их одnogорбых дромедарах. А ведь мало гарцевать, надо ещё шашкой рубить противника и палить в супостата из карабина. Нет, этого я себе представить не могу. Потому как довелось мне однажды поскакать на верблюде, и опыт какой-никакой, если можно так выразиться, верблюжьей джигитовки у меня имеется, хе-хе. Вот с тех самых пор я люблю только верблюжатику как мясо, а не скачку на верблюдах. Хорошее, кстати, мясо верблюжатики, не зря оно у степняков третьим по *вкусоности* считается. На первом – конина, на втором – баранина. Нет, без всяких натяжек, верблюжье мясо и впрямь неплохое. Но как-то уж обильно пенится при варке. Этим можно и пренебречь, но вот скачка на верблюде... Скачка на верблюде – это нечто! Это незабываемо, как первая любовь. Знаете, такое пожелать даже своему врагу не совсем удобно. Неблагодарно, что ли. Однако, давайте по порядку....

Как-то бурили мы скважину на бескрайних равнинах Бетпак-Далы. Наша буровая находилась на плоской, словно гигантская лепёшка, местности, реденько покрытой первой весенней травкой. Стояла весна – лучшее время года в степях и пустынях Казахстана. Правда, в той местности, где мы располагались, буйства природы и сопутствующего ему карнавала красок не наблюдалось, скромненькая была обстановка в окрестностях, но всё равно приятная глазу зелень лёгкого весеннего травяного покрывала наличествовала в той достаточной степени, чтобы периодически вызывать беспричинную счастливую улыбку на лицах. Буровая бригада Алексея Ермакова мне была хорошо знакома, я с буровиками вместе работал ещё будучи на преддипломной практике. А нет лучшего душевного комфорта, чем находиться среди людей, хорошо тебе знакомых и симпатичных. Со сменным мастером дядей Колей Кирюхиным мы когда-то гоняли на мотоцикле с коляской в колхозный сад за персиками и виноградом, а объёмистый, *широкоплечий в животе* дядя Саша Тиллаходжаев учил меня искусству обработки бараньих голов с целью их последующей варки. Правда, кушать облепленные жиром бараньи глаза я так и не научился. Тут должен признать – дал я слабину, спасовал. Не смог. Но нельзя же объять необъятное, верно? Словом, бригада была мне хорошо знакома, потому и пребывание моё в кругу знакомых людей было достаточно приятным.

И вот как-то раз загоношились наши буровые ребята съездить на рыбалку. А я по каким-то – уже не помню – причинам поехать не смог. Хотя подобные мероприятия старался не пропускать. Романтик же был, и полевая жизнь мне нравилась, особенно эти её стороны: рыбалка, охота, разговоры на берегу реки или озера у костра после хорошего ужина, долгие маршруты, ночёвки под звёздным шатром южного неба, новые, неизведанные места. Но в тот раз не вышло у меня поучаствовать в интересном мероприятии: были какие-то неотложные дела на буровой, а работа – это главное. И тут уж ничего не поделаешь. Жизнь – она состоит не только из приятностей.

Кроме водителя на рыбалку уехали ещё три человека, уселись в кузов и рванули к горизонту. Озеро находилось недалеко, километров 20–25. Ребята выехали к вечернему клёву, рассчитывая назавтра к обеду привезти в отряд свежей рыбки. А мы, те, кто остался на буровой, усиленно отделяли желудочный сок, готовясь к надвигающейся ухе. Или же к *жарёхе*. Ведь обвалынные в муке и

прожаренные до хрустящей коричневатой корочки жирные сазанчики и караси – это, я вам доложу, такое блюдо – язык можно проглотить! Если сказать коротко, то мы жили ощущением праздника. Однако скоро сказка сказывается...

Ибо к назначенному времени, к обеду, наша машина с рыбаками не появилась. Прошло ещё некоторое время. И наконец на горизонте замаячила небольшая, слишком малая для автомобиля точка. Да и двигалась точка эта очень уж медленно. Скажем так: пешком она передвигалась, ибо это не автомобиль был, а человек. Понятно, что это был кто-то из наших, ибо казахстанская степь – это не самое оживлённое место на планете. Так оно и вышло, когда таинственный объект наконец-то приблизился. Им оказался один из уехавших рыбаков, наш помбур. С трудом добредя до жилого вагончика, он с явным удовольствием опустил на стоявшую у колеса жилого вагончика скамейку и блаженно вытянул уставшие ноги.

– Закурить бы! – вместо приветствия произнёс он.

Кто-то из ребят протянул ему пачку «Примы». Мы, столпившись полукругом, ковырялись в зубах после сытного обеда и ждали объяснений.

– Сломались... – раскурив сигарету и выдохнув синеватый дым, коротко произнёс пришелец.

Как выяснилось из рассказа ходока, поначалу всё шло хорошо и по плану. На вечерней зорьке клевало удачно. Рыбы поймали достаточно, и вечером заварили небольшую уху. А сегодня утречком, попив чайку с остатками хлеба, сноровисто надёргали ещё ведёрко упругих сазанчиков и выехали на буровую. Да вот незадача: не проехали и пяти километров, как *полетел* ремень вентилятора, и потому пришлось сделать вынужденную остановку. Скрепили ремень подручными средствами в виде проволоки, но эффект был непродолжительным, потому как ремень вновь разорвался, и уж на этот раз – окончательно. И машина намертво встала километрах в 20 от буровой. Потому и отправился один из рыбаков пешим порядком на буровую за подмогой.

Стали мы думать думать. Запасной ремень вентилятора на буровой имелся в наличии, тут было всё в порядке. Закавыка была в другом: как доставить упомянутую запчасть к месту поломки? Другого транспорта, кроме вставшего намертво в степи автомобиля, у нас не имелось. Буровую установку до окончания всех работ не снимешь с точки, чтобы, сложив вышку, ехать на вырубку. А пешком шагать как-то не очень улыбалось. Да и кто пойдёт? Понятное дело, требовались молодые и резвые ноги. А кроме меня и ещё одного молодого помбура других кандидатур не было. Но если учесть, что молоденький помбур был на буровой впервые, то отправлять его в степь одного было нежелательно, очень даже мог заблудиться и сгинуть – хлопот не оберёшься. Нужен был человек, который кроме длинных и резвых ног обладал бы ещё умением ориентироваться на местности и имел достаточный опыт полевой жизни. Народ синхронно посмотрел в мою сторону, потому как вот она и кандидатура на загляденье: молод, геолог, а значит, на местности ориентироваться ему по должности положено. Второй сезон в поле – опыта достаточно. Старший мастер Ермаков Алексей, улыбнувшись – он вообще был очень улыбчивый и доброжелательный мужик – обратился ко мне:

– Ну так ты как, Володя? Сможешь совершить марш-бросок? Товарищей надо выручить, тут вопрос серьёзный, без машины невозможно.

Я и сам понимал, что вопрос достаточно серьёзный, машина должна быть на буровой – работу ведь никто не отменял. Но, если честно, на тот момент желания особого куда-то переть пёхом у меня не было. Топать два десятка километров? Как-никак, а это всё же расстояние, пусть и не такое уж чрезмерно большое, но всё же... А с другой стороны, что тут делать? Словом, острая производственная необходимость в моём походе была, очень острая. Тут без вариантов. Но я вяло изыскивал возможности, каковых, здраво рассуждая, не просматривалось:

– Эх, если бы велосипед! Сейчас бы в два счёта сгонял бы...

О велосипеде я не зря упомянул. Как-то в одно время был у нас велик на буровой. Мы тогда стояли недалеко от селений, и кто-то из буровиков приволок старенькую веломашину. А потом она как-то незаметно куда-то исчезла... Может, и поменяли её лихие помбуры на водку, кто знает? Такое вполне могло произойти, и этот самый, как его теперь называют, бартер, и тогда имел место быть.

И тут вдруг сменный мастер дядя Саша Тиллаходжаев, лениво почёсывавший под майкой свой большой круглый живот и усердно смоливший очередной *папрос Бельмор* – так он называл папиросы марки «Беломорканал» – улыбнувшись, весело сказал с неистребимым азиатским акцентом:

– Будет тебе велосипед, Бобка! Четырёхколёсный! Помчишь, словно ветер! Весёлый такой ветер! И педал крутит не нада. Ты лошад когда-нибудь ездил?

– Конечно, дядь Саша! – горделиво ответил я, расправив плечи. – Что за вопрос? Я же в деревне вырос. Только где мы здесь лошадь возьмём?

– Ай, маладец! Лошад ездил? Тогда сможешь ехат! Джигит, честное слово. Да, лошад нет, но зато есть верблюдов. Там, смотри...

И он ткнул пальцем в степь. И правда, в километре от нас паслось небольшое стадо чьих то верблюдов. Были они, конечно, не бесхозные, но в степи они бродили без пастуха, подобное было в обычае в те времена. А потому, поскольку скот находился вдалеке от своих хозяев, то ничего не препятствовало временному отчуждению животных для производственных нужд нашего бурового отряда. Я прикинул «за» и «против». Сомнений было несколько больше. Но забурлившая во мне деревенская закваска дала результат. Преодолев некоторую опаску, которая всё же наличествовала, согласился с дядей Сашей: верблюдов, как и лошадь, это верховое животное.

– Но как ехать-то на нём? Ни уздечки, ни седла?

Тут сменный мастер дядя Коля Кирюхин засмеялся и сказал:

– Вовка, да зачем тебе седло? У верблюда два горба – усядешься между них, и будешь, словно младенец в люльке. У верблюда седло всегда с собой!

О верблюдах я знал немного, и этим немногим была голая теория, не подкреплённая практикой, то есть опытом верховой езды на экзотических животных. В теории я знал, что бывают одногорбые верблюды, или дромедары. Они водятся в Северной Африке и в Аравии. В наших местах живут в основном двугорбые верблюды, бактрианы. Была даже когда-то такая страна в Средней

Азии – Бактрия. А вот практики общения с верблюдами у меня было совсем чуть. Впервые такого зверя, как верблюд, я увидел ещё в далёком детстве, наверное, мне было лет пять-шесть. Как-то к нам в посёлок казахи привезли на большой телеге соль. На продажу. А телега была запряжена верблюдами. У нас глаза разбегались. И мы не знали даже, на кого глядеть: то ли на необычных людей казахов, которых мы тоже видели впервые, то ли на диковинных горбатых и косматых животных. Кто-то из пацанов постарше подбил нас на шкоду: дескать, если плевать верблюду в морду, то он тоже плюнет в ответ. Мы тут же решили проверить теорию практикой и начали по очереди подбегать к животным и *цвиркать* в них слюной. И у нас получилось! Верблюдам и впрямь не понравились наши дерзкие и малокультурные выходки, и один из них ответно смачно харкнул всей мощью своей верблюжьей глотки. И в аккурат прямо на подбежавшего в этот момент моего приятеля и соседа Витьку Ковалёва. То, что вы видели в фильме «Джентльмены удачи» – это просто жалкая подделка. Наш верблюд постарался от всей души, и потому Витькина голова была полностью скрыта под пузырящейся субстанцией, исторгнутой коварным животным. Да и нам тоже досталось от разлетевшихся брызг, хотя и поменьше. Вот этим детским небогатым, но достаточно негативным опытом мои контакты с верблюдами и ограничивались. А нехватка знаний диктовала необходимость в ускоренном темпе пройти курсы погонщиков верблюдов. Судя по всему, дело предстояло нелёгкое, настоящая операция.

– Пойдём, Бобка, надо поймат верблюда, пока стадо дальше не ушло. – сказал дядя Саша, сматывая в кольцо вынесенную из вагона верёвку и вешая её себе на плечо. – Да возьми ещё на кухню горбушка хлеб, приманит надо...

И мы отправились на ловлю «четырёхколёсного велосипеда». Так началась, как я её позже назвал, операция «Кемэл». По дороге дядя Саша поучал меня относительно верблюжьих манер.

Оказалось, что время для ловли верблюда мы выбрали достаточно сносное. У верблюдов гон, период ухаживания и спаривания, уже прошёл, так что большой опасности верблюды не представляли. А вот в период гона верблюды становятся нервными, злыми, и могут отреагировать на вторжение человека в верблюжий интим неадекватно. То есть принять человека за соперника со всеми вытекающими отсюда последствиями. Это заставило меня сильно призадуматься. Весёлое настроение моё заметно поубавилось. А дядя Саша беззаботно пыхтел своим *напросом* и продолжал обучать меня восточным премудростям отношений с верблюдом. Верблюд – это не просто животное, это, можно сказать, объект для поэтических размышлений. На Востоке, чтобы подчеркнуть красоту женщины, её сравнивают с верблудицей. И это становится понятным, если взглянуть на это удивительнейшее животное! Лебединая шея, плавная, царственная походка, верблудица не идёт – она плывёт. А её томный взгляд больших и бездонных глаз из-под длинных мохнатых ресниц! А снисходительно-пренебрежительный поворот головы? Художнику Крамскому свою знаменитую «Незнакомку» надо было писать с верблудицы – именно так получалось из дяди-Сашиних разглагольствований. И я даже начал склоняться к такой мысли – да, как ни крути, а есть в верблюдах что-то такое... необычное

и красивое. Хотя в самом дальнем закутке своей души я всё же удивлялся тем лекалам, по которым было скроено это животное. И потому оставались у меня некоторые сомнения относительно поэтического образа верблюдов, и, как оказалось впоследствии, не зря.

– Дядь Саша, а они нас не сомнут сейчас, эти верблюды? А то примут за соперников, мало ли что там у них в башке... – попытался я окончательно выяснить степень агрессивности верблюдов, буде таковые вдруг вопреки известным фактам окажутся сексуально озабоченными.

– Да вроде не должны... – философски заметил дядя Саша, – они же не сношаются (тут я просто передаю смысл сказанного) в данный момент, а спокойно трава едят, пасутся. Хотя весной у них тоже бывает *бзик*. Ну, весна же... Бывает, дурака валяют. Когда они бегом друг за друга, шея кусают, брыкаются – вот тут лучше не подходи, совсем жаман будет. Ухватят зубами за воротника, бросят под ноги – только рёбра захрустят. А вот когда он верблюдица хочет – тут совсем шайтан делается, шибко злой...

Мы приблизились к небольшому, голов 10–12, стаду верблюдов.

– Э-э, – произнёс дядя Саша, присматриваясь к верблюдам. – Старых нет, жалко, всё молодежь. Старый смиренный, человека много уже возил, знает. Ну, ничо, и такой тоже пойдёт, куда он денется...

Я не сразу понял, кого дядя Саша имел в виду, произнося слово «он». Меня или верблюда? А сменный мастер тем временем достал завернутую в газетку горбушку хлеба и стал приманивать животных. Те поначалу настороженно косились на нас, но потом пообвыкли, да и запах хлеба, видимо, манил их. Потихоньку верблюды начали присматриваться к нам, стали подпускать поближе. Наконец один из верблюдов, здоровенный и длинноногий самец, цистерна на ходулях, потянулся своими длинными губами к ладони сменного мастера, на которой лежал кусочек хлеба. Дядя Саша положил хлеб на траву. Бактриан раздул громадные ноздри, втягивая хлебный запах. Ухватил хлеб, пожевал, задумчиво осматривая горизонт, и вновь, шумно сопя, потянулся к нам. Дядя Саша отщипнул ему ещё кусочек. Взаимопонимание росло, суля перерастить со временем в настоящую мужскую дружбу, и дядя Саша шепнул мне:

– Верёвка давай. Толко резко не делай, тихонка делай... – он говорил мне это, а сам гладил доверившееся ему животное по голове и шее.

Я расторопно подвёл верёвку к шее верблюда и сделал петлю. Верблюд никакого внимания не обращал внимания на мои манипуляции, продолжая подбирать хлеб в реденькой травке.

– Готово, дядь Саша! – шепнул я Тиллаходжаеву.

Сменный принял у меня конец верёвочного повода. Всё шло по плану, транспорт был у нас в руках в самом прямом смысле слова.

– Ну, кет, пошли! – воскликнул сменный мастер, потянув верёвку к себе. Верблюд, опомнившись, вытаращил глаза, заартачился, но сменный поводил у него перед носом оставшимся куском хлеба. Верблюд было засомневался в его добрых намерениях, но потом всё же зашагал за нами, с надеждой шевеля своими ноздрями. Правда, он оставил за собой право время от времени кричать дурным – а иного у него нет – голосом. Так мы и пришли к жилому вагончику

под вопли верблюда, который явно что-то заподозрил и потому в беспокойстве крутил головой, оглядываясь на покинутое стадо. Сменный отдал верблюду оставшийся хлеб и привязал бактриана к дышлу вагона. А отряд начал собирать меня в путь-дорогу. Повариха уложила в свёрток немного еды для ребят – мало ли что. Его я засунул за пазуху. Ремень вентилятора перекинул, словно португею, через плечо. В общем, перед началом операции я выглядел достаточно браво: высок, строен, подтянут, деловито озабочен, со светившимся в глазах живым огоньком, выдающим романтическую душу. Ещё бы, такое приключение! Дядя Саша торжественно, словно автомат молодому бойцу перед строем, вручил мне длинный черенок от лопаты.

– Палка не теряй, если верблюд заартачится – палкой его поправляй. Не давай ему шибка поворачивать голову назад, а то ухватит тебя за нога, стащит со спина, на землю опрокинет – затопчет. Ну, а остальное всё как и на лошади. Ты же лошад ездил, справишься. Джигит, орёл! – бодро заверил Тиллаходжаев и ободряюще похлопал меня по плечу, словно инструктор молоденького парашютиста, застывшего у распахнутого люка перед первым в своей жизни прыжком.

Несмотря на молодость и романтизм, я всё же где-то в глубине души чего-то опасался. Тут ведь что получается? Получается как бы по лезвию бритвы. А ну вдруг всё же стащит меня верблюд со спины? Можно вполне выбыть из списка активно радующихся жизни. Но теперь уже поздно труса праздновать. Надо поддержать своё реноме романтика, бывалого полевика и парня деревенской закваски. Опять же – «джигит», «орёл». Лестно, что ни говори, осознавать, что только от тебя зависит успешный исход всей операции по оказанию помощи застрявшим в степи товарищам. Коль взялся за гуж... А кстати, о гужах и прочей упряжи!

– Дядь Саша, а это... уздечка где? – робко спросил я оптимистично настроенного сменного мастера.

– Какой такой уздечка-муздечка? Нету уздечка, Балодя. Верёвка верблюду за шею привязан – это и есть твой уздечка. Конечно, по правилам надо бы ему палочка в нос или колцо, но где его сделаешь тут на буровой, колцо? Нет никакого колцо, так будешь ехать... – растолковывал мне дядя Саша премудрости верблюжьей упряжи. Тут надо пояснить, что ездовым верблюдам вставляют в носовой хрящ кольцо или специальную палочку, к которым и прикрепляют ремённый повод, с помощью которого затем управляют своенравными кораблями пустыни. Такой вот верблюжий пирсинг.

– А как им тогда рулить? Ну если повернуть надо? – я пытался расширить свои познания в искусстве езды на верблюде.

– У тебе палка ест? Ест. Вот этот палка слева его по морда бьёшь – он направо идот, бьёшь справа – он налево идот. Тут всё просто, премудрост балшой нету... – ответил мне дядя Саша. Он отвязал от дышла вагона верёвку, обвиняющую вокруг шеи верблюда, и потянул её вниз.

– Хыр! Хыр! – тут даже я понял, что Тиллаходжаев настойчиво предлагал верблюду прилечь. В ответ на приглашение бактриан снова дурно заблажил и медленно, крайне неохотно начал складывать свои ноги-циркули, опускаясь

всей тяжестью своего массивного тела на землю. Зрелище укладывающегося на землю верблюда меня впечатлило. Импрессион, что ни говори!

– Хыр! Хыр! Ай, маладес! – преувеличенно жизнерадостно восклицал дядя Саша, похлопывая улёгшегося верблюда по длинной шее. – Садись на верблюд, Бобка. Садись и держись крепче. Ногами держись, руками держись...

Я расстелил меж горбов бактриана старенькую телогрейку и торопливо взгромоздился на корабля пустыни, держа в одной руке палку-погонялку, а другой крепко ухватившись за передний горб.

– Уселси, джигит, да? Тагда поднимаемса! – закричал дядя Саша. – Опа! Падъём! Падъём, дарагой! Вира! Вира!

«По-моему, при запуске космического корабля меньше суеты», – подумал я про себя, а вслух тоже воскликнул: – Ключ на старт! Подъём!

– Хыр! Хыр! – грозно закричал сменный мастер, насупив брови. Универсальная команда – снова подумал я, с ней и укладывают верблюда, ею же и поднимают вновь. Наверное, всё дело в интонации. Вроде как бы ничего сложного: хыркай себе да палкой направляй верблюда. Ну, должен справиться с порученным делом, невелика премудрость, не сложнее, чем на лошади, – проявив недопустимое легкомыслие, рассуждал я.

Верблюд скособолил угрожающую гримасу на своей и без того страховидной морде, начиная потихоньку звереть от наших приставаний. Ну ещё бы, он же не солдат, а тут достают муштрой, словно новобранца: лечь – встать! Дядя Саша, держась на всякий случай подальше от устрашающих зубов верблюда – а там такие зубищи – я те дам! – настойчиво дёргал за верёвку, одновременно замахиваясь кулаком на верблюда. Мне стал предельно понятен термин «мордовать». Вероятно, понял это и верблюд, потому что раскрыл свою пасть и обиженно заревел.

Мышцы верблюжьей спины, словно округлые валуны, ощутимо задвигались подо мной. Ощущение полной беспомощности, словно при начавшемся землетрясении, охватило меня. Вновь тучами зароились сомнения в правильности принятого решения..

Верблюд, вытянув длинную шею, снова заорал. Прокричавшись, бактриан понял, что мы от него не отстанем, и начал свой удивительный подъём.

Горизонт вокруг заколебался. Меня начало беспорядочно подбрасывать в импровизированном седле: это зашевелился бактриан, расправляя свои сложенные ноги-ходули. Сначала меня дважды швырнуло вперёд – верблюд поочередно расправлял задние ноги, слегка растопыривая их в стороны и приподнимая свой зад. Затем отбросило назад – верблюд встал на коленки передними ногами. Я крепко держался за верблюжий горб, силясь не свалиться под ноги поднимающемуся с земли зверюге. А бактриан снова жутко завопил, словно жалуюсь непонятно кому на земное притяжение. Тут меня опять беспорядочно затрясло, и земля стремительно провалилась вниз. Верблюд встал на все четыре ноги и выпрямился в полный рост. Сжавшись в комок, я мёртвой хваткой вцепился в горб, прижавшись к нему щекой, с трудом подавляя в себе желание вцепиться в мохнатую шкуру зубами для пущей страховки, и одновременно стараясь нижней частью своего тела хоть как-то расклинить между верблюжьих горбов.

И у меня всё-таки получилось удержаться на верблюжьей спине во время этого поэтапного подъёма! Вот она, деревенская хватка! Нет, всё же сельский паренёк – это вам не городской subtilный вьюнош, для которого булки на дереве растут.

Горделиво угнездившись на спине мохнатого и горбатого страшилища, я с высоты своего положения победно оглядел стоящих внизу буровиков. Чёрт побери, а вовсе даже неплохо сидеть верхом на верблюде! Впав в легкомысленную эйфорию, я несколько возгордился. Да разве можно сравнить верблюда с лошадью или недомерком-ишаком? Восседать – вот именно, восседать, а не сидеть! – на спине верблюда достаточно удобно. Молод я был тогда и о многом не имел представления. Одно дело – если просто восседать на верблюде, никуда не двигаясь. И совсем другое – езда. А в целом же, как я понял впоследствии, верблюд – животное довольно жёсткое, своенравное, умное и обидчивое, а по-сему способное на многое, в чём я вскоре имел возможность самолично убедиться и прочувствовать это достаточно хорошо. А пока...

А пока дядя Саша передал мне конец верёвки, обвязанной вокруг шеи верблюда. Сцена расставания была по-мужски скупой: ребята помахали мне на прощанье. А я, улыбнувшись им в ответ, лихо, по-гусарски, пришпорил каблуками сапог свой четвероногий транспорт. Верблюд тут же проявил свой хамский характер и, презрительно сплюнув на землю, проигнорировал мою суету, меланхолично продолжая жевать свою бесконечную жвачку и не трогаясь с места.

– Поехали! Кет! Алга, кэмэл! – щегольнул я знаниями казахского и английского языков. Крепко сжав верёвку одной рукой, я с помощью палки-погонялки развернул бактриана в нужную сторону.

– Хыр-р! Хыр-р! – захрипел и заперхал я, подражая дяде Саше, и тут же вдобавок к своему *хырканию* ощутил торкнул палкой по крупу верблюда. Верблюд медленно повернул в мою сторону свою морду и окинул меня презрительным взглядом. У него было очень многозначительное выражение *морды лица*, не хватало только пальца, сверлящего висок. Но, благодарение аллаху, подобное верблюду сделать было не под силу. Мерно работая, словно жерновами, своими челюстями, верблюд вновь уронил наземь клочок тягучей слюны, шумно и даже как-то осуждающе вздохнул, переступая ногами. Меня качнуло вверх-вниз, верблюд снова оглушительно заревел, словно паровоз на забытом богом и людьми полустанке, и мы тронулись. Памятуя наставления Тиллаходжаева, я был настороже и черенок от лопаты держал перед собой, положив его себе на колени перпендикулярно туловищу животного, дабы сразу же пресечь попытки стащить меня наземь. Однако начало путешествия не предвещало ничего экстремального. Верблюд размеренно и широко шагал по плоской равнине, словно некий фантастический марсианский четырёхножник. Я достал сигарету и закурил. Путешествие обещало быть чертовски приятным.

И действительно, первоначальное впечатление от езды на верблюде вызывало чувство глубокого удовлетворения. Сидеть меж тёплых и мохнатых горбов было достаточно уютно. Громадный рост животного позволял далеко просматривать окружающую местность. Хотя что там просматривать, когда

вокруг – полное безлюдье? Да и расстилавшийся перед моим взором пейзаж не склонен был радовать глаз человека, не жившего в степях Казахстана: всюду, куда доставал взгляд, виднелась однообразная плоская равнина. Но меня, искатавшего по этим самым просторам не одну тысячу километров и влюбившегося в эти бескрайние степи и пустыни, окружающая действительность настраивала на лирический лад. Высоко-высоко, в голубом, с редкими белыми облачками у далёкого горизонта небе парили орлы. Рефракция слегка подгибала колеблющиеся в дымке миражей края горизонта кверху, и складывалось впечатление, что я строго по диаметру пересекаю гигантскую зелёную тарелку, накрытую стеклянно-голубой крышкой. И вообще казалось, что кроме нас с верблюдом никого нет в этом мире. Да, просторы немыслимые! А уж красота весенней казахстанской степи!.. Вот даже сейчас, казалось бы, что тут красиво? Плоская равнина, покрытая короткой, ну, от силы сантиметра 3–5 высоты, реденькой травкой, практически никаких признаков животной жизни, но всё равно – красиво так, что дух захватывает! Красиво – потому что просторно. Как шутливо говорят казахи, деревьев нет, и ничто степь не загораживает. И от этой своеобразной окружающей меня неброской красоты весенней пустынной степи, от невероятных бескрайних просторов, от высокого и такого пронзительно чистого голубого неба настроение у меня поднялось совершенно на немыслимую высоту, воспарив к кружащимся в своём медленном небесном вальсе орлам. Меня буквально распирало от избытка чувств, и я запел. Была такая песня в годы моего школярства, называлась «Возвращайся». Вот именно её я и запел, ибо другой песни, где намекалось бы о поездке на верблюдах, я не знал.

*Много дней дует знойный сирокко,
Но он слёзы твои не осушит,
Караван мой в пустыне далёко...*

Я редко пою, ибо не дан мне от природы голос. Не судьба, так вышло. Со слухом ещё так и сяк, различу фальшивинку, а вот с голосом – беда. Потому никогда практически не пою, так, два-три такта, не больше. И то если в глубочайшем одиночестве или задумаюсь слишком. Ну и ещё если приходится употребить иногда *лишка*. То есть когда очень уж лишка, а поскольку такое бывает весьма и весьма редко, то, понятное дело, как певца меня никто не знает, неизвестен я широкой публике. Да оно и к лучшему. И для меня, и для публики, само собой.

Вот потому я, пользуясь отсутствием слушателей, завопил во всё горло, выплёскивая в окружающий весенний мир свои эмоции. Иногда ведь надо прокричаться. Вот я и пользовался предоставленным мне случаем своими менее чем посредственными вокальными данными.

Хорошая такая песня, бесконечная, схема построения её напоминает известную детскую присказку «У попа была собака...». Именно для караванщиков хороша она, эта песня, тем, что её можно петь от рассвета до заката, пока шагает караван. Верблюд не остался в стороне от моих вокальных упражнений и тоже заревел. Возможно, он предположил, что я пытаюсь установить с ним

голосовой контакт. Хотя вполне вероятно и то, что его, наоборот, раздражали мои вокальные данные. И, по-видимому, последнее более соответствовало истине. Но, как бы то ни было, других существенных признаков недовольства он не высказывал, и мы успешно продвигались вперёд, от избытка нахлынувших эмоций вопя каждый по-своему в меру отпущенных нам природой вокальных данных. И вот эти самые чувства настолько меня переполнили, что захотелось мне скорости. Знаете, так бывает иногда – всколыхнётся в душе и срочно надо *достать* горизонт, чтобы ветер в лицо и всё такое... Подобное случается иногда, если *хлебнуть простора*. Бывалые люди подтвердят. Вот и я, совсем захмелев от чувственно исполненного мною же шлягера и вообразив себя очень бывалым бедуином, таким Лоуренсом Аравийским, в неудержимом порыве молодечества перепоясал верблюда черенком, решив задать ему стимул к ускоренному передвижению. Верблюд от такой неадекватности моего поступка мгновенно прервал свой мерный шаг. Он чуть присел на задние ноги и повернул ко мне свою морду, угрожающе оскалив зубы.

– Ну, ты, животное! Не придуривайся! Вперёд, бактриан! Хыр! – я попытался переломить ситуацию в свою пользу и показать некоторым горбатым, кто здесь хозяин.

– Хыр! Хыр! Ну же, алга! Вперёд! Пошёл, кемэл! Кет! – я потряс палкой у верблюда перед глазами, а затем снова хлопнул ею по мохнатому крупу. Верблюд завопил от обиды и возмущения, но что ему оставалось делать? Я сжимал в руках палку, и потому был сегодня главным в степи. Бактриан норовисто взбрыкнул и сделал скачок вперёд.

– Давай, давай! – засуетился я, работая палкой. – Алла, алла, алла! Хыр-хыр-хыр!!

Очевидно, хыркание помогло. Верблюд чуть присел на раскоряченные задние ноги и снова сделал прыжок. Но теперь уже чуть вбок. Затем ещё один и следом сразу же другой. Ага! Равнина заколебалась, словно тарелочка на прутике у зазевавшегося циркача. И мы поскакали. Эх! Ветер действительно ударил в лицо, ибо мы помчались достаточно быстро. Настолько быстро, что я вскоре понял: сгруппировался. Лучше бы мы этого не делали! Оказалось, что езда на скачущем верблюде по своим ощущениям прямо противоположна езде на шагающем верблюде. Это только в кино бедуины красиво гарцуют на своих одногорбых дромедарах. И вообще мне кажется, что скачки, тем более на одногорбых (!) верблюдах – это какой-то голливудский кинотрюк, спецэффект. Это я говорю исходя из собственного опыта скачки на двугорбом бактриане. В реальности даже чтобы на двугорбом усидеть, нужна очень большая ловкость и опыт. Я знаю, что лошадь может бежать рысью или галопом. Или там в карьере. Но вот как назвать бег моего верблюда – я затрудняюсь сказать. Да и не до размышлений мне было, у меня была одна задача – не свалиться наземь со своего обезумевшего горбатого скакуна. При одной мысли об этом мне становилось дурно.

Седло отсутствовало, а следовательно, не было и стремян, с которыми можно было бы как-то самортизировать бьющий мне снизу в промежность и по ягодицам жёсткий хребет верблюда. Всё-таки ещё недостаточно жира подна-

гулял мой скакун. Старенький ватник, проложенный мной меж верблюжьих горбов, оказался малопригоден в качестве демпфера при такой нетрадиционной бешеной скачке. Наоборот, суетливо ёрзающий между горбов ватник превратился в отрицательный фактор: норовя сползти в ту или иную сторону, он отвлекал моё внимание. Мы скакали... Удивительное это дело – скачка на верблюде. Вот если вы, к примеру, возьмёте доску толщиной сантиметров пять и, поставив её на ребро, станете подпрыгивать на ней, со всего маху, без всякой жалости к себе ударяясь причинным местом о ребро доски – вы получите ощущения, схожие с таковыми при скачке на верблюде.

Спустя некоторое время я ощутил почуствовал – да, есть такое простонародное выражение: «почуял задницей» – явные признаки деформации своего седалища. Даже копчик начал ныть. Говорят, что верблюды иногда бегают иноходью. Может и бегают. Возможно, те самые одногорбые дромадеры и бегают. А может, и «всё врут календари». Но, как бежал мой верблюд, я не знаю, мне не было видно его мелькающих ног. Твёрдо могу сказать одно: если у вас будет возможность выбора, всячески старайтесь избегать скачки на бактрианах.

А мой разошедшийся не на шутку кэмэл продолжал свою безумную скачку, и как его остановить, мне было неизвестно. Впопыхах я забыл спросить у дяди Саши то самое заветное слово – тормоз для верблюда. А если снова *хыркает* на него, так это можно и за границу ненароком ускакать. Они ведь выносливые, верблюды. Вдруг сможет несколько суток подряд вот таким манером скакать? Я подёргал верёвку, привязанную к его шее. Безрезультатно. Верблюд никак не реагировал на мои неумелые управленческие попытки. Он скакал, словно одержимый своим верблюжьим бесом. Единственным плюсом было то, что скакал он, хвала аллаху, примерно в нужном направлении. Тут мне неслыханно повезло, а вот что касается остального... Я обхватил горб двумя руками, не выпуская из рук палки-погонялки, и обречённо прижался щекой к мохнатому горбу скачущего монстра. Видать, такая судьба мне выпала – скакать обречённо в никуда. Степь стремительно неслась навстречу, но мне уже было не до окружающих красот. Я не пел песен, и не кейфовал с сигаретой, всё хорошее осталось где-то там, позади, в прошлой жизни, давным-давно. И без того небогатая окружающая действительность свелась к одному-единственному ощущению: к сумасшедшему бегу верблюда. Был только бег и ничего больше. Но зато каков бег! Ни до, ни после я не испытывал такого экстрима! Вот Гоголь посадил своего литературного героя кузнеца Вакулу на плечи чёрту и отправил его в Петербург. Эка невидаль – на чёрте скакать! Мне кажется, что скачка на бактриане будет пугающее езды на чёрте. Земля то слева, то справа с жадным нетерпением кидалась мне навстречу, готовая в любой момент принять меня на свою широкую грудь. Меня трясло меж верблюжьих горбов, словно на вибростенде. Не откусить бы язык ненароком. У меня, словно у тряпичной куклы, моталась, хрустывая шейными позвонками, голова и что-то громко ёкало в животе. Всё съеденное мною за обедом, спрессовавшись в тяжёлый, плотный и колючий комок, тоже суматошно скакало в желудке, настойчиво изыскивая возможность выскочить наружу. Иногда мне казалось, что я, как и устремившийся в пространство ополоумевший верблюд, тоже роняю наземь

зеленовато-серую клочковатую слюну. Временами скакавший верблюд всхрапывал на ходу и прерывисто что-то выкрикивал. Возможно, он кричал нечто весьма обидное для меня. Я же набрался мужества, сжал зубы, чтобы не клацали, и находился в режиме молчания, благоразумно не вступая в полемику. Да мне и не до разговоров в тот момент было. Мне с избытком хватало ощущений и без этого. Адреналин буквально кипел у меня в крови. Меня жгло. В полном смысле этого слова, меня припекало. Я чувствовал, что шкура моя слезает клочьями. Да, именно там. На седалище.

...Скакали долго. Или мне показалось, а может, течение времени как-то трансформировалось, теперь трудно сказать. Наконец, утомившись, мой норовистый кемэл перешёл на бег трусцой. Но теперь уже и подобное передвижение причиняло мне невероятные муки. Вскоре верблюд окончательно перешёл на размашистый шаг. Немного полегло. Я попробовал как-то прирасти к горбам, чтобы поменьше тревожить сбитую в кровь задницу, но безуспешно. Болело и саднило. Есть такая «женская» посадка на лошади, когда ноги свешиваются по одну сторону. Но в моём случае об этом нельзя было и мечтать. А ну как загремишь с верхотуры? Оказаться на земле один на один с разъярившимся не на шутку животным мне не хотелось. Так что выхода не было, и я продолжал терпеливо пить предназначенную мне горькую чашу страданий. Вспомнив, как совсем недавно бесшабашно горланил на всю степь песню, я смутился. И хвала аллаху, что «нет со мной твоих глаз», а то бы ты сейчас такое увидела, любимая... Кривясь от ноющей боли и стараясь, насколько это было возможно в моём положении, поменьше шевелиться, я с нетерпением обшаривал взглядом марево горизонта. Наконец вдалеке, словно выплывая из колеблющихся волн миража, показался стоящий на равнине автомобиль. В сердцах потыкав палкой в морду верблюда, я направил его в нужную сторону. Мы приближались к месту нашего назначения. Ребята, заметив одинокого всадника верхом на верблюде, вылезли из кабины автомобиля и с интересом уставились в нашу сторону. Верблюд замедлил шаг и, наконец, подойдя к автомобилю, остановился сам, без всякой команды. Я, соблюдая все мыслимые и немыслимые меры предосторожности, перебросил ноги на одну сторону и прыгнул с верблюда – положить его наземь мне, конечно, было не под силу, сказывался недостаток опыта. Я попытался спружинить ногами при приземлении, но, тем не менее, острая боль всё же достала меня. Прижгло ощущением, словно раскалённым железом. А верблюд, повернув шею, невозмутимо смотрел на меня, жуя свою жвачку – и как только не потерял её во время бега? Даю голову на отсечение, если бы верблюды умели говорить, то в тот момент верблюд бы мне сказал:

– Ну и как? Хорошо прокатился?

Именно эти слова. Уж очень ехидным было выражение его морды. Сунув палку под мышку, я осторожно стащил казённый ватник со спины бактриана. А затем, отступив назад, придерживая повод рукой и держа палку наготове, я в кратких, но энергичных выражениях, глядя в его бесстыжие верблюжьи глаза, высказал всё, что я о нём, верблюде, думаю. Я также упомянул в своём обличительном монологе и его родственников, как ближайших, так и двоюродных,

всяких там лам, альпак, викуний и прочих гуанако. И ещё почему-то – сам даже не знаю почему – упомянул и бедуинов. Наверное, просто погорячился. Словом, облегчил душу. Затем отвязал верёвку и сказал, похлопывая увесистым черенком по раскрытой ладони:

– Проваливай на... хы-р-р! Скройся с глаз, ходячая синусоида, чтобы я тебя не видел!

И этот урод всё понял. Размеренно перекатывая во рту свою бесконечную жвачку, он, очевидно, в знак полнейшего презрения, сплюнул мне под ноги, развернулся и невозмутимо зашагал в направлении оставленного стада. А сам же я, широко расставляя ноги, словно ковбой из вестерна или же бывалый моряк, не сходявший на берег полгода, враскачку зашагал к стоящим и внимательно наблюдающим за этой сценой посмеивающимся буровикам...

Ребята, радостно галдя, обступили меня, я отдал водителю так необходимый приводной ремень для вентилятора. Возложенная на меня важная миссия была выполнена. Но с какими издержками для меня она была осуществлена – это уже отдельный вопрос.

Вскоре машина победно загудела, и мы взяли курс на буровую. По дороге мы обогнали бодро шагающего кемэла, игриво помахивавшего коротким хвостом в предвкушении встречи со своими подругами, от которых мы его с дядей Сашей так вероломно оторвали. Я стоял в кузове бегущего автомобиля, подставив лицо встречно набегавшему прохладному воздушному потоку.

А в голубом небе по-прежнему медленно кружились степные орлы в своём бесконечном вальсе. Всё же жизнь – удивительно хорошая штука, а случающиеся иной раз на жизненном пути эпизоды вроде моей безумной скачки на верблюде делают её ещё интереснее, разнообразнее, причудливее.

НОЧНАЯ ВЕРТИКАЛЬ, или ЛУНАТИК

Эта история случилась в апреле 1985 года. Когда в Минске проходило Всесоюзное совещание по повышению технического уровня сельскохозяйственной техники, в котором и наше конструкторское бюро принимало участие. Отправили на это совещание меня, поскольку в КБ именно я осуществлял (была такая тема) авторский надзор за выпуском и эксплуатацией наших конструкций.

В Москву я прилетел самолётом, а там сел на поезд и – здравствуй, Минск! Прибыл в организацию, на базе которой проводилось совещание, зарегистрировался, получил направление в гостиницу. Оказалось, что жить будем в Олимпийской деревне, которая была построена для обслуживания футбольных мероприятий Олимпиады-80. Это слегка заинтриговало, интересно всё же посмотреть, как тут жили спортсмены-олимпийцы.

Оказалось – совсем неплохо жили. Олимпийская деревня «Стайки» расположена в парковой зоне, всё выглядело симпатично так: деревья, аккуратные

дорожки и параллелепипеды корпусов-многоэтажек. Внутри тоже нормально сделано, не сказать что вычурно, но аккуратно. А командированному человеку что надо? Ему не до излишеств: тепло, светло – вот это и есть тот необходимый минимум.

Я зарегистрировался в гостинице, взял ключ, прошёл в номер, двухместный оказался, начал распаковывать свои вещи, обживать жилище.

А тут распахнулась дверь, и появился напарник по номеру, да к тому же ещё достаточно знакомый – сотрудник из технического управления нашего министерства Виктор Михайлович. Поулыбались мы друг другу, поздоровались, то, сё.

На следующее утро, прибыв на совещание, перво-наперво выполнил команду подводников: «осмотреться в отсеках». Народу понаехало много, невооружённым глазом было видно, что качество выпускаемой техники и в самом деле волновало многих.

Но самое главное – Вовка приехал, тёзка мой. Ну, он, конечно, Вовка для меня был, а для окружающих – Владимир Екшов из системы МВД. А при чём тут МВД, спросите вы? А при том, что в те времена места не столь отдалённые хозрасчёта отнюдь не чурались, и некоторые изделия наши выпускались именно в таких местах. Да и трудотерапия не на последнем месте была в системе воспитания и исправления оступившихся и преступивших закон граждан. Так что Владимир, стало быть, являлся, на нашем канцелярском сленге, представителем производителя. С Володей мы были в хороших приятельских отношениях уже довольно продолжительное время, впервые повстречались при сходных обстоятельствах ещё в 1979 году в славном городе Киеве.

Словом, мы оба шибко обрадовались случившейся встрече, а после окончания первого дня совещания решили это дело немножко отметить, поговорить «за жизнь» и всё такое прочее. Володя сказал, что он в соседнем корпусе без напарника номер занимает, так что удобнее будет расположиться у него. Взяли с собой «в нумера» кое-чего перекусить и утолить жажду. Поскольку Михалыч отказался примкнуть к нам, наострив лыжи к минским приятелям, то я попросил его не запирайте дверь, если вдруг он придёт раньше меня. Михалыч заверил, что всё будет нормально, и на этой оптимистической ноте мы расстались.

У Володи мы посидели хорошо. Как я уже упоминал, мы были с ним знакомы давно, и общих тем и накопившихся новостей у нас было предостаточно.

Но время приблизилось к полуночи, и подошла пора... Мы распрощались, и я в хорошем настроении отправился в свой корпус. Во второй половине апреля в Минске уже достаточно тепло, стоял чудесный вечер, небо было усеяно звёздами. Расслабившись, я не спеша брёл по бетонной дорожке в свой корпус, наслаждаясь погодой, не подозревая, какие испытания ожидают меня впереди.

Взмахнув гостиничной визиткой для успокоения дремавшей вполглаза в холле дежурной, я поднялся к себе на этаж. Дверь в номер оказалась запертой. Подумав, что Михалыч, оказывается, загулял, я, чертыхнувшись, вновь спустился вниз и обратился к дежурной.

– Так, а вашего ключа нет у меня, – сказала, позёывая, дежурная.

– Как так нет? – глупо улыбаясь, спросил я. – А куда он, ключ, подевался?

– А ваш напарник в номере, – ответила дежурная.

– Ну Михалыч, – подумал я в сердцах. – Шутки шутить? Поднимаюсь снова к дверям своего номера. Подёргал ручку – заперто. Начинаю осторожно стучать. За дверью никакой реакции. Начинаю стучать громче – в ответ абсолютная тишина, как в Троянском коне. Н-да, положение складывается не очень. Громко стучать не будешь: глубокая полночь, народ спит, неудобно. Но и тихо стучать – Михалыч не услышит: видать, очень плотно с друзьями приложился, что даже напрочь позабыл о моей просьбе не запирасть дверь. В эту самую минуту я осознал, что чертовски устал и хочу спать.

Что делать? Осмотрел замок. Конечно, имея в руках металлический предмет, например, кочергу, дверь можно было без особых затруднений вскрыть, дверной замок был рассчитан на честных людей и я, само собой, был одним из них, потому этот вариант отбросил, не колеблясь. Представить только, какой тарарам будет поутру: сломали дверь! Нет уж, мы пойдём другим путём... А идти, собственно, было некуда, кроме как снова к дежурной.

Я спустился вниз, старательно удерживая на своём лице улыбку, потому как она, улыбка, была сейчас моим единственным оружием и защитой: и мечом, и щитом.

Дежурная недовольно подняла голову. Я сжато и достаточно трагично обрисовал ей сложившуюся ситуацию.

– Нужен второй ключ, – подводя итог, я просительно глядел на дежурную. Однако такой заряд обаяния пролетел мимо, ибо дежурная недовольно ответила:

– А откуда я вам его возьму? Нет его у меня.

– Как нет? – не согласился я. – А на всякий случай? А если вдруг, – я постучал костяшками пальцев по поверхности деревянной стойки, – пожар? Как вы собираетесь спасти казённое имущество в случае чего?

Я умышленно не стал развивать тему о спасении постояльцев – вряд ли это разжалобило бы работницу гостиницы, а вот спасение казённых простыней и матрацев – это был с моей стороны хороший ход! И он дал результаты. Полусонная дежурная таки вступила в полночную дискуссию.

– Ну, на этот случай у нас, конечно, есть запасные ключи! – снисходительно сообщила она мне тоном воспитательницы детского сада, объясняющей малышу, что писать мимо горшка – нехорошо.

– Вот! – И я с энтузиазмом принялся ковать железо, пока оно не остыло. – Вот этим ключом и открыть! Какие проблемы?

– Так ведь ключи у директрисы гостиницы в кабинете.

– А что мешает нам их взять из кабинета? – я настойчиво подталкивал дежурную войти в формируемую мною спецгруппу по вскрытию запертых дверей.

– А они в таком специальном ящичке лежат, опечатаны печатью. Сама я не могу вскрыть, поскольку пожара нет. Или вы, – с вежливым сарказмом произнесла она, – предлагаете мне разбудить в час ночи директрису и испросить её разрешения?

Мой план, казавшийся таким реальным, завалился набок и рухнул, похоронив под своими обломками все надежды выпастыся этой ночью. Нет, будить директрису в полночь вряд ли имело смысл. Аналогичного результата можно было достигнуть, начни я сейчас бить в дверь ногами в отчаянной попытке разбудить Михалыча. Такой же, если не больший, шум-тарарам... Ну Михалыч! Ну удружил!

– А как мне тогда быть, вы не посоветуете? – вновь начал я подъезжать к дежурной, понимая, что тем самым тяну тигра за хвост. Всё-таки я был иногда отчаянным парнем в те годы.

– Как-как... – буркнула в сердцах дежурная, абсолютно не настроенная решать возникшие на пустом месте проблемы. – Вовремя приходите надо. Вот располагайтесь в кресле здесь в холле и подремайте до утра.

Как говорится, вариант «Омега». Под фикусом. Ну, что же, альтернативы, судя по всему, не было.

– Ладно, – вздохнул я и согласился. – Спасибо и на том. Под фикусом так под фикусом. Не привыкать.

В моей бродячей, разъездной жизни мне приходилось ночевать в самых не подходящих для этого местах и удивительных, если не сказать большего, условиях, так что имевшийся в моём распоряжении вариант был далеко не самым худшим. Немножко обидно было и как-то неловко: вот он, рядом, оплаченный уютный номер, а ты сиди тут, как на вокзале, в кресле. А если уж быть откровенным до конца, то у меня возникло стойкое чувство, что я оказался в дураках. Пойти, что ли в корпус, где Володя поселился? Да чужой ведь корпус, кто пустит? И время, время уже – ого...

Что тут поделаешь? Бывают обстоятельства, которые сильнее нас. Я вытащил сигарету и вышел перекурить на крыльцо. Как и прежде, подмигивали друг дружке звёзды, серебристый лик, как пелось в песне, «самой грустной из планет» равнодушно тарачился с небес, и по всему были видно, что окружающей действительности до меня не было решительно никакого дела. Как, собственно, и мне до ночных красот, мне пуще всего хотелось принять душ и блаженно вытянуться в постели. Попасть в свой номер любой ценой – это уже становилось навязчивой идеей. Покуривая, я побрёл по лужайке вокруг корпуса и вышел с противоположной стороны гостиницы, куда выходило окно моего номера. Начал высчитывать своё окно, втайне надеясь, что сейчас в нём загорится свет, и нужно будет бежать и стучать в дверь. Но – увы, мечты так и остались мечтами: света в номере не было. Да оно и понятно: уже час ночи...

Разглядывая фасад гостиницы, увидел, что дверь на балкон приоткрыта, и тут в моей голове зародилась смутная, но вполне здравая, как я тогда считал, мысль...

Стоп, а почему бы и нет? Тем более что конструкция здания вполне располагает к подобному: снизу вверх, до самой крыши, закрывая половинки смежных балконов, шла декоративная железобетонная решётка. Взобраться до балкона по такой решётке особого труда не составит. Я быстренько прокрутил в голове плюсы и минусы предстоящего штурма. Плюсы перебороли. Или же всё-таки верх взял идиотизм? Я до сих пор окончательно не решил этот вопрос

для себя. С другой стороны, небольшая доза авантюризма не бывает лишней в жизни. Докурив сигарету, я подошёл к решётке. Цокольный полуэтаж-полуподвал оказался высоковат, решётка не доходила до земли, и мне пришлось подпрыгнуть, чтобы ухватиться за решётку. Подтянувшись, я поставил на решётку сначала одну ногу, потом другую и, как говаривал начавший набирать популярность один шустрый политик, «процесс пошёл», штурм высоты начался. Альпинист, ёлки-палки... «Если парень в горах – не ах...». И хотя я бывал в горах, и даже немножко «ах», но...

Но на самом деле «городской альпинизм» оказался не таким простым делом, как это виделось с земли. Хотя бы потому, что решётка отнюдь не предназначалась для лазания по ней, лестницей она могла показаться только какому-нибудь подвыпившему идиоту, от которого меня в тот момент, сами понимаете, отделяла совсем небольшая дистанция. Рисунок решётки составляли не прямоугольные перекладины, а арабески-завитушки самой причудливой формы, поэтому ноги разъезжались, туфли застревали в сужениях и завитках рисунка решётки, длины ладоней едва-едва доставало обхватить бетонные завитушки. Однако «трудно» вовсе не означает – «невозможно», как утверждал некий актёр, страдавший запором. Пусть и медленно, но, тем не менее, я поднимался по вертикальной стене, приближаясь к заветному балкону. А вот, наконец, и он. Я с невероятным облегчением, соблюдая все меры предосторожности (и, как оказалось, не зря), перевалил через парапет балкона и подошёл к двери. Точно, открыто. Ура!

Однако, войдя в комнату, я понял, что ликование моё было несколько преждевременным. И даже, скажу так, совершенно лишним в данной ситуации. В тусклом лунном свете я с ужасом разглядел, что обе кровати заняты спящими людьми, и по усам даже узнал одного из них. Это был жилец из соседнего номера. Это был НЕ МОЙ номер, я попал в СОСЕДНИЙ! Ошибся окном, вот оно как! Чёрт возьми, вы понимаете, в каком положении я очутился! Стою ночью в чужом номере, скрытно и несанкционированно проникнув в него. Сейчас кто-нибудь из хозяев проснётся, и – всё! Доказывай потом, что ты не верблюд! Вот уж не повезло так не повезло. Идиот, дремал бы себе тихонько в холле под фикусом... – самокритично подумал я о себе. А, чёрт с ним, в случае чего – скажу, что лунатик! Страдаю, мол, как бы псих немножко – лихорадочно придумывал я версии на самый крайний случай. Но, на моё счастье, мужики, умаявшись за день проблемами повышения технического уровня сельскохозяйственной техники, дружно храпели и ухом не вели, что в комнате у них пребывает полуночный незванный гость. Может быть, от их дружного храпа и дверь на балкон приоткрылась? Вошла, так сказать в резонанс. Надо срочно убираться из чужого номера, а то вдруг кто проснётся – тот ещё резонанс будет!

Стараясь не шуметь, затаив дыхание, я начал отступать на балкон. Вот именно в этот момент я отчётливо понял и прочувствовал, каково это приходится шпионам, которые выкрадывают всякие секреты и тайны. Это же какие нервы надо иметь, а?! Меня пот прошиб от волнения, но я, к счастью, нигде и ничего не задел, не стукнул, не грюкнул, и в полном безмолвии вновь скрытно выбрался на балкон, «аки тать в ночи» Итак, мне предстояла новая задача –

попасть на свой балкон. Снова взобрался на решётку и попробовал перебраться к себе на такой уже близкий балкон. Однако расклад и теперь был явно не в мою пользу. Декоративную решётку, по которой я вскарабкался к балкону, разделял надвое небольшой, сантиметров в тридцать шириной, железобетонный вертикальный бордюр. Вот он-то и портил всё дело. Как раз эти тридцать сантиметров ширины разделительного бордюра и не давали мне возможности преодолеть расстояние до моего балкона. Возможно, было специально так рассчитано, чтобы постояльцы не шастали. Как я ни исхитрялся и ни изворачивался, но через этот чёртов бордюрик рука не смогла полностью, цепко ухватить за решётку, а нога, само собой, не находила должной устойчивой опоры. Весьма вероятной была возможность загреметь вниз, по выражению одного киноперсонажа, «под панфары». Следует также ещё учесть, что проделывать свои акробатические кульбиты на балконной решётке мне приходилось в полной тишине, и вы оцените всю сложность затеянного мероприятия: не дай бог, разбудишь соседей. Могут ведь и отоварить чем-нибудь, не разобравшись, спросонья и в испуге. Даже версия о лунатизме может не сработать – вряд ли успеешь тут сообщить испуганным постояльцам, что-де лунатик и потому как бы немного не в себе. Вполне допустимый вариант развития событий, учитывая, что время – далеко за полночь.

Помучившись несколько минут, я до конца осознал всю безнадёжность своих попыток и обречённо начал спускаться вниз. А спускаться вниз – это потруднее, чем подниматься. Кто был в горах – знает. Пришлось тоже помучиться...

Спрыгнув с решётки на землю, я сел на траву. Вот чёрт, незадача! Сгонял вверх на два с половиной этажа и – впустую. Проклятая невнимательность и торопливость сыграли со мной злую шутку. Хотя, конечно, если подойти к делу сухо и беспристрастно, то сгонял я вверх не совсем впустую, опыт какой-никакой приобрёл, попробовал свои силы. Наверно, именно в тот момент у меня и открылось второе дыхание, поскольку я, очутившись полностью во власти некоего спортивного азарта, решительно подступил к злополучной решётке вторично, теперь уже чётко сориентировавшись, дабы вдругорядь не промахнуться. И снова, цепляясь руками и ногами, словно обезьяна, вторично начал штурмовать свою ночную вертикаль. Дотянувшись до балкона, я только в этот момент вспомнил, что совсем не глянул, открыта ли дверь на моём балконе. Не дай бог, она закрыта! – с тоской подумал я про себя. – Этого я уже не перенесу. Спускаться не буду, усну прямо на балконе.

Но полоса неудач этой тёплой апрельской ночи, по-видимому, подошла к концу: дверь на балкон была приоткрыта. На всякий случай вошёл в номер крадучись, на цыпочках. Ибо – «...опыт, сын ошибок трудных». Но, к счастью, мои предосторожности были напрасны. Михалыч, разметавшись на кровати, спал безмятежно, будто коней продал. Я быстренько прошёл в ванную, оглядел себя в зеркало. Конечно, испачкался, не без того. Быстро почистился, принял душ, зажевал бутерброд и завалился спать.

Наутро меня разбудил весёлый Михалыч:

– Э-э, не дождался я тебя вчера. Пива принёс, думал – посидим, потолкуем.

Я вчера с друзьями хорошо погулял... Слушай, а я уже было спать лёг, да потом вдруг вспомнил: ты же просил дверь оставить незапертой, и я встал и открыл. Вишь, не забыл!

Я в изумлении вытаращился на Михалыча.

– Да ты что, Михалыч?! Какая дверь? Я не мог достучаться! Ты заперся наглухо, как в танке.

Теперь пришла очередь Михалычу удивляться:

– Постой, как это – в танке?! А как ты тогда попал в номер?!

Резонный вопрос. Молодец, Михалыч, кумекает, хотя, судя по всему, вчерашний вечер у него тоже был не из лёгких.

– Дверь ты открыл, тут спору нет, Михалыч, но не входную дверь, а балконную...

– Так ты – того, вошёл через балконную дверь? – ошалело посмотрел на меня напарник.

– Ну!

Я вылез из кровати и мы вместе вышли на балкон. Было раннее утро, небольшой туман бродил у подножия деревьев...

Мы глянули вниз и обменялись многозначительными взглядами:

– Н-да! Высоковато, – резюмировал Михалыч, – хотя и два с половиной этажа... Я бы не полез...

– Да если бы только один раз! – сказал я и рассказал напарнику по номеру, как оно было на самом деле.

Михалыч, конечно, повинился, но ведь сделанного не вернёшь, да и просьбу мою он ведь всё-таки выполнил, дверь-то он оставил открытой. Пусть и не ту, но – дверь. Формально, юридически, он был невиновен, о чём я ему и сказал, и потому дело за отсутствием состава преступления было прекращено. В конце концов всё обошлось благополучно, так что особо и говорить было не о чём...

А мой приятель Владимир, которому я перед началом совещания поведал о своём ночном восхождении, отсмеявшись, сказал:

– Тебе, тёзка, очень повезло, если бы тебя во время «восхождения» заметил милицкий патруль, пришлось бы ночевать в «обезьяннике» и поутру давать объяснения. И вот что я скажу тебе ещё: версия о лунатике вряд ли бы заинтересовала милиционеров.

С Володиными рассуждениями я согласился, много кое-чего такого перпендикулярного могло случиться, но – не случилось. Несомненно, повезло. Удачное было у меня восхождение, как ни крути...

Но тут на трибуну взобрался очередной докладчик – начинался второй день совещания, где нам вновь предстояло решать важные государственные дела и штурмовать высоты, правда, несколько иного плана. А восхождение, штурм высот – альпинисты со мной согласятся! – это вовсе не такая простая задача, какой она кажется несведущему человеку. И я это утверждаю исходя из собственного опыта ночного восхождения.

Владимир КРЮКОВ

ТАМ ШЛА ТРОПА БЕРЕГОВАЯ

* * *

Я вхожу в бор.
И мне так хочется, чтобы он сказал:
«Я ждал тебя».
А я отвечу: «Ты ждал, и я пришёл».
1987

* * *

Нине Кнауб

Деревья стоят в куржаке*,
как белые сны в колыбели.
Они побредут налегке
от Томска и до Парабели.

Вдоль правильного полотна
дороги, ведущей на Север.
Вот так по тревожным волнам
когда-то влекло Одиссея.

Его неизвестность была
подобна бескрайнему снегу...
Но северной трассы стрела
выводит к теплу и ночлегу.

Здесь люди, морозам назло,
не съёжились, не огрубели.
И значит, считай, повезло –
ты в мягком плену Парабели.
15.12.2018

* * *

Как готы Алариха, знаешь, когда-то
тянулись к мерцавшему золотом Риму,
так тучи сегодня тянулись к закату,
всё небо заполнили, необозримы.

---

* Сырость в воздухе, которая садится на предметы, кои холоднее воздуха, и замерзает на них пушком, что случается после отдачи сильных морозов (Вл. Даль).

И солнце, в последнюю силу играя,
ласкало дорических сосен вершины,
но мрачные тучи от края до края
смыкались, по-варварски несокрушимы.

И вместе с тобой умирая, Европа,
тебе говорю я прощальное слово
под грома небесного сдержанный ропот,
под молнии – ответ величья былого.

* * *

Пила-двуручка стоит в сенях,
она ушла на покой.
Какой родной была для меня,
как свылась с моей рукой.

Теперь, когда уже не найдёшь
в мышцах игры былой,
предпочитаю немецкий «Bosch» –
легко с электропилой.

И знаешь, скажу я: такие дела,
что нет в том моей вины.
Мы общей молодостью, пила,
с тобой соединены.

ОБЬ. ВОСПОМИНАНИЕ

Не зная горя и беды,
и день-деньской не уставая,
мы пропадали у воды.
Там шла тропа береговая.

Мы тоже шли, и с нами пёс.
С парома музыку носило.
Чему смеялись мы до слёз?
Играли молодые силы.

Той славной музыке дано
жить, про тебя не забывая,
и как в замедленном кино
шла полоса береговая.

В нас остаётся навсегда,
что дорого и что любимо:
и своевольная вода,
и преданность собаки Бима.

Пусть годы обращает вспять
свет, неуклонно убывая,
но вспоминается опять:
там шла тропа береговая.

* * *

Вы, фламандцы, творцы золотой полумглы,
даровали мне милость:
ведь мирские обиды не так тяжелы,
если сердце любовью омылось.

Как звучало красиво и строго: реглан,
и с дождями согласно
возникало певучее имя Легран
и шербурские зонтики, ясно.

И ветрами весенними мне принесло
новый образ свободы,
потому и ахейской триремы весло
опускал я в сибирские воды.

Сколько бы ни пытались меня укатать
мастера телерадиоблуда,
мне мерцает надежда в зрачках у кота –
несгибаемого Робин Гуда.

* * *

Кра́я жизни не видят глаза.
Вроде знаешь: далёко-далёко,
а гляди – не успеешь сказать –
пролетит в мановение ока.

Между тем на руках втихаря
расселились пигментные пятна,
лучше всяческих слов говоря,
что уже нет дороги обратно.

Но сорви и в руке разомни
эти мягкие листья. Размяты,

воскресят улетевшие дни
ароматы мелиссы и мяты.

Вспомнишь сказки, что слушал впотьмах,
или лёгкие сны на рассвете,
где на свежих зелёных холмах
окликают ровесники-дети.

* * *

Где оно, господи боже мой,
время беспечности – лето,
что приходило ко мне домой?
Песня его допета.

Кануло, и не сыскать следов,
и ещё безутешней
видеть в преддверии холодов
брошенные скворешни.

2016

* * *

Памяти погибших поселений

В августе зрели травы,
и над полем летали
солнечные пушинки.
Как позабыть о том?

Был на тридцать четвёртом,
на сорок первом квартале,
был на очень далёком
восемьдесят шестом.

Помню узкоколейку,
вскоре её не стало,
и навсегда исчезли
люди и голоса.

Будто и не было вовсе
ни одного квартала,
будто их кто-то выдумал.
Да уж не я ли сам?

Окт. 2018

* * *

*И, как всегда, несдержан,
и – навсегда свободен.
Из старого стихотворения*

Ветер прошёл к порогу
и отыскал меня.
Ветер позвал в дорогу
по истечение дня.
Я не пойду по звуку,
силы уже не те,
дай мне, товарищ, руку,
поддержки в темноте.
Да, на подъём нелёгко
пожилой пилигрим,
но, ступая бок о бок,
может, поговорим?
Выйдем мы на дорогу
в сумрачной тишине,
говоря понемногу
о тебе, обо мне.
Как тревожно и странно
свет мерцает во тьме,
так вот у Тициана
на его полотне...
Эй, ты меня оставил?
Впрочем, твоя игра –
это игра без правил,
ты, безусловно, прав.
Я тебя не неволю,
да и ты не взыщи.
Канешь, как ветер в поле,
там уже не ищи.

□

*Дорогой Владимир Михайлович!
Томские писатели сердечно поздравляют Вас
с юбилеем. Желаем Вам здоровья и успешного
воплощения всего задуманного.*

Вера ИРТУГАНОВА

ЕЩЁ НА ЖИЗНЬ ИМЕЮ ВИДЫ

* * *

Уеду, уеду, уеду
За многие тысячи вёрст
По чистому белому следу
Искать свои россыпи звёзд.

Играет, сверкает, искрится
И кружится снег – серебро...
И свет над Россией струится,
И веруют люди в добро.

Дворцов мне роскошных не надо –
Пускай будут рядом друзья.
А лучшая в жизни награда –
Жива и здорова семья.

И пусть будет мирное небо
Всегда над моей головой...
Я звёзды найду – и приеду.
Приеду, приеду домой!

* * *

Живу, не помня про обиды...
И, может быть, назло судьбе
Ещё на жизнь имею виды.
Ещё стихи пишу. Тебе...

Пожалуй, жизнь могла иначе
Сложиться. Ну да что теперь...
Веселье, счастье и удача
Не часто мне стучали в дверь.

Я знаю, что другим казалось,
Что всё даётся мне легко...
А я шутила... Я смеялась...
Я заплывала далеко!

Как мир жесток! Исчезла нежность...
Сомненья одолеют вновь.
Одно спасение – надежда.
Одна лишь истина – любовь!

...Пусть не заходят в реку дважды,
Есть тот, кто верует и ждёт.
И так случится, что однажды
Он все стихи твои прочтёт...

* * *

Опасный возраст позади. Ты пережил его цунами.
Теперь, мой друг, не подходи. И забывай, что между нами...
А между нами, сквозь года и тысячи красивых женщин,
Одна счастливая звезда, которая всё дальше, меньше...
И, в бесконечности летя, теперь другим, наверно, светит...
...Я обернусь, смеясь, шутя. Тебя стараясь не заметить...

МАЛЕНЬКАЯ РОДИНА

Маленькая родина – Колпашево,
Тихий и уютный городок.
Часть большой страны – России нашей,
Родины огромной уголок.

Как же ты красив зимою снежной
В белом покрывале января!
Осенью – к лицу багряно-нежный,
Золотисто-праздничный наряд.

Маленькая родина! Дороже
Я во всей России не найду...
А весной – такое бездорожье!
Все печали наши на виду...

У большой страны забот немало,
Только ей давно пора понять:
Маленькая родина устала
Родину большую поднимать.

Как ты нашу жизнь не приукрашивай,
Красотой сибирскою маня,
Маленькая родина – Колпашево
Как-то грустно смотрит на меня...

* * *

Какие, право, юбилеи –
Лишь сорок лет...
Случались годы поражений
И дни побед.
Нам в жизни так порой не сладко –
Ползём едва...
Но вспыхнет вновь в глазах загадка:
Душа жива!
Да, мы не властны над судьбою,
Но смерти – нет,
Пока горит над головою
Волшебный свет.
И пусть от горя и тревоги,
Пустых обид
Мой ангел, нежный и далёкий,
Тебя хранит.
Что слава, почести, награды...
Пустые, лживые слова...
А я твоей улыбке рада
И – слава Богу, что жива.

* * *

*Ты взгрустнёшь, в вагон усевшись,
и мне станет вдруг чужой
Этот город опустевший,
неуютный и большой.*

(Юрий Гричкеев)

Ранней осени прохладу не любя и не ценя,
Ты, как будто так и надо, уезжаешь от меня.
Но в своей дороге дальней, если хочешь, позови
Наших ангелов печальных – белых ангелов любви.

Пусть хранят тебя от боли, от печалей и тревог,
Да спасают от неволи и запутанных дорог.
Берегут от непогоды и отводят от беды...
Пусть несут тебе свободу от вчерашней суеты.

Вот закончилась дорога... От себя – не убежал.
А таких, как я – не много. Ну зачем ты уезжал?

* * *

Что же это? Что же это?
Солнца луч из-под ресниц!
Мощь сияющего света
Лишь в одном из тысяч лиц!
Этот свет не всеми видим,
Только для любимых глаз.
Нежности и счастья нити
Вновь соединяют нас.

* * *

Что тебе моя судьба?
Просто – сломанная ветка.
И подметят люди метко,
Говоря: «Любовь слепа!».

Что тебе моя любовь?
Просто – прерванная песня.
Это даже интересно –
Суждено запеть ли вновь?

Что тебе моя печаль?
Дом, где так легко и просто.
Это – как волшебный остров.
А тебе его не жаль.

Что тебе моя судьба?
Просто – в жизни остановка.
А твоя любовь-воровка
Ненадёжна и слаба.

Что тебе моя любовь?
Непогасшая свеча.
Но от моего луча
Звёзды вспыхивают вновь.

Татьяна Мейко

ГЛАВЫ ИЗ КНИГИ «ДРУГАЯ ЛЯЛЯ»

Книга «Другая Ляля» напоминает о времени, подробности которого постепенно уходят вглубь памяти. И извлекаются с возрастом всё реже и реже. Истории из неё будто срезают вдруг напластовавшиеся слои с нашей застаревшей души, напоминая, что и мы тоже были когда-то наивно-мудрыми и не всегда понимали этих правильных взрослых.

Хочется посоветовать прочитать эту книгу всей семьёй. Написана она живым поэтическим языком. Она трогательная, честная, добрая, грустная и смешная одновременно. Она помогает нам, читателям, лучше понять себя и других.

Оксана Чайковская

НЕРВНЫЕ СТЕНЫ

Психолог для Льва Николаевича

Взрослые постоянно говорят о квартирах. В них въезжают и выезжают, делают ремонт, меняют мебель, ставят сигнализацию, потом снова делают ремонт, и так без конца. Поэтому всегда есть о чём поговорить.

Луиза Георгиевна принесла специальные буклеты, чтобы показать, как можно обновить наш потолок. Лялька, сидя на полу, разговаривает по телефону.

– Ну что ты мне постоянно звонишь? – упрекает она кого-то. – К Диме ходишь... Что такое?

– Здравствуй, детка, – обращается к ней Луиза Георгиевна.

Лялька притворяется, что не слышит:

– Нельзя к нам в гости – у нас ремонт несконченный.

– Почему ты не здороваешься? – спрашиваю я. – Культурный человек должен отвечать, когда к нему обращаются!

– Я же с Тётей-Сыроежкой разговариваю, – шепчет она, прикрывая трубку ладошкой.

– Но тётя Луиза обидится.

– А так Тётя-Сыроежка обидится!

– Кому она звонит?! – не понимает Луиза Георгиевна.

– Тёте-Сыроежке! – поясняет Лялька.

– Разве можно говорить с грибами?

– Она не гриб, она под нашей тумбочкой живёт.

– Но тётя не может забраться под тумбочку, там мало места!

– Она залезла, когда ещё маленькая была.

Луиза Георгиевна закатывает глаза к потолку. Можно заказать натяжной потолок. С виду он будет как настоящий, только, если пробежать по нему, ноги будут проваливаться – как на надувном матрасе. Но мы ведь не собираемся бегать по потолку.

– И ты, Николаич Толстой, мне постоя-янно звонишь...

– Это какой же Толстой? Лев? И он отвечает тебе?

– Конечно, он же культурный человек.

– А можно послушать?

В трубке тишина – телефон-то игрушечный!

– Прервалось! – Лялька крутит диск. Лёгкий аппарат движется вслед за пальчиком.

Наконец номер набран, она прислушивается и вздыхает. Занято. Видимо, многие хотят поговорить с Львом Николаевичем.

– Детка, – решает объясниться Луиза Георгиевна, – ты не можешь говорить с Толстым – он умер.

– Когда?! – расстраивается Лялька.

– Очень давно. Ведь он родился ещё в первой половине девятнадцатого века. Люди не живут так долго.

– Иван-царевич ещё давнее родился – он же не умер!

– У ребёнка совершенно размыто ощущение реальности, – ставит диагноз тётя Луиза и советует нам показаться детскому психологу.

Она несколько лет работала в школьном кабинете психотерапии. Но потом уволилась – слишком близко к сердцу принимала переживания своих маленьких посетителей и всегда плакала вместе с ними. Тот, кто умеет плакать, не может считаться хорошим психологом.

Однажды она и меня записала к такому специалисту по тоске и печали. Мне дали музыкальные кассеты, уверили, что это люди, и попросили представить, как они будут общаться.

Оказывается, если поставить кассеты вертикально вплотную друг к другу – они подружатся, если придвинуть бочком – будут приятелями, а если отвести на расстояние – останутся чужими. Ещё можно одну поставить ровно, а вторую наклонить и прислонить краешком, тогда первой станет тяжелей, а второй легче. Но я не справилась с заданием, я всё время думала, что внутри у каждой кассеты – своя музыка.

– А если бы у Льва Николаевича был психолог, смог бы он написать свои гениальные романы?

– Не знаю, – отвечает Луиза Георгиевна. – Но наверняка был бы счастливей и не сбежал из дому на старости лет, как мальчишка!

Она складывает буклеты в стопочку и стучит ими по столу, чтоб легли ровнее. Большой, сплочённый коллектив буклетов.

Может, на приёме у психотерапевта, забравшись с ногами в уютные кресла, умерли современные Толстые, Достоевские, Гаршины...

Вечером мы с Лялькой читаем рассказ «Лев и собачка». На самом интересном месте лампочка над нами начинает мигать – в доме давно пора менять

проводку. Запасной, как всегда, не оказывается. Временно можно вывернуть в коридоре – но у нас такие высокие потолки...

Лампочка, на которую не обращают внимания, обиженно шипит и гаснет. Я ощупью открываю нижний ящик комода, достаю свечку и спички. При свете живого трепещущего огонька мы дочитываем историю бедного одинокого льва.

Лялька плачет, свечка роняет на подсвечник восковые слёзы.

Человеку иногда нужно поплакать. И свечкам нужно. Всё-таки хорошо, что у Льва Николаевича не было психолога.

Как избавиться от грустных воспоминаний

В нашей квартире нет острых углов – все они слегка закруглены от частой штукатурки и побелки. Зато отбывать наказание в таком углу не так обидно, ведь это уже не совсем угол, а чуть-чуть овал.

Под потолком лепнина из гипсовых листьев – некоторые от времени облупились, пожухли, ведь они пережили не одну осень. Ночью, когда за окном зажигаются фонари, их касаются тени заоконных тополей. Кажется, что они о чём-то шепчутся. Может, тени рассказывают гипсовым листьям, каково это – быть живыми?

Помню каждую трещинку и неровность на стене, если подолгу вглядываться, они начинали оживать, превращаться в сказочные лица и фигурки. Эти трещинки и неровности образовались от времени, как морщины и одутловатости на лице старого человека.

Неровные стены с годами стали нервными, приобрели свой характер и не терпят ничего лишнего – картина, повешенная на гвоздь, обязательно начинает кривиться, так что время от времени её приходится поправлять.

А уж такое насилие, как обои, вовсе приводит стены в негодование. Всякий раз под ними что-то потрескивает, коробится, края отскакивают то тут, то там.

Чтоб выровнять стены, нужно вызывать мастеров, они зачистят старую штукатурку и положат новую. Но я всё откладываю. Мне трудно отказаться от знакомых с детства трещинок и выемок, одушевлённых моей детской фантазией, от следов кисти, которые остались ещё от бабушки.

Во время войны бабушку с четырьмя маленькими детьми выслали в Сибирь. Здесь она не смогла устроиться по специальности – учительницей, и много лет проработала маляром. Она и дома белила два раза в год и, даже выйдя на пенсию, никому это не доверяла.

Мне нравился запах побелки и суета, которая её сопровождала. Из комнаты выносили всё, что легко выносилось, остальное прятали под газетами. На стол ставили стул, на который взбиралась бабушка, делавшаяся вдруг молодой и ловкой.

Большой пеньковой кистью она покрывала потолок серыми полосами и разводами, которые, высыхая, удивительным образом превращались в белые.

После завершения действия газеты, заляпанные густыми известковыми кляксами, убирали, кисть заворачивали в чистую тряпку, бережно, как ритуальный предмет, и хранили в банке под ванной до следующего раза.

Новая кисть напоминала головку молодой девицы с густыми прямыми вихрами спереди и модной высокой шишкой на затылке. Поработав, она превращалась в старушку – усталую, седую, но сохранившую всеобщее уважение.

Я часто играла в побелку: когда дома никого не было, стелила газеты, ставила стул на стол. Белила понарошку, но казалось, взаправду всё становится чище и светлей.

Со временем я научилась белить не только стены и потолки. Когда выдавался неудачный день, я мысленно доставала бабушкину кисть и старательно забеливала его снизу доверху. И на душе становилось легче – сквозь серые полосы неприятностей проступала обнадёживающая белизна.

С тех пор все тяжёлые и горькие воспоминания в моём сознании замазаны так густо и старательно, что почти не сохранились, а те, что остались, выглядят жалко – все в известковых каплях и разводах.

ПРОГУЛКИ НА СТАРОМ КОМОДЕ

Квадрат прошлого

У нас есть старый комод – тяжёлый и громоздкий, сдвинуть его с места даже вдвоём очень трудно. Однажды я красила полы и обнаружила под ним светло-коричневый квадрат. Такой пол был в моём детстве, по нему ходили мама и бабушка, на нём я играла в свои многосерийные и многодетные игры. Я не стала закрасивать этот квадрат прошлого – он так и остался под комодом.

Прежде на каждом ящичке были две изящные ручки, похожие на золотые раковины или короны для принцесс. Я всегда считала, что они слишком хрупкие, и место им в шкатулке с драгоценностями. Ручкам, наверное, тоже так казалось – они часто отлетали, их привинчивали обратно, но они отлетали снова, и в конце концов потерялись все.

Теперь, чтоб открыть комод, нужно сначала выдвинуть нижний ящик, потом средний. Верхний открыть труднее всего, как не достать маленькую матрёшку, не потревожив большие. Поэтому в нём лежат вещи, которыми мы пользуемся редко.

Комод всегда принимал участие в моих детских играх. Он превращался то в высотный дом, то в башню Кощея, но чаще в трамвай.

Мы с братом втыкали в щель между ящичков карандаши, на один из которых нанизывали грампластинку – получался руль. Остальные служили рычагами для торможения и переключения скорости. Брат был водителем, я – кондуктором. Мы ездили по городу, объявляя остановки, открывая и закрывая воображаемые двери, а старый фикус изображал деревья за окном.

Узнав об этой игре, Лялька тут же предложила прокатиться на комод. На этот вечер у меня уже были планы. Но я вдруг почувствовала, как оживает и

радуется маленькая девочка, спрятанная во мне. Ей тесно и скучно, её пугают мои взрослые дела и проблемы.

Эта девочка часто оказывается сильнее меня, и тогда я боюсь разоблачения. Кажется, окружающие заметят, что я ещё не привыкла, что только притворяюсь большой. Скажут: «Не вмешивайся в разговоры взрослых. И вообще, немедленноними мамины туфли и отправляйся в детский уголок».

Матрёшки воспоминаний

В каждом человеке на самом деле живёт не один человек, а несколько. Во мне одновременно уживаются взрослая женщина, девушка, девочка-подросток, первоклассница и малышка, не доросшая до крышки стола.

Все они обитали в этой комнате, играли, мечтали, смеялись, плакали. А теперь от них остались только воспоминания. Они сидят во мне, как маленькие матрёшки в большой. Чтобы достать последнюю, самую маленькую, нужно сначала освободить остальных – таков у матрёшек порядок. И я начинаю открывать одну за другой.

Матрёшка первая.

Мне одиннадцать лет. Стол завален книгами фантастики. Неожиданно отвлекаюсь, смотрю на мокрое от дождя окно и не могу понять, где нахожусь. После фантастических миров действительность кажется унылой и серой. Хочется откинуть купол неба, как матрёшечную половинку, и заглянуть за него. Я переворачиваю тетрадку по алгебре задом наперёд и пишу: «Сказка о Лялях».

Матрёшка вторая.

В десять лет я ещё играю в куклы. Под столом игрушечный домик. Красавица Виолетта недавно познакомилась с женихом, и всё идёт к свадьбе. Я увлечена и не замечаю, как приходит двоюродный брат. Он смеётся над моей игрой. Вылезаю из-под стола и с показным равнодушием пожимаю плечами: «Старые игрушки перебирала». В душе горькое сожаление: «Неужели мне уже никогда нельзя будет играть в куклы?». А Виолетта так и остаётся в старых девах.

Матрёшка третья.

Бегу домой радостная и гордая – меня только что записали в первый класс. На лестничной площадке сталкиваюсь со старшеклассницей Полиной. Раньше я не решалась заговорить с ней, а теперь чувствую себя на равных и спрашиваю: «Ты в каком классе – в первом А, или в первом Б?». Полина снисходительно улыбается и говорит, что в «А». Я тут же соображаю, что такая большая девочка не может учиться в первом классе, и пытаюсь всё свести к шутке. «А я в десятом Б!». Но дома начинаю переживать: «Вдруг Полина не в десятом, а в девятом или даже в восьмом». Настроение портится.

Матрёшка четвёртая.

Брат стал первоклассником на два года раньше меня. Он пригласил в гости друга. Они что-то строят из конструктора и степенно беседуют, повторяя: «А у нас в школе...». Мне тоже хочется принять участие в разговоре. «А у нас в

садике...» – влезаю я. Мои малышковые впечатления неуместны. Мальчишки насмешливо переглядываются. Но я не могу удержаться. Мне очень приятно, что я общаюсь с настоящими школьниками.

Матрёшка пятая.

Я – на уровне стола, взрослые – где-то сверху. Из проигрывателя звучит «Песня о дождях» Станислава Пожлакова. Я пока не знаю ни названия, ни автора, но что-то волнует воображение: оказывается, песня – это не только чтоб танцевать на утреннике или маршировать на зарядке. Я замираю, держа за ногу Синеглазку. Её длинные ноги на проволочках разъезжаются в разные стороны. Дядя Валентин берёт у меня куклу и поднимает над столом – голова болтается, приклеенные только с одного боку волосы отстают и обнажают преждевременную лысину. Гости смеются. Я уже привыкла, что дядя Валентин постоянно дразнится, но сейчас особенно обидно. Как можно смеяться, когда звучит такая песня?! И я плачу от обиды за себя, за Синеглазку, за испорченную песню.

Матрёшка шестая.

Мне два года. Кто-то забыл закрыть входную дверь, и я проскользнула на лестничную площадку. Спустилась вниз и пошла по тополиной аллее, через подземный переход, к железной дороге, к реке Ушайке... Я шла так уверенно, будто кто-то вёл меня за собой. Неизвестно, чем бы это кончилось, если бы случайно не встретилась соседка. Она взяла меня за руку и привела домой. Не знаю, куда и зачем я направлялась, но хорошо помню разочарование и обиду оттого, что меня вернули обратно.

Это последнее воспоминание, последняя матрёшка. Она не открывается. Всё, что было до этого – тайна...

Розочка Злючка и школа сов

Мы готовимся к путешествию на комод.

Сначала нужно смастерить руль. Пластинок у нас много – тонкие с песнями моей юности и толстые бьющиеся, оставшиеся от мамы. А карандашей ещё больше. Лялька вставляет их в отверстия между ящиками и прижимает плотнее. Потом выбирает пластинку.

– Бери небьющуюся, – прошу я.

– Они же не ездят! – она изо всех сил вертит виниловый диск.

Сказка любит старые вещи, ей нужны давние царапины, пятна от чернил или разводы от шариковой ручки, в которых живёт память о прошлом. Пробравшись в дом, как кошка, сказка обходит, обживает все щёлочки и чёрточки, ложится в углу так, чтобы видеть всю комнату. И только потом удобно располагается на ковре...

На стульях, расставленных в ряд, садятся игрушки-пассажиры. Одно место свободно – для другой Ляли. Дочка объявляет остановки второго маршрута, на котором мы добираемся до Городского сада, чтобы покататься на каруселях.

Многие названия она не понимает, и я не могу их объяснить. Как, например, расшифровать переулок Совпартшкольный. Если сказать, что это советская партийная школа, это ещё больше всё запутает. В газетах часто пишут, что многие улицы пора переименовать, но у города нет на это ни денег, ни времени.

У Ляльки времени полно, поэтому она давно и совершенно бесплатно изменила все непонятные и неприятные названия. Переулок Совпартшкольный стал Школой сов, не зря же в названии школа и парты. Улица Розы Люксембург превратилась в Розочку Злючку, в том числе из-за неприятного бурчания в конце.

Лялька поочерёдно нажимает на газ и тормоз, открывает и закрывает двери, впуская новых пассажиров. На остановке Больничной, благоразумно переименованной в Здоровую, входит доктор Айболит, на улице Тихой – скромный Петя в берете и Лялькина любимая овечка Вета, потупив глазки с длинными ресницами.

На улице Розочки Злючки нас поджидает военизированный отряд моих старых резиновых игрушек. За спиной у них ружья – остро отточенные карандаши, вставленные в отверстия для пицалок. В отличие от современных, у старых игрушек пицалки не в ногах, а на спине. Лялька хочет проехать мимо. Но мне обидно за мои игрушки, которые всегда исполняют отрицательные роли.

– Давай спросим, что они хотят.

– Они ищут оружие!

– Ты возишь с собой оружие?

– Ну вот же! – она показывает на карандаши, торчащие из комода.

Игрушки бегут за трамваем. Стараясь уйти от преследования, Лялька давит на газ. Пластинка вертится, как в старом проигрывателе на скорости семьдесят восемь, и на крутом повороте срывается с карандаша. Лялька громко всхлипывает, безуспешно пытаясь соединить разбитые половинки.

– Ещё другая Ляля плачет...

Плачут куклы и зверюшки. Плачут матрёшки, Лялька вытирает им слёзы – сами они этого сделать не могут.

Всем жалко пластинку, ведь на ней была песня!

Я вспоминаю моих песенных человечков. Они тоже расплакались бы над разбитой пластинкой.

Лялям нужны песни – без них они болеют. Взрослым тоже нужны песни – такие, от которых замирает душа и приходится сдерживать грустные или радостные слёзы.

– Не переживай. Разбилась только пластинка. А песня осталась!

Я пою колыбельную «Светлана», которая была на пластинке. Дочка подпевает – эту песню я пела ей на ночь. И куклы подпевают – им пела Лялька. Старые игрушки стучат в окно трамвая – им надоело быть злыми. Мы вытаскиваем у них из спины ружья-карандаши и возвращаем пицалки, чтоб они тоже могли петь.

От песни комната делается просторной и нарядной.

А разбитую пластинку мы используем как подставку для цветов. Может, цветы тоже любят песни?

Хвосты в бесконечности

Лялька макает кисточку в синюю краску и проводит полосу из правого угла в левый. Лист заканчивается, и она ведёт прямо по столу.

– Разве ты не знаешь, что рисовать можно только на бумаге? – спрашиваю я.

– Это хвост.

– Чей?

– Поза-поза-поза-позавчерашний.

– У Позавчера есть хвост?

– Ну да, очень длинный...

– Если у тебя не входит Позавчера, рисуй что-нибудь другое.

Лялька макает кисточку в красную краску, проводит линию от левого края к правому и опять съезжает на стол. Стол тоже заканчивается.

– Я же просила!

– Это и так что-то другое! Это После-после-после-послезавтра.

Беру из её рук кисточку.

– Вот смотри, если твои Поза-поза-позавчера и После-после-послезавтра свернутся калачиком, то вполне поместятся на листочке.

Лялька с удовольствием накручивает на бумаге цветные спирали: синие – Позавчера, красные – Послезавтра.

– А Сегодня-то где? – спохватывается она.

Отыскав местечко, поближе к центру, рисует жёлтый кружочек. Он похож на серединку ромашки или на колобок, который очень далеко укатился от бабушки и дедушки. На нём с трудом умещаются крошечные глазки и ротик.

Отправляю дочку мыть руки, а сама разглядываю рисунок. Синие и красные змеи сплелись в неразрывный клубок. Между ними теснится маленькое, еле заметное Сегодня. Глазки-точки расплылись – кажется, что оно плачет. Наверное, ему неуютно среди этих Поза-поза-поза-позавчера и После-после-послезавтра с длинными хвостами, свисающими в бесконечность.

Печкин взгорок

Прежде в нашей комнате стояла печь. Настоящая – с трубой, топкой, разными задвижками и вьюшками.

– Вчера? – уточняет Лялька.

– Намного раньше.

– Позавчера?

– Ещё раньше.

– Поза-поза-поза-поза-поза-поза-поза-поза...

– Совсем давно – ещё до моего рождения.

– Она что ли уехала?

– Разве печка может ездить?

– Может! У Емели!

Печь разобрали, когда в нашем доме появилось паровое отопление и газовая плита. Остался Печкин Взгорок – плоское прямоугольное возвышение в углу. На нём стояла моя детская кроватка, а потом было место для игр. Каким высоким и просторным казалось оно когда-то!

Сегодня на Печкином Взгорке хозяйничает Лялька, а я занимаю всю комнату целиком. Но отчего-то именно теперь мне стало тесно. Стены, кажется, подступили ближе друг к другу, вещи перестали помещаться в шкафах, а этот странный уступ в углу начинает раздражать. Он мешает мыть пол, расставлять мебель, но главное – всё время боюсь, что Лялька упадёт и ударится об угол.

Надо бы выровнять полы и положить паркетную доску, чтобы пол был, как у всех – равнинный, без всяких возвышенностей. Однажды я даже наняла для этого рабочих. Но когда они сняли с приступка несколько верхних кирпичей, то обнаружили под ними железнодорожные рельсы, ведущие в соседнюю квартиру. Видимо, их принесли, когда ставили печку – для прочности.

Ремонт пришлось отложить. На время мы закрыли приступок куском фанеры, а сверху постелили ковёр. Лялька снова разложила на нём игрушки и книжки.

– А где рельсы? – спрашивает она, рассматривая картинку, на которой Емеля катается по городу на печи.

– Какие рельсы?

– Печка же по рельсам ездит!

Ей представляется печка в виде трамвая. Только гораздо удобнее: зимой не холодно и не нужно возвращаться домой обедать. К тому же она сама определяет дорогу, лучше любого навигатора, стоит сказать «по щучьему велению...».

– Это наша печка?

– Почему наша? Емелина!

– Нет, наша!

На любой картинке дочка ищет себя. Увидев понравившееся изображение, с режиссёрским азартом начинает распределять роли:

– Это я! Это ты! Это ещё одна я!

Вечером приходит Луиза Георгиевна. Я рассказываю, как сложно будет убрать приступок от печки: придётся договариваться с соседями, ломать часть стены...

– Не надо ломать, – просит Лялька. – Вдруг печка захочет вернуться?!

Кто читает нас?

Дни идут, а печки всё нет. Лялька решает отправиться ей навстречу.

– Поедем в завтра!

– Зачем? Завтра придёт само, надо немножко подождать.

– Вчера ждали, позавчера ждали... – ворчит Лялька.

– Но мы не можем ехать сейчас. У нас ещё много дел в сегодняшнем дне.

Прежде всего нужно поужинать.

– Мы же на минуточку...

Мысли её уже в пути, и она не успокоится, пока не догонит их, не соберётся воедино.

– Ладно, – соглашаюсь я. – Но когда вернёмся, первым делом съешь кашу. Снимаю с плиты кастрюльку с манкой, закутываю полотенцем.

Лялька сооружает что-то из ящиков комода и цветных карандашей. Вместо руля приспособливает круглый игрушечный циферблат, по которому она училась определять часы и минуты.

– Это машина времени? – догадываюсь я.

– Трамвай!

Правильно – ведь трамвай ходит по рельсам.

Сажусь рядом, чтоб ехать в будущее. Лялька нажимает на красный карандаш, включая мотор, другой рукой крутит стрелки часов.

– Семь, восемь, девять, двенадцать... – объявляет она часы, как раньше остановки.

Выходим из трамвая времени и оглядываемся. В завтрашнем дне печки нет. В нём всё, как в сегодняшнем, даже каша ещё не остыла. Но Лялька обнаруживает кое-какие перемены.

– Цветок сильнее зацвёл, – показывает она на распутившиеся гроздья герани, потом переводит взгляд на свою младенческую фотографию: – Подросла!

Я напоминаю про кашу. Лялька округляет глаза.

– Ты что! Она же вчерашняя!

– Тогда отправляемся назад. Тем более, минуточка уже кончилась.

Двенадцать, одиннадцать, десять, девять... Возвращаемся в настоящее. Но Лялька не желает останавливаться. Она предлагает ехать во вчера – может, печка ещё там! Не дожидаясь моего согласия, крутит стрелки часов.

Во вчерашнем дне печки тоже нет. И не могло быть – я не раз объясняла, что её разобрали до того, как я родилась. Но дочка не верит. Ей кажется, я жила всегда, а значит, могла встречаться с печкой и даже прятаться в ней, как в сказке «Гуси-лебеди».

Она вдруг безвольно роняет руки на колени, вытягивает губы трубочкой, поднимает брови и начинает часто-часто моргать.

– Я маленькая, – тянет ко мне ослабевшие ладошки, – на лучки.

Вчерашний день – это прошлое, а в прошлом она была маленькой.

Лялька затихает у меня на руках. На лице блаженство – всем хочется быть моложе, даже тем, кто родился совсем недавно.

– Ну, всё. Теперь кушать.

– Ты же её исё не свалила!

То есть не сварила.

– Хорошо, я приготовлю другую кашу.

Разбавляю ещё не остывшую манку кипячёным молоком, наливаю в бутылочку и кормлю дочку через соску. Она съедает всё до капли.

– Книзку!

Мы читаем о том, как Емеля ездил на печке к царевне, как счастливо и бо-

гато жили они потом во дворце – в новом или только что отремонтированном.

– А когда Емелина сказка кончится, печка будет ему не нужна? – вдруг спрашивает Лялька, забыв, что ещё не научилась говорить. – Может, она тогда к нам вернётся?

– Но сказка не может закончиться, пока её читают. С каждым, кто берёт в руки книжку, она начинается заново.

Лялька сонно щурится – сон накатывает, как порыв тёплого ветра. На минутку она открывает глаза:

– А кто читает нас?

Я не знаю, что ответить, но это и не нужно. Дочка спит. Я разбираю волшебный трамвай – чтоб попасть в завтрашний день, не нужно заводить машину времени.

Может, когда-нибудь печка действительно вернётся? И всё повторится с того момента, когда не было ни меня, ни Ляльки. Снова вырастет фикус в кадке, и старый комод засверкает всеми шестью золотыми раковинами. И снова встретятся все, кого мы любили. Если только кто-нибудь захочет нас почитать.

МЕЖДУ ЗАВТРА И ВЧЕРА

Сыворотка из-под простокваши

Расположившись на подоконнике, Лялька рисует первый снег.

– Почему фиолетовый? – удивляюсь я.

– Сам такой выпал.

Она высыпает из коробки цветные карандаши. В этом году очень ранняя зима. Недавно за окном всё было зелёным, потом стало жёлтым, а сегодня белым. Кто знает, в какой цвет завтра окрасится мир.

– А когда динозаврики жили, снег шёл?

Про динозавров Лялька знает из мультфильма. Она плохо помнит, что было в прошлом году, но очень любит заглядывать на «миллион миллионов» лет назад.

Когда-то мы с братом тоже расспрашивали бабушку о том, «что было, когда ничего не было», и сердились, что она не может рассказать толково.

Зато очень наглядно она показывала происхождение дня и ночи, вода кружкой с простоквашей вокруг горячего чайника, изображавшего солнце. Простоквашу я терпеть не могла, и мне было неприятно, что именно ей доверена роль Земли.

Выяснив, что бабушка плохо ориентируется в отдалённом прошлом, мы перемещали её в двадцатый век, в годы Октябрьской революции – ведь ей тогда было уже пять лет! Но и там она, как ни старалась, не могла вспомнить ничего интересного – помнила только, как несколько раз над главным зданием города менялись флаги.

Нынче уже на моих глазах меняются флаги. Я иногда думаю: если дочь или внуки когда-нибудь попросят рассказать про Перестройку, что вспомню я?

Синие челночные сумки, с которыми колесили через границу бывшие учителя? Белый олимпийский флаг в Барселоне, который несли спортсмены бывшего СССР, будто шли не побеждать, а сразу сдаваться?

– А динозавры были больше девятиэтажного дома?

– Некоторые больше, – соглашаюсь я и обещаю себе заглянуть в энциклопедию.

Впрочем, Лялька пока не требует точных знаний. Её вполне устраивает моя сказка про иголочку, которая случайно нашлась в земле. Вокруг иголкиросло яйцо, из яйца вылупилась птичка, из птички – рыбка, из рыбки – маленький динозаврик... Почти как в «Кощее Бессмертном», только наоборот.

– А динозаврики вымерли потому, что наступила зима и у них не было шубки большого размера?

Теперь я уже не удивляюсь, что бабушка не могла ответить на самые интересные и важные вопросы, потому что знаю: на самые важные вопросы ответов нет. Есть гипотезы. Это когда можно сказать так, а можно иначе. В школе за такие ответы ставят двойки.

– А почему наступает зима?

Я беру кружку с простоквашей и вожу вокруг чайника. За окном падают белые рыхлые хлопья, и весь мир представляется большой кружкой простокваши, где среди кисломолочных островков суши плещется сыворотка морей и океанов.

Лялька снова достаёт цветные карандаши. Уж лучше снег будет фиолетовым.

Откуда берутся бабушки?

– Как откуда? Девочки растут, взрослеют, стареют...

– И платочки завязывают?

– И платочки.

– И фартучки?

– И фартучки.

– А как девочки узнают, что они уже бабушки?..

И действительно – как?

Как поверить, что мои ровесницы – такие энергичные, независимые – когда-нибудь состарятся, сгорбятся. Что сегодняшние шестнадцатилетние модницы в коротеньких юбочках и топиках круглый год повяжут на поясицы тёплые шали и будут бояться сквозняков?

Я плохо помню лицо бабушки. Конечно, сохранились фотографии, но хочется представить, какой я сама видела её в то время, когда лица были где-то высоко и почти не запоминались.

Остался в памяти бабушкин фартук в сиреневых цветочках, с большими карманами, в которые во время уборки попадали разные мелкие вещички и оставались там надолго.

И голос. Она читала нам с братом повесть Гектора Мало «Без семьи». Мы любили эту старую, потрёпанную книжку с выпадающими страницами, каж-

дый раз с замиранием сердца слушали о бедном мальчике-сиротке, удивляясь, радуясь и плача в одних и тех же местах.

Там, где страниц не доставало, бабушка рассказывала по памяти, и это было ещё интересней. Когда книгу читал кто-то другой, нам казалось, что остановки делаются не там, слова произносятся неправильно, а главное, слишком быстро – не успеваешь удивиться или испугаться.

– А если, например, девочки не захотят быть бабушками? Если им, например, надо поиграть?

– Они могут поиграть с внуками.

– А если внуков дома нет?

Старость – это как принудительная высылка из страны детства и молодости. Вокруг те же деревья, та же трава, те же облака над головой, но ты уже иностранка. Хочешь не хочешь, а приходится соблюдать местные обычаи: не бегать, не прыгать, есть традиционную бабушкину еду – пресную и несладкую, носить национальную бабушкину одежду – тёмные платья с длинными рукавами, байковые халаты, туфли на низких каблуках, повязывать платки зимой и летом.

Если когда-нибудь люди действительно изобретут трамвай времени, чтобы свободно передвигаться между прошлым и будущим, как же они будут нас жалеть, как удивляться, что мы могли жить с такими ограниченными правами и возможностями.

Я читаю Ляльке рассказ Льва Толстого. Внучка была мала, и бабка варила, стирала, шила. Потом бабка стала стара и уже внучка работала на неё.

– Ко мне же внучка должна прийти! – вдруг спохватывается Лялька и бежит в игрушечный уголок. Надевает платочек и очки из набора «Маленький доктор», ставит на игрушечный столик игрушечный чайный сервиз.

– Без меня не читай! Я быстренько!

Сейчас она почаёвничает и поконфетничает с будущей внучкой, потом снимет платочек и вернётся в детство.

Пока у неё безвизовый режим между Завтра и Вчера, этим нужно пользоваться.

Я путешествую вместе с дочкой, погружаясь мыслями в детство и юность. Прошлое, как любимую книгу, тоже можно читать до бесконечности, радуясь и печальясь в одних и тех же местах.

□—————

Дорогая Татьяна Ефремовна!

Томские писатели сердечно поздравляют Вас с юбилеем и желают творческого долголетия, новых сказок и стихотворений.

Нина СИТНИКОВА

ВСЁ ЭТО БЛИЗКО СЕРДЦУ МОЕМУ

* * *

Меня запомнил снег –
Он падал на ладони,
Садился на ресницы...
Мой силуэт хранился
В сугробе до весны.

Меня запомнил дождь –
Он захотел стать ливнем,
Но рядом шёл, робея.
Он плакал и смеялся,
Когда являлся в сны...

Мне солнце шлёт привет.
Расплавясь жёлтым бликом,
Всё гладило мне кожу,
И дни тогда стояли
Безоблачно-ясны...

Они со мной честны –
И снег голубоватый,
И дождь «слепой», и солнце...
А ты меня – не помнишь...

МАГНИТИКИ

«Путешествую» по магнетикам,
Что друзья подарили мне.
Сразу видно, в какой огромной,
В необъятной живу стране!

Домоседка я, что поделаешь,
Ну не тянет меня никуда –
То в жару не хочу вояжировать,
То мешают мне холода!

Из далёких краёв или близких
Я всегда вас, друзья, ждала.
...Вечерами у холодильника
Забываю, зачем подошла.

* * *

Несите мне свои обиды и печали
И расскажите то, о чём давно молчали,
Делитесь горечью предательств и измен
И страхом перед ветром перемен.

О том, что дней счастливых недочёт,
О безысходности, что давит и гнетёт,
Поведайте.

Я каждого пойму:
Всё это близко сердцу моему.

Доверьте тайну (хочет знать любой!),
Как жить в гармонии и с миром, и с собой,
Даруйте вдохновение строки,
Любите.

Остальное – пустяки!

Секрет улыбки – тоже ведь секрет,
Откройте же его на целый свет!
...Кто ближе мне, я вовсе не гадаю,
И выберу лишь тех, с кем совпадаю.

* * *

Кто не лжёт, тот свободен от хитросплетений,
Нет нужды вспоминать, где лукав был и в чём.
Хорошо быть лишённым любых подозрений,
Друга чувствовать тёплым надёжным плечом

И не мучить себя за былые ошибки,
Перенять ощущение полёта у птиц,
И в толпе ненароком увидеть улыбку
(Это редкость среди озабоченных лиц).

И почувствовать радость
с весенним рассветом –
Ах, с каким нетерпением ждём мы весну!

МАТЕРИНСКОЕ СЧАСТЬЕ

Мои седеющие мальчики,
Мои родные сыновья –
И гордость, и любовь моя.
Я целовала ваши пальчики,
Ваш сон оберегала я...

Мои проказливые мальчики,
Я так же нежно вас люблю
И эхо дальних лет ловлю...
Вы, словно солнечные зайчики,
Украсили всю жизнь мою.

Те дни, далёкие и близкие,
Среди ушедших близких лет
Не затерялись в мутной мгле...
Со мною счастье материнское –
Нет выше счастья на земле!

Зинаида ГАСАН

НАВЕРНО, НЕ УМЕЮ ПРОГИБАТЬСЯ

* * *

Я в этот храм
Берёзово-сосновый
Ходила и хожу...
И всякий раз
Он для меня
Таинственный
И новый,
Как в школе
Свежевыкрашенный
Класс.

ВОПРЕКИ ВРЕМЕНИ

Возьму и сотру границу
Резинкой стирательной.
Я буду ловить синицу
И буду очень старательной.

Раскрашу я лужи в оранжевый,
Как сок апельсиновый.
Всему вопреки стану ранешней,
С косичками – девочкой Зиной.

СУДЬБА

Полусон, полуявь...
Вся в кукушкиных
    слёзках поляна.
Полусон, полуявь...
Ухожу, а ты шепчешь,
    что рано.
Полусон досмотрю,
В полусказку,
    как в правду, поверю.
А кукушкины слёзки
Задуют ромашек метели.

Полусон, полуявь...
Как же быстро
        кончается лето.
Полусон, полуявь...
Зарумянится утро зарёй.
Может, это ещё повторится
Когда-нибудь, где-то.
Только будет уже
Не моею судьбой.

* * *

Не обижайся!
Я не потерялась.
Не кинулась с обрыва –
Не смогла.
Я даже стон
В душе своей сдержала,
Когда от слёз слепой
Не шла – брела.
И не казись,
Разборок не устрою.
Прилюдно
Не заставлю замолчать.
И не стучись,
Я двери не открою.
Зачем судьбу
Чужую разлучать?..

* * *

Говоришь – королева,
Не верю.
Льстишь словами,
Но в сердце
Тоска.
И растёт
Недоверия древо,
И рождается
Слово «пока».
Говоришь.
Говорил.
Всё сказал.
Ветер.
Дождик.

И мокрый вокзал.
И разлука
Без оправдания.
И дежурное
«До свидания».

СИЛА ВОЛИ

А голос внутренний
Шептал:
– Будь осторожной,
Можно ошибиться!
Дух поражения
Кругом витал.
И где-то
В глубине –
Забиться...
Но шла вперёд,
Наперекор всему,
Наверно, не умею
Прогибаться
Назло себе,
Назло ему.
И надо же –
Пыталась улыбаться.

* * *

Ты в моей душе посеял вьюгу,
Выросла заснеженная грусть.
А её, как лучшую подругу,
Я судить сегодня не берусь.

Мы почти забыли друг о друге,
С каждым днём морозы всё сильней.
Ты в моей душе посеял вьюгу...
Я посею солнышко в твоей.

НАДЕЖДА

Я по будущему тоскую,
Почему бы не тосковать?
А ты люби такую,
Какою сумела стать.

И прежней быть не рискую,
Прежнего не вернуть.
А ты полюби такую,
Которую не согнуть.

Ту, что поймёт и сможет
Простить тебя, если не прав.
И нашу любовь продолжит
Без приворотных трав.

* * *

Из крайности в крайность...
Такого ль хотела?
К такому ль душа рвалась?
Во взгляде усталость,
От горя ревела,
Над краем висела –
не сорвалась!

НЕ ВЕРНУЛСЯ...

Мужу, погибшему в Афганистане

1.
Не вернулся –
лишь боль обжигающих строк,
что погиб в боевой операции.
Не вернулся –
и счастья обещанный срок
затерялся не в нашей акации.

Не вернулся –
слова тяжелее свинца.
Как же так, как же так:
дочь растёт без отца?!

Виснут ветви берёз,
никнет долу трава.
Как же так, как же так:
в двадцать два – и вдова?!

2.
Звоню я в колокол
Своей души.
То громче звон,
То тише.
Звоню в
Предутренней
Тиши,
А ты
Не слышишь.
Стучишь в окно
Мне по ночам
Дождём
Иль вьюгой.
Но мы с тобою
Никогда
Не встретимся
Друг с другом.

* * *

Всю ночь
Бушевала метель,
Стучала то в окна,
То в двери.
Сугробы
Присели теперь
На улицах,
Словно звери.
А в окнах
Забрезжил свет
Такой невесёлый,
Колючий.
И сходит
Зима на нет
Среди
Касмалинских
Излучин...

Сергей Куклин

САДОВОД

Впервые в этот день Валера Булкин заматерился утром, перед пешеходным переходом, когда зажётся зелёный свет для транспорта, а поперёк проспекта неспешно пошлагала девушка, уткнувшись в планшет и не уделяя внимания вереницам машин, ожидающим финала её торжественного шествия. Ноги, туго обтянутые брючками, ступали беззаботно и уверенно, тонкое личико было заморожено загадочными сообщениями, от которых невозможно оторваться, даже если маячит угроза юной жизни. Так и не глянув по сторонам, упруго ступила за бордюр и канула в потоке прохожих. Светофорная очередь продвинулась на несколько единиц и снова застыла, потому, что «мимолётное виденье» отняло у неё драгоценные мгновенья. Хотя Валера теперь встал первым у «зебры», ему опять пришлось терпеть тягостную минуту. Маты из него не посыпались наружу, они перебродили внутри, потому, что рядом сидел директор, которого он доставлял в нужное место, и они опаздывали к назначенному времени. Впрочем, это было даже не происшествие, а пустяк, скоро забывшийся.

Повторно психанул на заправке, когда вдруг выяснилось, что на его карточке не хватает денег на заявленный литраж. Бухгалтерия недосмотрела. Здесь он уже порадовал нечаянных слушателей своим мастерством в популярном жанре. Заправился на сколько хватило рублей, и покатил по своим рабочим маршрутам, которые крутились вокруг разных нужд маленькой, но вроде пока устойчивой конторы. Прикинул, что на сегодня бензина хватит, и эта маленькая незадача тоже развеялась. Неведомые силы продолжали испытывать его на стойкость, когда после обеда резво запиликал мобильник.

Сестра умирающим голосом сообщила, что жизнь её, недавно цветущая, заканчивается. Она нечаянно чуть-чуть загуляла по причине безжалостного удара судьбы – расставания с Васечкой, её последним любимым мужчиной, и в процессе этого журфикса нечаянно потратила из кассы своего предприятия полторы тысячи рублей. Возместить ей нечем, нехватка обязательно обнаружится сегодня в три часа дня. Последняя её надежда – это он, братик Валерочка, а если он не поможет, ей осталось одно – выпить жидкость из стакана, укрытого шторкой на подоконнике. Ей трудно, но она сделает это, потому что жить дальше больше нет ни желания, ни смысла. Валера ворчливо, без вдохновения выматерился в третий раз за день и погнал к её конторе. Обнаружил сестру Евдокию, притаившуюся в своём кабинете с подругой по работе и горькой женской доле. Они сидели за столом напротив друг друга и наблюдали на потолке некие тайные знаки в дефектах штукатурки. Понял, что дамы недоопохмелились и пребывают в мучительном состоянии дрыгающейся совести, осознании своей ущербности и отчаянного неведения, что будет с ними дальше.

Его тучная фигура, образовавшаяся рядом с сейфом, была воспринята словно явление ангела путникам, погибающим в пустыне. Две пары жен-

ских глаз смотрели на него с надеждой и страхом. Он безмолвно кинул на стол три пятисотки, и тут его опять понесло. Выматерил дурочек с вдохновением, словно стих читал на уроке. Уже взявшись за ручку двери, вдруг обернулся. Он увидел двух кошек, напрягшихся перед броском на синичку, безоглядно смело залетевшую в их двор. Сообразил, что они недолго будут мучиться перед выбором: положить в сейф всю сумму или часть потратить на средство для уменьшения душевных мук. Шагнул назад и бросил перед сестрой ещё двести рублей.

– Возьмите пива. И кончай с этой дурью, Дуська, иначе каюк будет. Он уже за спиной у тебя маячит, можешь мне верить.

Позже, за рулём, выпроваживал из себя мысль о том, что сестра фуфло гонит насчёт потраченных казённых денег. В оконцовке решил для себя считать, что всё в натуре. Так будет спокойнее. Несмотря на то, что весь ещё не завершённый день вытягивался в цепочку неприятностей, настроение не портилось. Он был по-серьёзному нечувствителен для подобных щипков, потому что помнил о праздничном событии, ожидающем его сегодня вечером в огороде. Вчера увидел, что бутоны тюльпанов, перебогших зиму под сугробом, почти готовы раскрыться и предъявить ему свою гордую красоту. Ещё недавно переживал, что луковицы, высаженные им по осени в прохладный грунт, не приживутся, не успеют укорениться и взять из земли свой набор нужных веществ, чтобы дожить до весны. Когда из прогретой майским солнцем почвы появились застенчивые ростки, он притащил в контору торт и несколько бутылок дорогого сухого вина. После работы устроил маленькое застолье, не объявляя истинной причины для праздника и, когда недоуменные женщины попросили его открыть тайну торжественного события, соврал, что у него день рождения.

Были ещё сомнения и тревоги, что робкие стебельки будут убиты нечаянными заморозками, но они тянулись, крепили, и неделю назад появились бутоны. Тогда он долго стоял над ними, усмиряя в себе желание погладить это сказочное обещание красоты, пока не нашёл выхода своему ликованию – привёл на грядку дочь и похвастался:

– Вот, Лиза, полюбуйся, выжили тюльпаны в наших лютых условиях. Бутоны появились, – не утерпел и заулыбался, как пацан, получивший в подарок велосипед, о котором и мечтать не смел. – Я верил, что у них хватит силёнок дожидаться тепла и не дать дубаря.

Дочь усмехнулась:

– Папа, ты молодец, только до сих пор по фене ботаешь, как блатарь.

Валера положил тяжёлую руку на её худенькое плечико:

– Я и есть блатарь, хоть и в прошляке. Только нынче цветочки развожу, а не лохов.

Если не обманывает предчувствие, то сегодня вечером его ждёт апофеоз сказки: пышные венчики пурпурных лепестков с жёлтой бахромой доверчиво распахнутся, и глазам откроется сокровенная тайна беззащитных пестиков и тычинок, тянущихся к небу. В конце дня пришлось доставлять бухгалтерские бумаги в какой-то банк, и, пристроив машину на стоянке, бодро упрыгал внутрь здания. Рассчитывал управиться за пять минут, а ушёл целый час на

очередь у окошечка и хождения по кабинетам. Когда вернулся к машине, обнаружил рядом солидного мужика, явного завсегдатая банка, размахивающего конечностями и делающего ему угрожающий выговор. Оказывается, он уже десять минут не может выехать отсюда, запертый Валеркиной «тойотой». Зная свой дурной характер, Валера взял за правило в дурацкие поединки не вступать, как будто ничего и не случилось, тем более, гражданин был явно прав. Без слов отпер дверцу, но, всё же не удержавшись, поделился с нервным товарищем:

– Эх, видел бы ты, какие тюльпаны сегодня у меня в огороде распускаются, пустой кипеж бы не поднял.

Оставив человека с выпученными глазами, укатил на свой праздник. Служебную машину он ставил у себя во дворе. Начальство это устраивало. Въезжая в деревню, как он обозначал для себя район, в котором родился и жил до сих пор, с перерывами на отсидки, привычно глянул на жёлтый дом школы. Сработал рефлекс, зародившийся в малолетстве. Начались каникулы, здание взялись ремонтировать, и он с удивлением увидел, что два огромных красных шара на школьном крыльце исчезли. Вокруг постаментов, на которых возвышались эти архитектурные шедевры, покоились кучи бетонного крошева. Строители раздолбили «яйца», как он с детства их называл и на которые в младших классах любил залазить, чтобы изобразить «статуй Ленина», пока учителя не видели. Вспомнилась тут же «Баба Гром» – их выдающаяся директорша Лидия Николаевна, единственная из учительниц способная восстанавливать порядок в классах и коридорах одним своим суровым взглядом и лишь в крайнем случае голосом, сопоставимым со звуком колокола. Она тащила каторжный директорский воз и вела уроки словесности. Не просто учила ребятню правилам орфографии, синтаксиса, объясняла смысл творений Николая Васильевича и Фёдора Михайловича, она пыталась вложить в их мозги желание и умение писать сочинения своих жизней с наименьшим количеством ошибок и исправлений. Зачастую выходило это у неё очень громогласно, за что и получила своё прозвище.

Дети остерегались её внимания, но если кому-то доставалась нежданная похвала от Бабы Гром, это весьма ценилось, как в большущем безалаберном семействе дорожат одобрением суровой, но почитаемой бабки. Раздолбай и двоечник мог похвалиться перед корефанами в тайном закутке за школой, где они чинарики смолили.

– А мне сёдня Баба Гром выдала: «Молодец, Юра, домашнюю работу хорошо выполнил, почти без ошибок, ставлю тебе четвёрку». Я, правда, эту работу у Эльвирки передрал, а она и не заметила, что ошибки у нас одинаковые. Мне даже как-то неудобственно стало.

Валера в последние времена иногда думал, что именно его инстинктивная отрицаловка, охота делать всё вопреки воспитательным потугам директорши, увели его в уголовщину. До сих пор со стыдобой вспоминал срамной случай, когда он с пацанами курил в мужском туалете, и Баба Гром, учуяв табачный дух, запросто ворвавшись внутрь, загрохотала на весь этаж. Булкин, спрятав «бычок» за спиной, притушил его об стену, скинул штаны и повесил свой то-

щий зад над железным толчком. Сквозь сизую пелену Лидия Николаевна, оценив представление, похлопала ладонями и покинула помещение.

На большой перемене все классы с седьмого по десятый стояли на общей линейке в две шеренги, с классными руководителями на правом фланге. В основании огромной буквы П возвышалась монументальная фигура Лидии Николаевны. Она подняла руку и, дождавшись тишины, заговорила. Её голос звучал устало, но профессионально громко, отдельно выговаривая каждое слово, словно на диктанте.

– Сегодня в мужском туалете наши куряки опять дымили, игнорируя школьный порядок, правила поведения, мои выговоры и предупреждения. Когда я вошла, чтобы пресечь это безобразие, ученик восьмого «Б» класса Булкин Валера проявил себя настоящим мужчиной. – Она сделала внушительную паузу и торжественно объявила: – Он снял штаны, чтобы напугать директора школы своей голой задницей.

Взрыв хохота раскатился по всему зданию от подвала до чердака. Оценив результат, она снова подняла руку, и когда всеобщий смех превратился в отдельные всхлипы, продолжила:

– Булкин, выйди сюда, если ты такой дерзкий и тебе нечего стыдиться. Покажи себя всему школьному коллективу, товарищам-комсомольцам.

Валера не помнил, как против своей воли сделал несколько шагов к ней, как развернулся лицом к шеренгам пацанов и девчонок. Она ещё что-то говорила, он слышал только звон смеха, а в памяти осталось лишь желание мгновенно исчезнуть, да так, чтобы о нём все забыли. В следующий раз подобное ощущение явилось к нему в суде, когда первый срок объявили. В ту весну пацаны-одноклассники, не ставшие студентами, стали солдатами, а он зэком. Местный продмаг удачно с корешами подломили, да неудачно добычей распорядились. Неделю бухали, пока участковый не подогнал к хате, где озеро «Агдама» плескалось, фургон с решёткой. Пять лет потом на «общаке» пытался вспомнить хоть чего-нибудь приятное из этой пьянки, а всё только хари блюющие перед глазами маячили.

На красный шар, ныне исчезнувший, 30 лет назад он шлёпнул зелёную картонку – свидетельство о восьмилетнем образовании, и беззаботно глянул на друга Юрку.

– Ну, вот и всё. Куда теперь пойдёт: в технарь или в фазанку?

Так простенько в те времена молодёжь обозначала техникумы и профтехучилища. Для получения среднего образования их признали негодными, а для пополнения рядов ударников соцтруда вполне подходящими. Будущий гегемон не обиделся, получил в фазанке профессию токаря, месяц поработал на заводе и заработал на первую ходку. Весёлое у них вышло поколение в деревне между двумя проспектами, возле речки Ушайки. Половина пацанов, ушедших после восьмого класса в «фазанки», как-то быстро и запросто сели. Статьи у всех были незатейливые: кто по мордобою, кто за кражу из почти доступных мест. На складике доску ломиком выдернули и пару ящиков водки или бормотухи вынесли. Или всю ночь таскали водопроводные трубы, а после никто не знал, что с этим штабелем делать. Знали районные суды. Помногу сперва не давали:

так, для острастки и воспитания. Только у некоторых страху перед советским законом не возникло, а воспитание на зоне получилось обратным. Валера на зоне ощутил себя настоящим пацаном, живущим по правильным понятиям.

Все эти подробности потешного детства и дурной молодости в голове Булкина промелькнули за несколько секунд, которые он потратил на разглядывание переделанного крыльца школы, отвлѣкшись от дороги. Ясный летний день всё ещё играл на ближайшем пространстве свой концерт, но такую музыку воспринимали лишь редкие слушатели в местном концертном зале. Его дом стоял на горе, откуда просматривалась значительная часть города, плавно спускающегося к большой реке, и даже противоположный берег с дальним тѣмным лесом, куда ежевечерне ныряло солнце. В голубом небе лёгкие облака неведомо как появлялись и пропадали, словно напоминая о мгновенности людских радостей. Хотя пытаться сравнить человечью жизнь с небесами совершенно неподходяще: облака так же плыли по небу миллионы лет назад, когда люди землю вообще не топтали. Зато сегодня солнце всех радовало и, двигаясь в дальний угол своего цветника, Валера издалека, от самой калитки, разглядел своё ожидаемое диво. Присел на корточки и, забыв обо всѣм, разглядывал беззащитную красоту, объявившуюся его стараниями и по его хотению из грязи, перемешанной с навозом. Ворчливо подумал, что какой-то дурак сочинил выражение «неземная красота», ведь она и есть самая земная. Услышав шорох за спиной, догадался, что к нему Лиза подходит. Больше никому – её мать и свою жену Гальку он выгнал два года назад, когда увидел, что она перекопала грядку для посадки свѣклы, а у него там флоксы были посажены, и она знала об этом.

Тогда в его мозгах случилось короткое замыкание: соединились разные фазы, что при отсутствии предохранителей привело к разрушению семейной жизни. Нулевым потенциалом послужило ощущение надоевшего, но вынужденного существования вместе. Фазой – его зародившаяся тяга к цветоводству. Жена была серьёзно младше его: когда он впервые надел клифт, девочка Галя пошла в первый класс, в ту же школу, где Баба Гром верховодила. Когда Булкин окончательно завязал и стал жить на зарплату, Гальку освободили из женской колонии по УДО за хорошее поведение, учитывая незначительность преступления. Кто-то чего-то удачно упѣр, а она неудачно укрыла – соучастие получилось. Ему приглянулась полнотелая девица, и после недолгих ухаживаний он предложил жить вместе. Без томительных раздумий, выжиданий и сердечных страстей они стали семьѣй. Лиза своим появлением на свет, казалось, скрепила их уже основательно, но чего-то недоставало в этом хладнокровном союзе, а о сущности этой недостаки они додуматься не пытались.

Домашнюю еду Галька готовила вкусно, одежду стирала исправно, но не замечала оторванной пуговицы на рубашке мужа и усталой скуки в его взгляде. Ещё его бесило, что она часто не помнила слова, сказанные им совсем недавно в разговоре вдвоѣм – как будто по радио какую-то чепуху несли. Он содержал в исправности дом, обеспечивал семью всем необходимым для приличной жизни, но его вовсе не тянуло иногда провести ладонью по щеке жены или присесть рядом с ней на скамейку, взять за руку и поглядеть на облака. Галь-

ке были неведомы идеи феминизма, своё внезапное изгнание она восприняла просто. Взвалив на плечо огромную клетчатую сумку со шмотками, добрела до материнского дома, находившегося на соседней улице, и принялась жить там. Дочь Лиза осталась с отцом, потому что так было удобнее всем. В описываемое время она перешла в девятый класс той самой школы, где последовательно учились грамоте отец и мать, только уже без участия в её образовании Бабы Гром. Лидия Николаевна стала совсем старенькой и сидела дома, не делая попыток воспитания внуков, которые изредка поглядывали на неё поверх гаджетов, пряча за экранчиками ехидные ухмылки.

Валера глянул на дочь снизу вверх и смущённо развёл руками.

– Полюбуйся, Лиза, тюльпаны раскрылись. Вот какие чудеса на свете бывают.

Явно стесняясь собственных слов, он замолк. Заметил, что дочь, кивая головой, вроде радуясь вместе с ним, что-то таит в себе, а сказать не решается. Дочку он держал в строгости, помня собственную подростковую безалаберность. Поднялся на ноги и ободряюще похлопал её по руке.

– Ну, выкладывай, чего там у тебя, не стесняйся, здесь все свои.

Испуганно глядя ему в глаза, она выпалила:

– Там мама пришла, на кухне сидит, тебя видеть хочет.

Обнаружил Гальку, стоящую на табуретке и моющую окно. Короткое, узкое платье плотно охватывало тело, и, когда она тянулась вверх, полные ноги неприлично оголялись, но сторожиться здесь было некого, потому как все свои. Увидев вошедшего мужа, резво спрыгнула на пол, задорно колыхнув перед ним обильными телесами. Смотрели друг на друга спокойно, без напряжения, и улыбались. Первой заговорила она, умывая руки под краном.

– И чего же мы все такие серьёзные? Видела я сегодня твои тюльпаны, поздравляю. Лиза у нас восьмой класс закончила, совсем девушкой стала, а мы всё бычимся. Не надоело?

Он опустил на стул и засопел, глядя под ноги.

– Я не бычился, я психанул. Мне чего, приходи ещё, окна чистыми будут.

Галька не понимала, как и раньше часто случалось, где шутка, а где всерьёз. Они были вдвоём, Лиза ушла на улицу. Вытерев руки, она зашла со спины Валеры и, изогнувшись, положила груди ему на плечи, устроив подбородок на лысеющий затылок. Это был выдающийся, исключительно беспроегрышный манёвр. Он окаменел с выпрямленной спиной и забыл, как слова произносятся. Такого с ним не случалось и в юности, когда до женщины впервые добрался. Медленно выговаривая, словно стих читая, поинтересовалась:

– А георгины, хризантемы ты уже посадил или только собираешься? Я что-то не заметила.

Валера прекратил сопеть и вспомнил человеческую речь.

– Это многолетние, я осенью их выкапываю и они у меня в вёдрах, в тепле зимуют. Завтра выходной, буду высаживать, если погода не испортится. Зато ландыши уже силу набирают, скоро зацветут.

Галька продолжала выпевать:

– Какой ты у меня молодец, ну прямо учёным ботаником стал. Я бы тоже

поучаствовала. Хочешь, завтра вместе хризантемы посадим, или прямо сегодня?

Он медленно поднялся, нарушив изящную скульптурную группу, глянул ей в глаза с нешуточным куражом и закинул понимающее, послушное женское тело себе на плечо. Сдвинув стол, уронив пару стульев и разбив банку с георгинами, унёс ахнувшую жену в спальню. Лиза, объявившись дома по темноте, с удовлетворением опознала мамины туфли у порога, прибралась на кухне и взялась готовить поздний ужин. Спалось ей мало, тревожно, и с рассветом она чутко среагировала на голоса и шаги родителей. Проворно накинула халатик, увидела раскрытую входную дверь и выскочила следом за ними. За полупрозрачным пластиком оранжереи маячили смутные фигуры, глухо слышался голос отца – он чего-то маме объяснял. Там у него подрастали тропические орхидеи и лотосы в ванне. Чтобы их не оконфузить, она скользнула в обратную сторону.

Страсть к цветоводству пришла к Булкину неожиданно и естественно, словно близорукий нашёл очки на тротуаре и они удачно ему подошли. В тот зимний воскресный день он шёл по пустынному переулку и потешался над парой упившихся мужиков, бредущих впереди. То, что они упились, комичным не было, он веселился над тем, что они тащились под ручку, как кавалер с дамой в стародавние времена, и громко о чём-то спорили. Голоса метались в морозном воздухе, из-за своих заборов на них брехали собаки, но согласия никак не достигалось. Когда надоело наблюдать эту клоунату, он пошёл на обгон и услышал с их стороны крики: «Это же Кащей, ну ни хрена себе, прёт как танк и своих не признаёт! Валера, ты чо, глянь на нас, мы ещё живые!». Он глянул и узнал двух своих корешей, с которыми когда-то чалился по второму разу на «строгаче». Хмурый и Куцый, а по-людски – Толик и Антоха. Кащей – это было его собственное «погоняло». Прозвали так за солидное брюхо, от обратного, для хохмы.

Похлопали друг друга по плечам, и выяснилось, что двигались кореша к теплицам «Горзеленхоза», где их знакомый мужик сторожем сидел. Домой в тот день не тянуло, и он пошёл с ними, взяв по пути водки. Сторож принял их чин по чину, посидели в его халупе. Выпили половину принесённого зелья, кореша его совсем скисли и дремали на нарах, а Валера, заскучав, попросил показать мужика, чего он тут охраняет. Чисто рефлекс сработал – узнавать, что вокруг есть ценного и доступного. Тот запросто завёл его в огромную теплицу, где выращивались розы на продажу. Способный ещё воспринимать реальность, он пришёл в восхищение от огромных полос цветов: красных, жёлтых, белых, тянущихся вверх, к застеклённой крыше, откуда на них лился ультрафиолет искусственного солнца – дело было в феврале. Столько живых роз, растущих в одном месте, он никогда прежде не видел, и они стали являться к нему в памяти до самой весны. Когда растаял снег, он сходил в специальный магазинчик и принёс домой семена гладиолусов, астр и хризантем. Продавщица объяснила, что эти цветы легче приживаются под сибирским небом. В августе половина огорода была покрыта колышущимся разноцветьем. Забор изнутри уже не просматривался, закрытый строем подсолнухов выше человеческого роста.

Это не было просто увлечением. В отличие от спортсменов и туристов, нуждающихся в питании сильными ощущениями и расходовании излишка энергии, для Валеры цель и смысл его занятия были иными. Появление в теплице цветка орхидеи или ландыша становилось событием, спасающим его от лютого мрака, периодически, словно морской прилив, накрывающего рассудок. Валера понимал, что именно этот безгласный ужас внушает его беспомощному сознанию: «Ты ничтожество, ты боров, всю свою жизнь толчешься у корыта, чтобы заглотить и переварить хоть какую жрачку. Боров хоть землю навозом удобряет, а от тебя и этой пользы нет». Жуткий мрак наступал не для того, чтобы просто напугать, а для того, чтобы растворить Валеру в себе, сделать вечным ничем. Приступ мог накатить в любой момент, независимо от обстановки, в которой он находился: руль крутит, суп ест или телевизор смотрит. Бывали случаи, когда во время разговора с кем-нибудь лицо его каменело, взгляд пустел, и хотя он находился тут же, кивая головой, собеседник чувствовал, что Валера где-то пропал и навряд ли что-нибудь понимает из услышанного. Когда его стараниями потянулись из земли цветы, приступы стали редкими и какими-то сходящими, недолгими. Надеялся, что скоро совсем от них освободится.

Ещё одним немудрёным средством от наваждения была выпивка, и он иногда начинал с ней дружить, хотя и распознал коварство этой кажущейся простоты. Утром тьма неотвратимо укутывала мозг, и только облик белой орхидеи или раскрытые лепестки тюльпана помогали ему видеть обнадёживающие просветы. Никогда и никому он не сумел бы объяснить, что с ним происходит в эти мгновения, но ощущал это подсознательно, без попыток обозначить словами, которые всё равно будут неверны, недостаточны.

На следующий день после примирения Галька притащила свою сумку обратно, сделала в доме генеральную уборку с протираанием пыли на шкафах и помогла высадить хризантемы. Через неделю, когда фиолетовые и розовые соцветия флоксов пышным ковром закрыли пространство между сараем и теплицей, Лиза попросилась в подростковый турлагерь на Алтай, и Валера, посопев, отпустил. Во всех этих событиях он видел влияние огородного Эдема, Галька – плоды своей женской мудрости. Когда муж приезжал с работы, её зад непременно торчал на грядках: она щипала сорняки, рыхлила землю специальной тяпочкой. Лиза ничего об этом не думала – она теперь решала, какие штаны ей одеть в поход, чтобы удобно было по глыбам лазить и в то же время изящно выглядеть.

Как-то в воскресенье завернул в местный магазин за сигаретами и увидел Куцего-Антоху, торчавшего столбом на углу и сосредоточенно глядевшего вдоль улицы. Понятно, что ждёт счастливого случая, когда кто-нибудь похмелит. Они жили в одной деревне, но после того памятного для Валеры пьяного визита в «Горзеленхоз» виделись всё как-то мельком. Сейчас мельком не получилось. Куцый жал его руку долго и со значением, потом всё же выдал:

– Выручай, братан, что ли... совсем худо.

Братан выручил, взяв полторашку портвейна. Больной, мысленно уже начинающий выздоравливать, позвал к себе на хату, и лекарь согласился. Зашли в бревенчатую двухэтажку и, поднявшись по еле живой лестнице, попали в

Антохино стойло. Кухня, она же прихожая, чистые полы, посуда, аккуратно сложенная на полке, печь с коричневыми узорами глины на местах отвалившейся извёстки. Хозяин с порога скомандовал:

– Машка, сообрази чего-нибудь похавать, ко мне братан пришёл!

Валера ожидал увидеть обычную в таких хатах бабу с огуречной рожей, но из комнаты выскочила молодая, опрятная женщина с испуганным лицом. Нижняя губа закушена от старания угодить, гладко зачёсанные тёмные волосы открывали высокий чистый лоб. Под глазом свежая припухлость, ещё не успевшая превратиться в синяк.

– Я глазню с колбасой пожарю, хорошо? Там помидоры и лук есть. Вам просто порезать или салат сделать с майонезом?

Антоха махнул рукой:

– Делай как знаешь, я пока поправлюсь.

Он уже разливал вино по стаканам, возникшим на столе от мелькнувших женских рук. Выпили, зажевали по куску хлеба, и перед ними появилась тарелка с салатом, а следом и сковородка с глазуньей, а сама женщина шустро исчезла. Валера уважительно потряс головой.

– Воспитанная она у тебя. Откуда взялась?

Антоха ухмыльнулся:

– Досталась на халяву, теперь у меня живёт. Своё место знает, хотя иногда учить приходится. Ну, давай по второй, чтобы закрепить.

Из комнаты послышался детский плач и ласковая, уговаривающая скороговорка Машки. Валера глянул на кореша с удивлением. Тот взгляд заценил и небрежно бросил:

– Пацан у неё, полгода отроду. Но это не мой – я про неё знать не знал, когда он зародился.

Пока он это говорил, плач унялся, а на Валеру хандра напала. В последнее время с ним часто такое случалось, вроде беспричинно. Он принялся рыться в своей памяти, чтобы найти чего-нибудь любопытное для застольного разговора, но находились лишь дырявые штаны или выпитые пузыри, как в мусорном баке. Вроде побазарить им было о чём: одну зону топтали, оба из правильных пацанов в блатные вышли, хотя и в разное время. Кашей раньше лет на десять. У выздоравливающего Антохи заработали мозги, и он поинтересовался:

– Тут некоторые базарят, что ты завязал. Это чо, правда, или фуфло гонят?

– Правда, Антоха. Был честным вором, теперь хитрый водила и строгий батя. Дочке уже пятнадцать – глаз да глаз нужен.

Собутыльник округлил глаза:

– Ну ты даёшь! И чо, на вольную жизнь не тянет?

Валера отмахнулся:

– Когда как. Устал я от такой воли, после которой обязательно нары малят. Бывало, откинешься, не успеешь до дома доехать, а уже новый срок корячится и нужно изображать из себя типа безвинного для одних и типа делового для других. Чё-то совсем не в жилу мне такая жизнь стала. А тут мать померла, я один в доме хозяин, бабёнка путёвая подвернулась, тоже, кстати,

из наших, но не опарафиненная, вот я и затихарился. Моё это дело, я в козырные фраера никогда не лез, но и с ментами сроду не играл в сознанку. Ты за последнюю ходку много правильных бродяг видел хоть на крытой зоне, хоть на чёрной?

Куцый задумался:

– Нет сейчас ни красных, ни чёрных зон, винегрет сплошной. Каждый за себя.

Кашей беззвучно засмеялся.

– Ой-ё-ёй, можно подумать, что раньше за тебя или за меня кто-то мог по доброй воле своим рискнуть. А вот хрен. Каждый за себя – это всегда было. Только прежде как-то большинством тюремный закон уважали, и порядок в зонах держался, – он опрокинул в рот стакан, – сейчас капусту гребут любым способом, воры в барыги превратились и на закон им плевать. Вначале банки кидают, потом сами банкирами становятся. Где же отрицаловка, если блатные в депутаты полезли? Непонятно, кто сейчас за общак отвечает и на что его траят. Когда мы с тобой в последний раз на строгаче чалились, много грева приходило? Пару раз за пятилетку от флакона тащились, а потом я просёк, какие дворцы у законников построены, а в них целые гаремы тёлок буферами трясут. Чурки с Кавказа капусту шинкуют кому надо, и их коронуют – это по понятиям? Только я не собираюсь рамсы разводиться – живите как хотите, меня это больше не касается. Вот этот флакон с тобой уговорим, и я домой пойду, там есть чем заняться.

Куцый молча кивал головой: он уважал Кашея за то, что тот, имея голос на сходняках, никогда им не пользовался ради своей выгоды. В той месиловке зачастую один босяк другого подставлял, чтобы вперёд пролезть или собственный зад за его счёт прикрыть. Тупо уставился на почти пустую бутылку, потом вдруг объявил, улыбаясь:

– Я во двор, до ветру, ты посиди тут один, не менжуйся, – и заковылял к лестнице, опираясь на стену. Его уже штормило. Когда хлопнула нижняя дверь и стало понятно, что опасный спуск он удачно одолел, из комнаты осторожно появилась Машка. Прислонившись к косяку, торопливо заговорила:

– Дядя Валера, вас Антон слушает, скажите ему, чтобы он меня больше не бил. У меня мальчик грудной, а он колотит как хочет, особенно когда пьяный. А последний месяц всегда пьяный.

Она смотрела поверх него, куда-то в окно, словно жалуясь небесам и надеясь на их защиту. Валера, подпирая ладонью отяжелевшую голову, спросил:

– Ты откуда здесь взялась? Тебе годков-то сколько?

Машка отвечала поспешно, стараясь уложиться в отпущенные случаем минуты, пока её властелин нужду справляет.

– Восемнадцать мне сейчас. Димку в семнадцать родила. Нас у родителей пятеро, я старшая. Они бухают постоянно. Когда мать про моё пузо узнала, объявила, что прибьёт, если я с ними жить останусь. Там, в бараке на Степановке, две комнаты на всю ораву. Тут Антон объявился, они с папкой давно знакомые, вместе сидели, вместе бухали. Я на седьмом месяце была, а он показался таким добрым, к себе жить позвал, и вот сейчас я вроде тут живу.

Усмехнулась: – Именно что вроде.

Заскрипела входная дверь, и она исчезла. Куцый плюхнулся на своё место и уставился на пустой стакан. Кашей разлил остатки.

– Ну, давай, Антонио, за красивую жизнь.

Выглотали и не зажевали – портвейн придушил аппетит. Дальше говорил уже устало:

– Напоследок тебе скажу: кончай девку кошмарить. Она к тебе приبلудилась как к мужику, а ты её колотишь по беспределу. Ты зачем её привёл? Дурь свою на халяву потешить?

На лице Куцего поселилась полоумная настырность.

– А ты добренький дядя, что ли, тут объявился? Это моё дело и моя баба, как хочу, так и учить буду. Ты мне вообще не указ. Надо же, он завязал, бабки зарабатывает, пузырь поставил и думает...

Договорить не успел – кулак Кашея влетел ему в челюсть и опрокинул навзничь вместе со стулом.

Валера обошёл копошащегося в кровавых соплях кореша и открыл дверь в комнату. Женщина, с затихшим на её тонких руках тельцем ребёнка, замерла у окна. Кровать здесь была одна, рядом деревянный ящик из магазина, застеленный внутри куском ватного одеяла. Это детская кроватка. Оценив обстановку, буркнул:

– Собирай манатки, пойдём отсюда.

Наткнувшись на её опасливый взгляд, объяснил:

– Не бойся, дома у меня жена и дочь, ты третьей будешь, с приплодом. Уживёмся. Давай в темпе, пять минут на сборы.

На кухне Куцый, растопырившись над раковиной, умывал лицо. Маша в охалку с Димкой проскользнула мимо быстро и беззвучно. Валера, тащивший следом её сумку, остановился, чтобы сказать какие-нибудь слова, но, так ничего не придумав, ушёл. Хозяин или ничего не видел, или не понимал, что именно он видит.

Шагали по переулкам без разговоров. Единственно, Валера, чувствуя, что битое «невинное создание» следует как-то ободрить, сказал одной фразой:

– Места у меня дома хватит. Дочь на месяц укатила на Алтай, поживёшь пока в её хоромах, а как ремонт доделаю, будет вам с Димкой свой угол. Ничего, Маша, смотри веселей, всё у тебя устроится, путёвые люди ещё не перевелись.

Маша впервые за много месяцев улыбнулась и сама этого не заметила. Булкина грела самолюбивая мысль, что она искренне разделит его цветочное воодушевление, потому как подозревал в Гальке и Лизке притворное изображение перед ним своих восторгов. Впрочем, может, и Машка будет притворяться, что она восхищена и очарована, чтобы ему польстить. Поднимаясь в гору, увидел наверху, у ворот, Галькину фигуру в цветастом халате. Обеспокоенная его затянувшимся выходом за сигаретами, она вышла на свой традиционный пост, чтобы заранее усмотреть приближение, угадать настроение. Судя по благодушной улыбке, расположение духа у мужа было хорошим, значит, и ей нужно радоваться.

В конце июля Валера дожил до очередного дня рождения. Обычно он осо-

бо не отмечал эту дату, но в этот раз по настоянию Гальки накрыли поляну на веранде и пригласили близких людей. За столом сидели: румяная и здоровая сестра Евдокия, двоюродный брат с женой, тихая тёща, два его школьных приятеля, живущие до сих пор неподалёку, одна соседка и ещё кое-кто. Этим кое-кто был Виктор – сорокалетний человек из конторы, друживший с Валерой. Бывший инженер-электронщик, вынужденно ставший менеджером по причине отсутствия нынче нужды в инженерах. Сошлись они на одном общем интересе: книги. Несколько лет назад Валеру неожиданно для самого себя потянуло к чтению, а поглощать чего попало всё же не хотелось. Тогда он вёз Виктора по каким-то рабочим делам, они разговорились, и начитанный товарищ посоветовал неопытному читателю, с чего начинать. Валера даже припарковался и записал на листок целый столбик фамилий писателей и названий книг. С тех пор они часто общались, но за столом с выпивкой никогда не сидели.

Молодёжь отсутствовала. Лиза отца поздравила и ускакала по своим девичьим делам. Маша утром помогла хозяйке настрогать овощи на салаты и скрылась в своей комнатке. Оглядев собрание, именинник недовольно насупился.

– Непорядки. Машка прячется, что ли?

Пока разливали и выпивали по первой, Галя привела юную мамашу в нарядном платье, которое только что ей подарила. Обновка нуждалась в ушивке, подгонке и пока висела на её фигуре весьма курьёзно, чего, впрочем, никто не заметил. Как и положено, скромное застолье превращалось в увлекательный спектакль, где зрители и актёры постоянно менялись местами, получая от этого взаимное удовольствие. Школьные друзья наперебой рассказывали о своих и Валеркиных детских подвигах, удачно забыв о знаменитой школьной линейке с речью Лидии Николаевны. Воспоминания были долгими, как учебный год, и прерывистыми, как хорошие отметки в дневниках. В очередной перерыв вклинился голос тихой тёщи.

– А где же наш именинник? Что-то давно его не видеть.

Все стали оглядываться вокруг себя, но никто не мог дать правильный ответ. Только Маша, ничего кроме газировки не выпившая, прояснила ситуацию,

– Он в огород ушёл и просил больше его не тревожить.

Пренебрёгшая просьбой публика устремила прочь с веранды, и обнаружила хозяина распластавшимся на грядке хризантем лицом к небу. Сиреневые цветы умиротворённо качались вокруг выдающегося волосатого живота, слабо прикрытого лёгкой рубашкой, по щеке гуляла букашка. Гости, оценив картину ёмкими выражениями вроде «ну и ну», «вот те на», «надо же», вернулись на стулья, оставив возле спящего именинника Галю и Машу. Жена осторожно потрясла его запястье и, когда он, сочно всхрапнув, открыл глаза, ласково предложила:

– Валера, пойдём в избу, ляжешь нормально, в постель, чего тут на сырой земле валяться, народ смешить.

Чуть повернув голову, глянул на заботницу и опять смежил веки. Она беспомощно развела руками.

– Ну что я могу? Такую тушу нам с тобой не утащить, а просить кого, так стыд один.

Маша присела на корточки, натянув на колени подол и положив ладонь на плечо Валеры, настойчиво позвала:

– Папа, проснись. Полежал здесь и будет, никуда они не денутся, цветочки твои. Они ждать тебя будут, пока ты отдыхаешь на кровати, как важный человек. Папа, давай вставать потихоньку.

До этого мгновенья Маша обращалась к нему «дядя Валера» и, услышав сквозь дремоту, как она его сейчас назвала, он совсем проснулся и, упиравшись руками в землю, принялся тяжело подниматься. Женщины, подтягивая за локти, помогли поставить на ноги неустойчивое туловище. Оттолкнув их, уравновесился и забрёл на веранду, встреченный радостными восклицаниями. Не присаживаясь, размашисто опрокинул в рот стопку водки.

– Гуляй, голытьба, а батька Кикоть дрыхнуть завалится!

Под аплодисменты скрылся в недрах дома, но когда воодушевлённый таким напутствием народ принялся наполнять рюмки, он опять появился в дверном проёме с краткой речью:

– И на хрена мне нужны все эти цветочки, когда у меня две дочки, и уже один внук.

Он икнул:

– И жена красавица. Жисть моя, значица, увенчалась!

Пока народ осваивал выступление, он исчез окончательно и не увидел, какие важные сердечные сюжеты разворачиваются на устроенном им празднике. Раздумянившаяся сестра вошла в состояние, которое сама для себя обозначала «кондицией». С этого момента она могла обсуждать только возвышенные, умственные темы. Удачно, что по правую руку от неё сидел начитанный Виктор. Изящно подперев свой подбородок указательным пальцем, она глянула в его очки и напрямую спросила:

– Виктор, как вы оцениваете творчество Паоло Коэльо?

Он, проглотив всё, что жевал, честно ответил:

– Неоднозначно.

Евдокия, поняв, что угодила в нужную точку, воодушевлённо продолжила беседу.

– Это в смысле, что Коэльо вам неинтересен как рассказчик или вас не устраивает мистическое наполнение его книг?

Виктора уже понесло:

– Всю его мистику можно изложить на одной листовке, как в своё время большевики народ дурили, а он выдаёт свои куриные идеи за некие открытия, доступные только избранным. Если ты не признаёшь ценность этих поделок, тебя самого обозначат как примитива, а этого никому не хочется. Вот все и делают вид, что восхищены его творениями, уверяют в этом своё окружение и не замечают, как «воин света» хихикает над ними. Как Пикассо в своё время хихикал над своими восторженными почитателями.

Евдокия с удовольствием ощущала, что недавние авторитеты рассыпаются, и на их жалком крошеве встаёт фигура Виктора: мужчины, мыслителя, победителя. Тем более, что эти монументы были для неё вовсе не дороги и она вспоминала о них лишь в состоянии кондиции, а неудовлетворённая женская

потребность в живом авторитете сейчас начинала вновь наполняться живой плотью. Как твёрдо сжимаются его губы, когда он молчит – это признак неподдельной мужественности. А двухдневная щетина на его лице так и манит провести по ней своей заскучавшей ладошкой.

Возбуждённый неподдельным вниманием, он сделал сложный зигзаг от Сервантеса к Венечке Ерофееву, вроде не замечая, что сеет в ожидающую почву семена обожания. Евдокия, достигнув кондиции, спиртного не принимала. Ей было достаточно хмеля от облика и слов Виктора, и когда стулья за столом опустели, она услышала от него фразу, решившую выбор дороги. Красиво он говорил:

– Евдокия, когда вы на меня смотрите, я чувствую себя Дон Кихотом и вы для меня с этого вечера – восхитительная Дульсинея.

Сервантеса она не читала, и это было очень хорошо. Они ушли по переулку дружной парой, и никто не смотрел им вслед ни с умилением, ни с осуждением.

Валера проснулся ранним утром, и серый свет в окне стал для него воплощением мировой тоски и скорби. Весь день провалялся на кровати, доверив организму самому, без похмелья, вернуться к жизни. Чтобы не смотреть в потолок, а что ещё позорнее – в телевизор, читал подаренную Виктором книжку «Искра жизни» Ремарка. Мозг добирал упущенное в ранние годы. Этот немец, как ни странно, его утешил. Там люди, потерявшие в окопной мясорубке всё хорошее, что имели по жизни, могли улыбаться солнцу и облакам, потому что осталась у них эта самая искра жизни, а он, сытый и здоровый, действительно как боров валяется и хнычет втихую, что всё хреново. Заставил себя переместиться на скамейку во дворе. Вид цветочного уголья, ставший вроде и привычным, опять помогал разуму выползть из безнадёжной норы. Вмятина на грядке хризантем, оставшаяся от его вчерашнего валяния, немного тормозила процесс, но он старался не думать об этой своей дурной слабости. Села рядом Галя, и тепло её бедра тоже оживляло и звало к радостям. Из открытой дверцы оранжереи с тропическими лотосами доносились голоса. Там Лиза и Маша иногда устраивают по вечерам свои потаённые девичьи посиделки, пока Димка спит.

Послышался детский плач, и Галя метнулась в дом. Через минуту появилась с пацаном на руках, почти утонувшим в её богатой груди. Малец всё же хныкал. Заглянув в теплицу, объявила:

– Димке кушать надо. Здесь покормишь или в избу пойдёшь?

Потом шагнула внутрь, и наступила тишина. Димка кормился Машкиным молоком посередь лотосов и орхидей. Валера в тот момент думал о том, как ему из директора себе ещё полставки выдернуть за работу курьера, потому что скоро осень и Машке нужно тёплую одежду покупать. Лизке компьютер нужен. Шибко просит.

11.12.18 г.

Александр Таразанов

НА ПОБЫВКУ

В самом разгаре где-то там, на западе, была война. Вся трудовая страна в тылу работала только для фронта. Клава Никулина, стройная, голубоглазая блондинка, красавица с длинной косой, из старинного казацкого рода, закончив смену, спросила напарницу:

– Зоя, сколь времени, подскажи, – и, не дождавшись ответа, накинув телогрейку, направилась к проходной маслозавода. Мастер Иван Силыч, крепкий на вид старик, по своей доброте дал ей сегодня увольнительную до семи утра. По ночной степи от маслозавода до деревни Волчановки, где проживала Клава, нужно пройти всего ничего, только две версты. Хотя светила полная луна, после дождя по разбухшей дороге идти было трудно. Осторожно переступая, скользя по выбоинам, она перешла на обочину. Разбитая, уставшая после смены, с горем пополам доковыляла до своего дома. Распахнув калитку, вошла во двор, громко постучала в дверь. Глуховатая её мать Авдотья Никитична и трёхлетний сынок Митенька, крепко заснув, не слышали стука. Полчаса долбилась, никто не открывал дверь. А время шло. Обессиленная Клава села на крыльцо и заплакала. Поплакав немного, задремала. Через некоторое время заспанный сынок вышел на крыльцо и, не заметив, что на нижней ступеньке сидит мать, пописал и ушёл обратно в избу. Клава очнулась... Уже время подошло, надо скорей на завод. Времена суровые, за опоздание в пять минут можно получить приличный срок.

...Вернёмся немного назад. Это было ещё до войны. Собиралась местная молодёжь на посиделки, кучерявый, коренастый гармонист, похожий на цыгана, Федька Егоров, первый парень на деревне, залихватски играл на гармошке. А как играл – заслушаешься. Было всем весело и хорошо. Клава не всегда могла посещать такие вечера. Работала в три смены. Мать сильно сдала после ареста отца, бывшего казака Сидора Прокопьевича, который якобы был против советской власти. Из детей с матерью жила только младшая дочь, Клава. Два старших брата, Николай и Пётр, как и сестра Наталья, жили отдельно со своими семьями. Так бы жила, серовато и просто, если бы не один случай. Спешила как-то августовским вечером домой после смены. Посиделки происходили за домом Никулиных, который стоял на самой окраине. Маша, полненькая, немного неуклюжая соседка, окликнула её:

– Клава, подожди!

– Чаво тебе? – она остановилась и подождала соседку.

– Я хочу потанцевать, – смутилась подошедшая Маша, зная, что она такая неловкая и неповоротливая девушка. Немного подумав, Клава ответила:

– Ладно, щас с тобой станцуем.

Тем временем гармонист закончил играть, вытащил папироску, закурил, вежливо объявил:

– Пять минут, и я продолжу.

Пока курил, оценивающе зыркнул цыганским глазом на Клаву, потом ей подмигнул как бы невзначай. Взял гармонь, растянул меха, заиграл. Клава с Машей первыми вышли и начали танцевать в кругу, за ними пошли остальные пары. Закончив играть, Федька оставил гармонь на табуретке, тут же подошёл к девушкам, ласково взял за руку Клаву:

– Можно вас?

Она не ожидала такого приглашения, переглянулась с Машей, но пошла за Федькой. На патефоне поставили пластинку «Брызги шампанского». Игла немного зашипела, и полилась мелодия в стиле танго. Со стороны Федька с Клавой выглядели странной парой. Она высокая, а он на голову ниже её. Но, несмотря на такой изъян – разницу в росте, Федька умело водил её в танце, Клава легко и спокойно следовала за партнёром. Танец закончился, и она заспешила домой. Уже на крыльце её окликнул Федька:

– погоди!

Решительный возглас остановил Клаву, она обернулась:

– Чаво надо? – и недовольно посмотрела на гармониста.

– Завтра приходи. Потанцуем... – открыто улыбнулся он.

– Как мой отец говаривал: «Поживём, увидим»...

Правда, на следующий день она пришла, и закрутился у них серьёзный роман в несколько лет. Федька через пару месяцев переселился жить к Клаве. Работал в колхозе кузнецом, был на хорошем счету у начальства. Успел поставить новую избу, куда они вселились, взяли Клавину мать. Клава успела родить сына. В начале войны Федька ушёл добровольцем на фронт. В первом бою был убит. Пришла похоронка, но ввиду того, что они были не расписаны, ей льготы не дали за потерю кормильца на фронте. А дело было в том, что оба были постоянно заняты, а сельсовет находился далеко, в райцентре.

...А сейчас Клава спешила, чтоб не опоздать, будоража себя, чтобы быстрее попасть на работу. Почти в двадцать пять лет осталась вдовой, ничего хорошего в своей жизни не ждала. Внезапно на востоке появилась полоска розовой зари. Клава остановилась и посмотрела: «Хороша!» – и быстро отправилась к близстоящим прокопчённым трубам маслозавода, выпускавшим чёрные шлейфы дыма в серое небо.

Всю жизнь Клава надеялась и ждала своего любимого Федьку. Замуж не выходила. Она не верила, что он убит на войне, а таких женщин, как Клава, было много по всей стране, миллионы вдов.

ШКИПЕР ЧАЧИН

Шкипер, пожилой мужчина среднего роста, сощутив глаза, вышел на палубу паузка, ёжась от северного ветра. Ответственный за находившийся на этой посудине груз был спокоен на этот раз. До пристани «Черемошники» оставалось доплыть совсем ничего, так считал он. Неожиданно замолк двигатель. Вышел из рубки помощник капитана, рыжий крепыш Митька Крикунов, и зама-

хал руками Чачину: «Всё, баста! Приплыли! Движок застучал». Катер, который вёл это плавсредство, словно по закону подлости, встал напротив косы перед протокой в затон. Стояли недолго. Подобрал их местный речной толкач «РТ», и отбуксировал катер с паузком в Моряковку. Затон был полностью заполнен теплоходами на зимний отстой. Пришлось приткнуться рядом с земснарядом. Навигация закончилась месяц назад. По Томи плыла шуга – мелкие льдины. Чачин позвонил, чтоб приехали, вывезли груз на базу. Несколько грузовиков приехали, загрузили и увезли. Самому Чачину пришлось остаться и зимовать вместе с капитаном катера «БТ-16», Кузьмой Ильичом Нефёдовым, сухопарым мужиком средних лет, бывалым речником.

Моряковка – посёлок речников. Сто лет назад зашёл в затон пароход «Моряк» в разгар ледостава, команде пришлось остаться там зимовать. С тех пор тут стали жить люди, и основали посёлок в честь его – Моряковку. Проще говоря, в затоне наладилась полноценная жизнь.

На улице темно, крепчал мороз. Чачин сидел возле печки и через щель дверки поглядывал на огонь. Пламя помаленьку плясало, вспыхивая внутри словно на кузнечном горне. Чачин почти всю жизнь отработал кузнецом, учили этому ремеслу оба дядьки – дядя Паш и дядя Саш, так он их звал. Они выглядели такими обаятельными персонажами, почему походили на гоголевских героев из «Ревизора» Добчинского и Бобчинского. Как помнит, мальчонкой вошёл первый раз в кузницу и видит, как потный дядя Паш ударит по раскалённому железу сильно один раз, а раскрасневшийся дядя Саш по нему несколько, перевёртывая, а ещё успеваает меха погонять для раздутия пламени. Огонёк в печке стал слабеть, появились розовые угли, открыл дверцу, сунул полено и закрыл. Снова Чачин задумался о детях: Валентина давно замужем, внучка-подросток Галка растёт. А Павлик холостяком всё ходит, у них с Валентиной разница в два года. У его друзей братьев Яна и Петра Потоцких у каждого по девке. Может, поженим. Таня кончает медицинский институт. Впрочем, ей нужен грамотный парень, Пашка не потянет. А вот с Вандой можно попробовать, выучилась на библиотекаря. Тихоня, невысокая блондинка. На этой думе Чачин осёкся...

Сегодня изумительная погода. Морозно. Блестит на солнце снег. Недалеко от катера с паузком местные ребяташки катаются, кто на чём, с крутого берега на едва окрепший затоновский лёд. Чачин с Нефёдовым сидят в кубрике катера, пьют чай, ведут беседу.

– Скажи, Володя, среди нормальных нас разве есть ещё дураки?

– Я не знаю, – Чачин пожал плечами, и лёгкая усмешка поползла по лицу.

– Парень с земснаряда разве умный, этот верзила Федька? Каждое утро выскакивает в трусах и бегаёт по берегу, ну прямо ненормальный. А на улице почти двадцать градусов.

– А кто его знает, он молодой, ему видней, – Чачин сузил глаза и хлебнул глоток чая.

– Да он просто валяет дурака, чтоб на него обратили внимание, – недовольно проговорил Нефёдов.

Ранее утро. Чачин сидит возле печки, грея руки. Он давно проснулся и решил истопить печь. На земснаряде громко скрипнула и приоткрылась железная дверь. Вышел Федька в майке, трусах и в валенках, сошёл по трапу на берег, и начал бегать то в одну сторону, то в другую. Прodelав так несколько раз, похлопал себя по телу. Разогнавшись, взбежал по трапу, исчез из вида. Чачин видел через квадратное окно Федькину физзарядку, улыбнулся. Открыв печную дверку, кинул полено, закрыл. Через некоторое время кто-то постучал. «Входи!» Вместе с морозными парами возник вошедший Федька.

– Здорово, дядя Володя.

– Проходи. Садись. Чаю не желаешь?

– Да нет. Тебе, дядя Володя, мой начальник Копытов вот что передал, – и сунул почтовый конверт Чачину.

– Ты не торопишься?

– Нет.

– Раз не торопишься, присядь. – Пододвинул табуретку, и Федька сел.

– Я вот смотрю, ты каждое утро бегаешь по морозу в трусах и майке. Видимо, тебе нужна закалка?

– Это моя привычка. Я ровно год отслужил на флоте, наш капитан нам говорил: «Моряк Северного флота должен быть закалённым бойцом».

– Погоди, а как его зовут, какое имел звание??

– Капитан первого ранга Макаров Сергей Иванович.

– Да ты что! Пашка, мой сын, под его командованием служил на эсминце.

Более пяти лет прошло. Время быстро идёт. Скоро другой сын, Костя, вернётся из стройбата. Строил Абакан после наводнения, а сейчас строит дорогу. После Кости следом пойдёт Санька. У меня их с Дусей пятеро, старшая – Валентина, а остальные парни. Я ни на кого из своих детей не обижаюсь. Ладно, ступай...

Чачин остался один, вскрыл конверт. Начал читать: Павел собрался перед праздником Конституции заколоть двух свинок. На той неделе пойдёт в Моряковку комбинатская машина и автокран соседа Ивана Волынского, за двигателем катера, жена Дуся с ними приедет. Соскучилась. Санька на практике палец повредил. Вот такие домашние новости. Тяжело вздохнув, Чачин аккуратно разгладил, свернул, снова сунул письмо в конверт.

Говорят любовь... любовь и всё такое. А вот с Чачиним интересная приключилась история. Знакомство с будущей женой Дусей. Ехали в одном вагоне, когда из Латвии в Сибирь за «лёгкой» жизнью он отправился с двумя родными дядьками перед самой войной, эта девушка возьми и предложи ему сыграть в подкидного дурака. Он скуки ради взял и согласился. Почти тридцать раз оставляла Чачина. Сперва играли на интерес, а после перешли играть на шелланы. Вначале потихоньку, а после всё сильнее и сильнее она его щёлкала, в конце концов чачинский лоб покраснел до предела. После игры прикинул: раз такая умная, надо срочно жениться по её согласию. На следующий день огорошил дядек, что изъявил желание жениться на этой девушке. Они посоветовались и дали ему «добро». И он Дусе сделал предложение. Девушка подумала, дала согласие, поехала с ним, а не уехала к тётке в Топки, как ранее планировала. Ехали целую неделю, с пересадками добирались до Томска, а когда приехали,

сходили в загс, зарегистрировались, стали мужем и женой. Чачин сидел и улыбался – приятное воспоминание из прошедших времён.

В тот день, когда прибыли машины с комбината, Дуся, вылезая из кабины автокрана, сунула Чачину целый узелок с продуктами:

– Поди оголодал, отец, – жалеючи посмотрела на Чачина.

– Да как сказать, – ухмыльнулся Чачин и подал ей руку, чтоб она осторожно слезла с подножки автокрана.

– Ну веди в свои «апартаменты», – и оба направились на паузок.

В «апартаментах» Чачин сидел и посматривал, как Дуся вытаскивает из узелка с десяток яиц, сваренных вкрутую, шмат сала, булку хлеба и бутылку вина. Всё выложила на стол.

– Отец, давай стаканы.

– У тебя, как у Аннушки. – Она не поняла Чачина, сразу ответила: – Я не Аннушка, а жена твоя Дуся.

– Это есть такая пословица, у тебя, как у хорошей хозяйки, всё есть.

– А-а... поняла.

– Раз поняла, давай выпьем. За встречу. – Чачин немного нахмурился и протянул ей полный стакан.

– Угу... – Дуся тут же подседа рядышком с Чачинным со стаканом, и немножко выпила.

– Завтра вместе поедem домой. Хватит, отработал, не забывай, что я ещё и кузнецом работал.

– Как скажешь, отец, – глаза у Дуси повеселели от выпитого вина. – Завтра – значит, завтра.

Утром, оба только проснулись, Дуся глянула в окно и сразу Чачину задала вопрос:

– А это что за придурок бегае по берегу почти нагишом?

– А это Федька так закаляется, он тоже на Пашкином корабле служил, только после него, – и тихонько засмеялся.

– Я смотрю, ты здесь не скучал.

– Конечно, мужикам помогал снять двигатель, почему меня с ними оставили. Помощник капитана сразу в посёлке разведённую бабу нашёл, редко ночевал на катере. Ну что, давай собираться, успеть бы на первый рейс. Ты давай выходи, я тебя догоню.

Чачин собрал пожитки в рюкзак, вышел и закрыл на замок своё пристанище. Без всяких объяснений Нефёдову (Чачин ничего не стал тому объяснять, что больше в Моряковку не вернётся) молча сунул ключ от бывших его «апартаментов». Уже на берегу обернулся на паузок, проговорил: «Ну, вот мы и отплавали. Прощай, мой друг». Поспешил догнать уходящую Дусю, чтоб обоим попасть на первый рейс до города.

В отделе кадров комбината написал заявление на увольнение. Согласно трудовому законодательству Чачин с первого января тысяча девятьсот шестьдесят... года стал полноправным пенсионером всесоюзного значения, но уже по возрасту.

СТИХИ ПАРАБЕЛЬСКИХ ПОЭТОВ

Борис СЕРЕБРЕННИКОВ

* * *

Не важно, сколько проживёшь.
Всё понимать пора иначе:
Чем больше людям отдаёшь,
Тем сам становишься богаче.

* * *

Удивительная пора!
Буйство красок и дали в просини,
Зеленеющие вечера,
Чуть с грустинкой напевы осени.
А в зеркальную гладь озёр
Опрокинулось небо синее,
И напевы летят в простор
Над берёзами, над осинами,
Над твоей и моей судьбой,
Чуть печальные и певучие.
Окунаюсь в них головой,
Чтобы стать хоть на время лучше мне.
Боль потери – не достаёт,
Жить захочется с новой силою,
Вот бы так же мне в свой черёд
Вспыхнуть песнями над Россиюю.

* * *

Пока ещё не поздно,
Стараюсь записать
О чём сказать не просто,
А хочется сказать.
О том, какое утро
Разлилось по полям,
О том, что очень мудро
Устроена земля,
О том, какие зори
Гуляют по земле,
О том, какие боли
Рождаются во мне.

О том, как ты сердечно
Прощаешься со мной,
О том, что всё не вечно
Под старою луной.
Пока ещё не поздно,
Я многого хочу.
Уйду дорогой звёздной,
Тогда и замолчу.

Я НЁС ТЕБЕ ЗВЕЗДУ

Я из реки под вечер
Принёс в ведре звезду.
Поставил на крылечке,
Остынет, подожду.
А утром встал пораньше я,
Звезда, что нёс тайком,
Устав от ожидания,
Подёрнулась ледком.
Пробил ледок ладошкой
И – ты уж мне прости –
Рассыпалась на крошки,
Уже не донести.
Пока затопишь печку
И промокнёшь слезу,
Я сбегая на речку –
Другую принесу.

* * *

А. К.

Ты всегда была красивой,
С чистою душой.
Даже фартучек носила,
Как никто другой.
Ты всегда была весёлой,
Смеха веселей.
Ходуном ходила школа
От игры твоей.
Из одних твоих улыбок
Можно строить дом.
Сколько совершил ошибок –
Я узнал потом.
Но живёт во мне, не старясь,
Как в волшебном сне,

Для меня и в горе радость –
Память о тебе.
Отгорела юность наша,
Осень у крыльца.
Всё равно не знаю краше
Твоего лица!

* * *

Живу предчувствием весны.
А до неё – ещё не скоро.
Устал уже от белизны,
Как от никчёмных разговоров.
В окно вспотевшее смотрю
И вижу в нём, как злится ветер,
Как он в угоду февралю
Сбивает снег с кустов и ветел.
Как скачут бойко воробьи
За приглянувшимся обозом.
Их голосочки, как ручьи,
Давно привыкшие к морозам.
Живу на грани волшебства,
В предчувствии сплошного мая.
И есть ли лучше что – не знаю,
Чем эта жажда естества.

Нина НИКОЛАЕВА

СВАДЬБА

Свадьба, свадьба всколыхнула
всю деревню, всё село.
Я уснуть сегодня рад бы,
да гуляю, раз пошло.
И несутся тройки лихо
в ярких лентах, бубенцах,
А невеста тихо-тихо
в кошеве сгоняет страх.
Кони, кони, вы несите
молодых под облака,
Их сердца соедините,
чтоб всю жизнь в руке рука,
Чтобы стал цветущим садом
богом избранный союз.
Как известно, ходят рядом
плюс и минус, минус – плюс...

ДЕРЕВЕНЬКА

Утопает в снегах деревенька,
Лишь видны огоньки вдалеке.
Отчего же стучит так сердечко,
Ведь домой я иду налегке.

Так давно я не видела маму,
Не бродила по пышным снегам,
И к родной моей, ласковой самой
Вновь иду я по снежным лугам.

Старый дом и со скрипом калитка.
Всё как прежде: рябина в снегу,
И всё та ж на кровати накидка,
И всё та же беседка в саду.

Обниму свою маму покрепче
И открою ей сердце своё,
И запомню ту встречу навечно,
Дом и сад, и платочек её.

Татьяна СУХУШИНА**ДРУЗЬЯ**

Выпал мокрый липкий снег.
Я слепил снеговика.
Мама позвала домой,
Я сказал ему: «Пока».

Глазки – угли, нос – морковка,
И ведро на голове.
– Приходи-ка завтра утром, –
Снеговик ответил мне.

– Я приду ещё, дружище,
И слеплю тебе дружка,
Чтобы ночью не скучал ты,
Ну, пока!

Утром я бегу к окошку.
Вон стоит мой снеговик!

Белый снег его засыпал,
Он похож на пуховик!

Я на улицу быстрее,
И трудился, что есть сил,
Пусть устал, зато какого
Я дружка ему слепил!

Глазки – угли, нос – морковка,
И ведро на голове,
Рот из веточки еловой
Улыбался мило мне.

Я с друзьями попрощался.
Не придётся им скучать,
Ночью будет им не страшно,
Утром я приду опять.

* * *

Надо мною ночь склонилась,
По головке гладила.
– Что же ты, моя подруга,
Вновь со сном не ладила?
Закрывайся одеялом
Да быстрее засыпай,
Я тебе спую тихонько:
«Баю, баю, баю, бай».
Словно мама усыпляла
Этой ночью дочь свою.
– Спи спокойно, спи, родная,
Баюшки-баю.

Евгений ЗУБАРЕВ

* * *

Весна приходит в Парабель
Так неизбежно и неожиданно.
Опять чего-то не успел,
Всё примитивно и нескладно.
Дела не ждут, бегут вперёд –
Я опоздал, я не успел.
Вот так всегда за годом год
Весна приходит в Парабель.

МОЙ ДЕД

Сражённый вражеским снарядом,
Под шквальным бешеным огнём
Мой дед погиб под Ленинградом
В бою в сорок втором.

В солдатской новенькой шинели,
В пилотке с красною звездой
Мой дед ушёл из Парабели,
Простой учитель и герой.

Поцеловал жену и сына,
Двух дочерей прижал к груди,
Котомку на плечо накинул
И отбыл в вечность, победил.

Он не вернулся. Горе. Мука.
Не рстил дочерей своих,
Не гладил по головке внука,
На свадьбе не гулял у них.

Я часто думаю про деда
И ставлю свечку на помин.
«Как тяжело далась Победа, –
Я детям говорю своим, –

Пройдите через все преграды,
Живите с Богом и с умом,
И помните: под Ленинградом
Ваш прадед пал в сорок втором».

Антонина ЩЕРБАК

* * *

Стихи пришли из ниоткуда
Цепочкой слов в ночной тиши.
Я принимаю это чудо
За избранность моей души.

Из рифм и чувств, из интонаций
Стихов плетутся кружева.
Я не стыжусь себе признаться:
Я – только проводник в слова.

Я – карандаш. А автор мыслей,
Владеющий моей рукой,
Неведом мне. Источник чистый
Он в измерении другом.

Себе прошу лишь ясность взгляда
И лёгкость для моей руки.
Да муки творчества в награду
Мне в миг рождения строки.

* * *

Зачем, любовь, ко мне стучишься в дом,
Когда уж вечер на дворе моём,
Когда в душе туман и листопад,
Спокоен взгляд...

Мне в волосах седых немой укор,
И за спиной соседей разговор:
«Как в возрасте таком она могла...
Ну и дела!».

Но я глаза не прячу от подруг,
Мне счастья лучик улыбнулся вдруг.
Цену любви мы знаем, жизнь прожив,
И дорожим.

Стучи, любовь, смелее, и поверь,
С великой радостью тебе открою дверь!
Хотя я знаю, что с тобой придёт печаль.
Мне очень жаль...

* * *

Всё возьму и до капли потрачу!
Пусть лишь день, но как в радужном сне...
Дождь по окнам и пляшет, и плачет
О моей опоздавшей весне.

*Стихи парабельских поэтов
редакции предоставила Нина КНАУБ.*

Иванна ДУНЕЦ

СЛЫШУ ТЕБЯ ДУШОЙ

ЕСЛИ ЖИТЬ...

Простыми словами скажу я о самом важном –
открытым взглядом в глаза другим вы смотрите,
если сердце своё доверить, то лишь отважно,
если плакать, то одному, но громко, с криком,

если плавать, то за буйки, там, где море дышит,
если в горы, то выше неба и без страховки,
если прыгать, то только в воду с разбега с вышки,
если грустно, то на лицо капюшон толстовки,

если любить, то безусловно и без оглядки,
если петь, то во весь голос под звуки прибора,
если летать, то под куполом звёздным, но шатким,
если упасть, то за грань, в пространство иное,

если идти, то пешком в лесу – где сосны в небо,
если цветы, то ромашек луг до горизонта,
если спать, то в траве в обнимку со звёздным небом,
если дождь, то по лужам босиком и без зонта,

если танец, то кружиться под ритм барабанов,
если обувь, то «кончики пальцев» – пуанты,
если жить, то с отсутствием детального плана,
если уйти, то слушая Дебюсси сонаты...

НЕИЗБЕЖНОСТЬ

Неизбежность чувствовать тебя –
всё,
что от тебя осталось.
я устала,
только малость –
выносимая тяжесть бытия –

выносива мною на плечах
хрупких,
худеньких, не крепких,
маленьких,
почти что детских –
тобою расправленных сгоряча.

УТРО

Тихо молюсь. Утро,
ему поклонюсь. Мудро
время по капле тает.
Тебя у меня забирает.

ВОЗРАСТ ХРИСТА

Тридцать три, говорят, не срок,
чтобы мне подводить итог.
Что ж, друзья, я не буду спорить.
Вам видней, что лишь капля в море –

тридцать три весны накануне лета,
тридцать три слезы на осеннем ветре,
тридцать три зимы моего скитания.
Тридцать три – не срок. Это расстояние.

МОРЕ И Я

Море и я,
солнце, берег, песок –
ноги в нём утопают,
мне тепло – чувственно и не одиноко,
пальцами рук
растрепавшийся локон убрав,
слышу тебя душой:
равномерное – близкое и далёкое дыхание твоё,
чувствую кожей мириады росинок,
принесённых ветром лицу моему –
ощущение это запомню,
станет частью меня,

эхом во мне родится,
с собою,
в приветях колючих и робких,
оставлю его.

ты есть,
ты – живое,
необъятное и моё,
встаю, к тебе приближаюсь и... погружаюсь –
обнимая, принимаешь без слов –
любишь преданно и безусловно!

не отпускай меня
никогда!

ANTE TEMPUS

Прощай.
На границе миров,
сотканных в ткань бытия
тугими стежками,
судьба человека –
ничто.

Прощай.
Явь в не явь
превращая синхронно, и
так неумело... сами
скажем друг другу –
стоп.

Дмитрий Иванов

ПОЛУВЕРУЮЩИЙ

Всю субботу в городе чувствовалось сдержанное оживление. С самого утра, похрустывая ледком подмороженных с ночи тротуаров, народ тянулся в церкви святить куличи, в магазинах и на рынках закупал к праздничному столу продукты, готовился к Светлому Христову Воскресенью. Было пасмурно, вдруг начал моросить мелкий то ли дождик, то ли снег, и во всём этом – в холодной свежести апрельского воздуха, в простёртых в серое небо ветках голых деревьев, в тихо вплетающемся в городской шум перезвоне колоколов – чувствовалось ожидание Праздника.

Владимир Иванович крещёным не был, истинно верующим себя не считал, но в церковь с утра сходил. Чем ближе подходил к храму, тем многочисленнее становилась улица. Вот и сам собор: гордо, казалось, недосыгаемо высоко парили в пасмурном небе купола с золотыми крестами, в ворота церковной ограды, у которых толкались попрошайки, текли и вытекали волны людей, под ногами на мокром асфальте ковыляли, выпрашивали своё подаяние упитанные голуби. Здесь ещё сильнее ощущалось, висело в воздухе радостно-тревожное ожидание. Но когда он, неумело перекрестившись, вошёл в храм, то увидел обычную для Великой Субботы, сразу приземлившую его картину – у длинных, уставленных принесёнными куличами и крашеными яйцами столов толпился народ, ожидал, когда батюшка выйдет освящать продукты. Это напомнило ему очередь в поликлинике.

Поставив свечку на помин души ушедших родных и близких, другую – за здоровье живых, Владимир Иванович постоял перед старинными намоленными иконами. Попытался сосредоточиться, подумать о вечном. Но вокруг было много народа, непрерывающийся шорох шагов, откуда-то раздавалось щебетание сотового телефона... Да, это был старый, ещё дореволюционный храм, маленький островок Бога в огромном море городской суеты, но сейчас его особая, пронесённая через безбожные годы атмосфера святости мешалась с живыми, грешными людьми дня сегодняшнего, с куличами и крашеными яйцами. Разговора с Богом не получалось. Он перекрестился и пошёл домой.

Когда вышел из храма, вновь вдохнул свежий, наполненный запахами талого снега и талой земли воздух, и его лица коснулись капли прохладного дождика, он снова почувствовал разлитое в этом воздухе и этом дождике, во всём божьем мире радостное и тревожное ожидание. И с этим ожиданием жил уже весь оставшийся день.

* * *

Отношения с Богом у Владимира Ивановича складывались непросто. Сначала, в детстве и юности, их, как ему тогда казалось, вообще не было, потому что в атеистическом государстве СССР выстраивать их было не с кем. Это поз-

же он понял, что они всё же были, и если сам он тогда, как и большинство советских граждан, думал, что Бога нет, то Бог, напротив, знал, что он, Володька Петров, есть, и даже разговаривал с ним.

Но это понимание пришло много лет спустя, а тогда, в послевоенной сибирской деревне, на его малой родине, были другие боги. Появлялись новые трактора и комбайны, первые личные мотоциклы, фотоаппараты, радиоприёмники, и по этим радиоприёмникам сообщали о том, как человек создаёт первый лазер, первую атомную электростанцию, запускает первый искусственный спутник Земли... Он с жадностью слушал эти новости, часами пропадал в колхозных мастерских, заворожённо глядя, как ремонтируют трактора, а когда отец купил мотоцикл «Ковровец», фактическим его хозяином стал он, Володька, дневал с ним и ночевал. Для него, как и для миллионов его сверстников, божеством стали наука и техника – с детства и на всю жизнь.

«Учись, сын, – говорил ему отец, сельский учитель физики, свято веривший в просвещение и научно-технический прогресс. – Учись, иди в науку!» «Религия – опиум для народа... Человек – это звучит гордо... Бога нет...» – говорили учебники и уличные лозунги, газеты и журналы, литература и кино. И он принимал как данность: нет – значит, нет. Какой Бог, если вон уже в космос полетели! И какая вообще разница!

Но была в этом его юношески бездумном атеизме пара маленьких трещин. Первая – отец, при всей своей увлечённости физикой человек широко мыслящий. Однажды, прочитав в учебнике, что Земля зарождалась и развивалась из хаоса космической пыли, он, Володька, спросил отца, как такой сложный, красивый мир, где всё рационально и продумано, мог возникнуть из какой-то кучки пыли, из беспорядочного движения частиц, сам собой? Тот, к его удивлению, хитровато улыбнулся, ответил уклончиво: «Дом построить – и то инженер нужен. В Бога не верю, но в Высший Разум верю». И Володьке при этом привиделись проступающие в небесах, бесконечно далеко в глубине Вселенной, контуры огромного, похожего на человеческий, мозга, который дышал, пульсировал и выбрасывал из себя куски всевозможной материи.

Другой «трещиной» была мать. Полуграмотная крестьянка, она верила той тихой и непоколебимой верой, которая когда-то жила в каждой русской женщине – верила, как дышала. Несла эту веру в себе, никому не навязывая, крепко и молчаливо, как отзвук благовеста той ушедшей России, что в девятьсот семнадцатом году растоптали комиссары. И никакая пропаганда науки, которой поклонялись муж и сын, никакие безбожные лозунги не могли пробить эту броню её души, коснуться её и оставить хоть какой-то след. В церковь она не ходила, потому что их деревенскую церковь разрушили ещё в тридцатые, икон дома не держала, потому что в семье советского учителя это было бы неслыханно, но церковные праздники по-своему соблюдала: наводила порядок в доме, на Рождество, Пасху и Троицу не делала серьёзной работы, а на Крещение на дверях избы рисовала мелом крестики. А когда он, Володька, подсмеиваясь над темнотой матери, шутливо спрашивал: «Мам, а где же Бог, если спутник летал и его не видел?», спокойно отвечала: «А Бог, сына, не каждому покажется...». Её вера ничем не касалась ни мужа, ни сына, у которых из-за этого могли быть

большие неприятности. Исключение составлял лишь один день в году – Пасха.

В деревне встают рано, но в этот день мать вставала ещё раньше, до света. Собирала на стол – маленький кулич, несколько крашеных луковой шелухой яиц, нехитрая закуска – и будила мужа с сыном. В окна только начинал заглядывать розово-нежный апрельский рассвет, а они уже сидели за столом – в такую рань можно было не опасаться, что кто-нибудь зайдёт, увидит их куличи... Отец наливал по полстопки водки матери и ему, Володьке, поднимал свою полную и с озорной искринкой в глазах говорил:

– Ну, Христос воскрес!

– Воистину воскрес! – отвечали Володька с матерью.

Семья была дружной, и они, «полуверующий» отец и неверующий Володька, делали это из уважения к верующей матери. А она брала, очищала крашеное яйцо, резала на три части и давала каждому его дольку...

Они сидели, не включая света, разговаривали о своих делах, а горница, словно сотворяясь из отступавших сумерек, медленно наполнялась светом разгорающегося утра. Вспыхивали горшки с геранями и белые тюлевые занавески на окнах, падали на свежепобеленные стены тёплые солнечные пятна, сначала робкие, потом всё крупнее, ярче. Комнатка наливалась солнцем – к ним в дом, в мир тихо входило Светлое Христово Воскресенье. Когда оно окончательно становилось днём, они вставали и расходились по своим делам, но Володьке, воспринимавшему всё как забавный ритуал, этот день уже до самого вечера казался необыкновенным... И это ощущение осталось у него на всю жизнь.

А жизнь шла дальше. Он закончил школу, положил в облезлый отцовский чемоданчик-балетку выходной лыжный костюм и с отчаянной решимостью солдата, бросающегося на дзот, поехал в город поступать в вуз. И... поступил, к большому своему удивлению и великой радости отца. Да не куда-нибудь, а в «храм науки» – старейший в Сибири университет.

Из мира тележного колеса он шагнул в мир высоких знаний, о котором столько мечтал, и этот мир – почтенные профессора физического факультета, неумолимо точные формулы, новые городские товарищи – затмил для него всё... А через пять лет, упрямый и способный, он закончил университет, распределился в один из НИИ и, женившись и осев в городе, сам стал частью этого мира.

В этом мире, разумеется, Бога не было и в помине, его обитатели признавали одну материю и закономерности её развития. Здесь верили и поклонялись цифрам и фактам. Исследовательская практика быстро приучила Владимира Ивановича к тому, что любое явление жизни можно обчислить и, построив соответствующие кривые, выразить в соответствующей формуле. Так его научили, так он, ничтоже сумняшеся, и думал – вместе с коллегами по работе и всей советской наукой.

Но время летело, с годами, размышляя о жизни, он начал сознавать, что не всё в ней укладывается в чёткую формулу и красивый график. Оказалось, есть масса вопросов, на которые любезная его наука не может дать ответ, и не потому, что «ещё не пришло время», а потому, что зашла в тупик. Уже в семидесятые в институтских курилках начали поговаривать о таинственных

«чёрных дырах» во Вселенной, где исчезает материя, о том, что разработанная современной наукой теория Большого взрыва – по сути то же самое, о чём говорят, например, древнеиндийские Веды, что сама теория Дарвина, на которой построена вся концепция развития органического мира, имеет большие натяжки...

Таких разговоров, противоречивых фактов становилось всё больше.

И в нём, кандидате физико-математических наук, специалисте по полупроводниковым кристаллам, зашевелился червь сомнения: а так ли непогрешим этот диалектический материализм? Где-то в глубине его существа стало зарождаться ощущение, что кроме цифр и фактов там, дальше, где кончаются ограниченное человеческое знание и законы природы, в мире есть ещё нечто. И когда он думал об этом «нечто», ему почему-то вспоминалось пасхальное утро, их бедная деревенская изба и медленно наполняющее её торжествующее апрельское солнце.

* * *

Когда Владимир Иванович пришёл домой, сразу почувствовал запах выпекавшихся в духовке куличей – завтра к обеду они ждали гостей, и жена с утра хлопотала на кухне, готовила праздничный стол. И весь оставшийся день в квартире стоял волнующий запах праздника.

В этот день он больше уже никуда не ходил: сидел дома, выполнял мелкие хозяйственные поручения жены, прислушивался к долетавшему в форточку далёкому колокольному звону и ждал наступления Святой Ночи. У него давно вошло в привычку посвящать эту предпасхальную субботу занятию, которое посчитали бы странным как атеисты, так и верующие – он «разглядывал жизнь». При этом ни с кем – ни с женой, ни с сыном, который уже жил отдельно своей семьёй – он этими своими размышлениями не делился. Праздно бродил по комнате, смотрел в окно на мелкий дождик, который вдруг сменялся огромными, до краёв заполнявшими серый мир белыми снежинками, на мокро блестящие, недавно освободившиеся от снега крыши, вглядывался в этот последний перед Светлым Христовым Воскресением день. Размышляя над тем, что произошло в Иерусалиме две тысячи лет назад, старался разглядеть в нём что-то особенное, пасхальное.

Особенным, наполненным ожиданием чуда ему казалось всё – и эти порхающие в воздухе снежинки, и островки исчезающих сугробов на газоне под окном, и даже тикающие в комнате часы, секунда за секундой отсекающие оставшееся до Великого Воскресения время.

...Да, с тех пор, как у него впервые появились сомнения в атеизме, он прошёл большой путь. Когда в конце семидесятых начала зарождаться мода на церковь, эти сомнения получили определённое подкрепление. Уже некоторые сотрудники их НИИ, кто из любопытства, кто, бравируя «оппозиционностью режиму», похаживали на Пасху в храм, а потом в институтских курилках небрежным тоном рассказывали, как милицейское оцепление отесняло толпу от церковных ворот, как они «пробивались», «прорывались» и всячески боролись за свободу совести... Пошли разговоры о том, что такие великие учёные и без-

божники, как академик Павлов и даже сам Дарвин в конце жизни становились верующими...

А потом начались мятежные восьмидесятые, грянула Перестройка. И вдруг оказалось, что церковь и вера – это не плохо, а хорошо, что не религия, а, напротив, атеизм есть «опиум для народа». Что тысячелетняя, отсечённая от них, нынешних, гильотиной девятьсот семнадцатого года Россия – вовсе не «тюрьма народов», а великая цивилизация, и цементом, крепившим эту цивилизацию, были Бог и православная вера.

Начался разгром привычных ценностей, всех основ жизни, и в этой страшной ломке сознания заметалась, застонала потерявшая прежние опоры душа Владимира Ивановича – вместе с душами миллионов людей рушившейся империи. В этой в одночасье разверзшейся ледяной пустоте вдруг вспыхнули в памяти, совсем по-другому увиделись ему далёкое детство, пасхальное утро и его волшебный, тихо входивший в дом свет. И, оказавшись без руля и ветрил в наступившем хаосе, он ухватился за этот свет, как за единственную оставшуюся опору.

Многое он передумал, пересмотрел за эти смутные годы, и прежде всего вопрос вопросов – о жизни и смерти. С детства вложенный в его сознание материалистический постулат о том, что со смертью всё кончается, теперь казался ему слишком упрощённым. «Неужели всё, что я пережил, узнал, постиг, все мои мысли и воспоминания исчезнут бесследно, навсегда? – спрашивал он себя. – Исчезнут детство, весёлое студенчество, наши с отцом разговоры о физике? Тогда зачем всё это было?.. Человек творит свою жизнь, складывает, как дом, из дней-кирпичей: неужели после смерти этот дом превращается в ничто? Неужели остаётся лишь горсть химических элементов, на которые распадается тело? Но ведь ещё в школе учили, что «энергия не возникает из ничего и не исчезает в никуда», ничто в природе не исчезает в никуда. Не может быть, чтобы умерла моя душа!»

Доказать это научно, на уровне логических рассуждений, невозможно – понял Владимир Иванович. В это можно только верить... Да, как и вся учёная братия, он совершал ошибку, пытаясь к вопросам веры подходить с позиций разума. «Ломился не в ту дверь, – усмехался он. – Нашему брату-физику подавай доказательства, факты, нам надо просчитать, понять, иначе мы и разговаривать не станем... А подходить-то надо с другой стороны. Не строить кривые, а просто верить. Слепо. Вопреки знанию, логике и космическим кораблям. Как мать. Она оказалась мудрее меня и всей нашей науки вместе взятой. А самой науке, кстати, эта вера никаким боком не мешает».

Он начал читать Библию, пробовал, хоть и не очень успешно, соблюдать посты, на Рождество и Пасху ходил в церковь. Он поверил – не то что в Бога, а, скорее, в существование Бога... И всё же что-то мешало ему стать, как мать, по-настоящему верующим – то ли научная закваска, то ли рудименты атеизма. Истинно верующий не должен сомневаться, а Владимир Иванович чувствовал, что не в силах убить все свои сомнения. Поэтому, наверное, и не решился креститься, чтобы уж быть до конца честным и с Богом, и с самим собой. В нём остался жить исследователь, смешавшийся с верующим, исследователь, кото-

рый продолжал искать какие-то доказательства, «разглядывал жизнь», старался увидеть в ней некие знаки, послания Высшего Разума... Прodelав сложную духовную работу, он остановился в шаге от веры и с грустной иронией определил свой статус – «полуверующий». Так же, как иногда в шутку называл себя покойный отец.

* * *

Страстная Суббота продолжалась. Тихо вplывал в форточку отдалённый колокольный звон, на столе в большой комнате уже красовались выставленные женой три сладковато пахнущих белоголовых кулича, и сидевший во Владимире Ивановиче неугомонный исследователь-скептик никак не мог объяснить, почему ему так радостно всё это видеть, слышать и ощущать... К вечеру дождик прекратился, стало разъяснять, на крыши соседних домов легли отблески ненадолго показавшегося закатного солнца.

Владимир Иванович наблюдал, как окно начали подёргивать сумерки, по сиреневым их занавесям всё гуще рассыпались ближние и дальние огни, как тихо опускалась на землю Святая Ночь. Думал о том, что по всей России, по всему православному миру в храмах сейчас идут приготовления к всенощной службе. Что миллионы людей, как и он, ждут эту ночь, ждут чуда и хотят верить, что со звоном пасхальных колоколов уйдёт зло, и мир станет таким, каким Христос заповедовал ему быть.

В двенадцатом часу, когда закончили приборку и в доме уже всё было готово к празднику, он вышел на остеклённый балкон, открыл створку. Ночь обняла шорохами, приглушённым гулом большого города, дохнула запахами пробуждающейся земли. Внизу темнота двора жила сдержанно-напряжённой жизнью: то и дело пищали домофонами и стукали двери подъездов, всплёскивал негромкий разговор, шипя колёсами по сырому асфальту, подъезжали и отъезжали машины... Владимир Иванович знал, что многие из их «хрущёвки» ходят к пасхальной службе, не удивлялся. И в этом таинственном движении ночного двора, и в хмельном воздухе весенней ночи, и в прояснившемся, вывездившемся небе он чувствовал всё то же, уже вот-вот готовое разрешиться торжеством Воскресения ожидание...

Сам он стоять всенощную так и не привык, ходил редко – встречать Светлое Воскресенье ему, «полуверующему», было удобнее дома. У него была своя «всенощная», точнее, «заутреня»: утром он ходил к матери. После смерти отца они продали деревенский дом, и он перевёз её, уже старенькую и нуждавшуюся в поддержке, в город. Но, сколько ни звал, жить к нему она не пошла – считала, для него и его семьи так будет лучше. Наверное, была права. Ей купили маленький – в четыре окна – домик на окраине города, она жила в нём тихо, никому не мешая. Летом Владимир Иванович с семьёй отдыхал там, как на даче. А каждую Пасху по старой памяти, как только загорался рассвет, не будя намаившуюся накануне с приборкой и готовкой жену, вставал и шёл к матери встречать Праздник. С годами это превратилось в обязательный, почти священный ритуал, без которого он уже не представлял себе Пасхи...

А Святая Ночь продолжалась, набирала силу, и где-то там, в необъятных

её пространствах, в наполненной весенними запахами темноте совершалось великое таинство Воскресения... Жена уже ушла спать, а Владимир Иванович всё сидел в своей комнате, ждал... Вот уже двенадцать... Полпервого...

Наконец ночь всколыхнулась – в открытую форточку долетел далёкий торжествующий колокольный звон, возвещавший о начале крестного хода. И сразу разрешилось, всплеснуло радостью томившее мир ожидание, по сердцу Владимира Ивановича прокатилась тёплая волна. «Христос Воскресе!» – сказал он про себя.

И пошёл спать. Уже засыпая, слышал, как где-то в недрах дома негромко стучали двери, с улицы доносилось приглушённое урчание машин – Святая Ночь продолжалась.

* * *

Чудо свершилось вновь – Христос воскрес, «смертию смерть поправ», и вместе с ним воскрес мир.

Когда Владимир Иванович проснулся, на стенах комнаты лежал золотой отсвет рассвета, сразу напомнивший ему детство. Он быстро собрался, положил в авоську ещё с вечера приготовленный маленький кулич, три крашеных яйца, и пошёл к матери.

Дом после Святой Ночи ещё спал: на лестничных клетках стояла сонная тишина, лишь в одной квартире балабонило радио... Владимир Иванович толкнул дверь подъезда, утро обрушилось на него всей свежестью новорождённого мира. Пьянил, позванивал синичьими трелями весенний воздух, похрустывал под ногами ледок прихваченных морозцем луж, чудом уцелевшая сосулька на карнизе дома наливалась огнём восходящего солнца. Утро разгоралось тихое, ясное, с бездонным синим небом, наполнявшиеся его светом ещё спящие улицы, по которым шёл Владимир Иванович, выглядели хрустально-хрупкими. Казалось, топни чуть громче – и они рассыплются в прах.

Владимир Иванович любил это утро, ему нравилось неторопливо шагать по безлюдному городу, думать, что он скоро оживёт, сядет к праздничным столам... Он даже забывал «рассматривать жизнь», просто радовался ей и не мог толком объяснить себе эту радость. Вот мимо стучит по рельсам, сверкает стёклами пустой трамвай с привалившейся к окну дремлющей кондукторшей... Вот идут навстречу две старушки, наверное, из церкви – на его «Христос воскрес!» с готовностью откликаются: «Воистину воскрес!»... Всё необыкновенное, доброе.

А вот уже и одноэтажные, с палисадничками, как в деревне, домики окраины, над печными трубами поднимаются в небо дымки.

По залитой солнцем шиферной крыше материного домика прыгали, звонко чирикали воробьи, над трубой тоже вился дымок. В окошке с голубыми наличниками мелькнуло лицо, Владимир Иванович махнул рукой. Он толкнул невысокую, со старинной щеколдой калитку, вошёл в маленький дворик и сразу почувствовал, как на него ложится невидимая сень материного дома. Здесь, в этом домике, в этом дворике с прибитым к сараюшке на высоком шесте скворечником, большой поленницей у забора и длинной, наискось, бельевой верёв-

кой ему, седому мужику далеко за пятьдесят, становилось хорошо и спокойно, как бывало в детстве. Словно он вновь становился босоногим парнишкой, а все тяготы и заботы жизни разбивались об эту старенькую калитку, оставались в большом мире... Он не знал, как матери удалось принести сюда, в город, эту атмосферу родного дома, но это было именно так.

Сейчас на скворечнике, сделанном когда-то его собственными руками, заливался на всю вселенную пересмешник-скворец, а на поленице сидела, умылась материна кошка Дуська. Поднявшись на крыльцо, Владимир Иванович отметил, что одна из плашек подгнила, прогибается – надо будет заменить... Ещё раз с наслаждением вдохнув чистый, почти деревенский, с запахами дымка и оттаивающих огородов воздух окраины, он толкнул входную дверь.

В доме после тёмных сеней невольно зажмурился от яркого света. На окнах кухоньки и маленькой горницы огнём горели герани и белые тюлевые занавески, на пол, на домотканые дорожки и кружки падали столбы уже набравшего силу яростного солнца. Оно блестело на тарелках и ложках видневшегося в комнатке накрытого стола, играло на вышитых салфеточках на старом, ещё привезённом из деревни комоде, дробилось в таком же старом настенном зеркале, обрамлённом заткнутыми за рамку пожелтевшими фотографиями. Им был полон весь застеленный разноцветными половиками, завешенный ситцевыми занавесочками, словно перенёсшийся сюда из его детства домик, и Владимир Иванович вдруг подумал: «Ведь этот свет и есть Бог!». Это он тихо входил в их деревенскую избу на Пасху, когда она наполнялась светом наступающего утра, он, Бог, незримо стоит сейчас в этих падающих из окон столбах солнца... Он был с ним всегда, даже когда он, жалкий человек, насмеялся над ним, не верил... И мать видела его всегда. А он вот – только сейчас...

Мысль эта потрясла его.

Прямо из солнца, золотившего, как нимб, её седые волосы, к Владимиру Ивановичу шагнула уже совсем старенькая, сухонькая мать.

– Христос воскрес, сынок!

– Воистину воскрес, мама!

Они обнялись, расцеловались. Мать коротко, истово приникла к нему головой, и, всё ещё взволнованный своим озарением, он почувствовал знакомый запах её волос, неуверенное пожатие ослабевших старческих рук. У него защемило сердце.

Потом они сидели за столом в переполненной светом комнатке, и солнце блестело на посуде и на белоснежной голове большого, в разноцветной присыпке, кулича. Мать взяла крашеное яйцо, очистила, разрежала на три дольки, положила ему и себе. Третья долька осталась на тарелке.

В комнатке было натоплено, на стенах играли солнечные зайчики. Владимиру Ивановичу казалось, что он в детстве, в родной деревне, они сидят в своём доме и встречают Пасху.

2019

Иван ПОДДУБНОВ

Музею – ЖИТЬ!

Есть в Томске музей со строгим названием «Следственная тюрьма НКВД». День его открытия – 25 мая 1996 года, адрес – проспект Ленина, 44. Чуть раньше (1992 год) в сквере у будущего музея был установлен Камень скорби в память о репрессированных в 30–40-е годы. Наш музей – единственный в России, который находится именно в бывших тюремных камерах.

А ещё раньше – 10 декабря 1988 года – при активном содействии кандидата исторических наук Бориса Тренина и кандидата физико-математических наук Вильгельма Фаста – было создано в Томске историко-просветительское общество «Мемориал».

В содружестве с работниками Томского госархива и при активной помощи В. К. Филипповой была издана серия книг, куда вошли документы о репрессиях на томской земле. (Сегодня должность председателя исполняет Василий Антонович Ханевич, историк по образованию, который продолжает нелёгкую музейную работу).

В состав совета общества были избраны писатель В. Н. Макшеев, журналист Н. В. Кащеев, историк-педагог В. Т. Муравельник. Активную помощь оказывали Л. Г. Фонова, Н. В. Кандыба, Н. С. Попович, В. А. Миллер, Г. М. Успенский.

Именно по приглашению Георгия Михайловича Успенского я оказался членом «Мемориала». Сам он 17 лет отмотал в концлагере на Дальнем Востоке. Ходил с тросточкой, нуждался в помощи. Поэтому я его встречал и проводил до трамвайной остановки. Многих из перечисленных выше сегодня уже нет с нами. После того как проводили Веру Трифоновну Муравельник, бесшумного секретаря и умелого организатора мемориальных мероприятий, исполнять её обязанности поручили мне. Не скрою, протоколы собраний у меня получались серые по сравнению с нею, и организатор я посредственный. Тем не менее меня 10 лет переназначали секретарём нашего «Мемориала».

Хочу сказать о сегодняшних бедах музея (как я это вижу).

Историческое здание, где разместился музей, было уже дважды перепродано. Сейчас оно принадлежит банку, и судьба уникального музея руководителей банка не волнует. Бывший владелец оставил музею часть подвального помещения, но большую часть отдал любителям компьютера. Оттого у музея нет даже гардероба, нет места для хранения экспонатов и библиотечного фонда. В музейный подвал ведёт крутой спуск, опасный для пожилых людей и инвалидов.

Хочу также высказать пожелания на будущее. Почему бы не взять под своё крыло наш многострадальный музей Томскому госуниверситету? Какая была бы дополнительная учебная база для подготовки тех же историков, юристов,

литераторов. Вне сомнения, имея этот музей, университет наверняка повысит свой рейтинг.

Что можно было бы здесь сделать? Передать музею всё подвальное помещение и воссоздать его в том виде, в котором оно было в 30–40-е годы. На первом этаже разместить весь богатый библиотечный фонд. Представить наглядно экспонаты и документы – сейчас такой возможности просто нет. Также наверху оборудовать современный учебный кабинет для студенческих занятий.

Активность посещения музея растёт год от года, число побывавших здесь исчисляется тысячами. И нелишне вспомнить, что одним из первых его посетителей (ещё в пору становления) был всемирно известный писатель Александр Исаевич Солженицын. В один из дней пребывания в Томске (26 мая 1994 года) он осмотрел подвальные камеры, не спрашивая никаких пояснений – всё ему было знакомо по собственному тюремно-лагерному опыту. Единственное, о чём он попросил сопредседателя «Мемориала» Вильгельма Генриховича Фаста, это предоставить ему список бывших зэков Томской области (их более ста), чтобы оказать адресную помощь больным немощным людям. Помощь из Фонда Солженицына шла в течение ряда лет, пока не стало тех, кому она была нужна. Нет сегодня уже ни знаменитого писателя, ни сопредседателя томского «Мемориала».

Особый интерес вызвала у членов «Мемориала» делегация юных исследователей из Каргасокского района, которая посетила музей в 2008 году. Они рассказали о проекте «Прощение и память». Организатор его – Н. Г. Монголина, начальник отдела образования, а координатор – В. М. Зарубина. Администрация района организовала им поездку в Томск. Девиз проекта: «Кто, если не мы, будем помнить и прощать». Несколько отрядов из 8–10 человек во главе с преподавателями истории и литературы определили свои маршруты. В результате в местах массовых захоронений было установлено более 50 памятных знаков. Юных поисковиков не испугали гнус и другие неудобства. Маршрут следования объясняли пожилые люди, которые хорошо помнили эти страшные места, будучи малыми детьми в 30–40-е. К сожалению, в нашем музее не нашлось места для размещения материалов этой работы.

Конечно, необходима грамотная целенаправленная помощь проектам, подобным каргасокскому. Эту и другие проблемы могут решать члены общества «Мемориал» в союзе, как мне кажется, с историками Томского государственного университета.

Владимир ПИМУС

Последний адрес

Проект под таким названием родился из общественной инициативы, цель которой – увековечение памяти наших соотечественников, ставших жертвами политических репрессий в годы Советской власти. Предполагается установка персональных мемориальных знаков единого образца на фасадах домов, которые стали последними прижизненными адресами для многих тысяч людей.

Знак проекта «Последний адрес» – не мемориальная доска и не памятник. Он указывает на то, что здесь жил человек, который был репрессирован. Это форма увековечивания памяти конкретного человека независимо от его бывшего социального статуса, званий и заслуг перед государством или обществом. На установку знака не требуется официального разрешения местных органов власти, нужно всего лишь письменное согласие владельцев здания, на котором размещается этот знак.

Эта инициатива выросла в России в широкое общественное движение, созданы общественный Фонд и сайт проекта «Последний адрес».

В октябре 2016 года при активном участии сотрудников мемориального музея «Следственная тюрьма НКВД» и членов томского общества «Мемориал» город Томск стал двадцать вторым городом в России, присоединившимся к проекту «Последний адрес». 16 и 22 октября в Томске были установлены первые таблички проекта.

Сегодня таблички установлены на Ачинской, 9 (на месте нынешнего здания был дом, где жил поэт Николай Алексеевич Клюев), на доме по улице Лермонтова, 51 (здесь жили Иван Николаевич Манохин, кузнец, и Андрей Николаевич Манохин, маляр, умершие в Гулаге). Появилась табличка на Октябрьской, 28 – последнем адресе Петра Петровича Урусова (1907–1938).

Хочется верить, что жители Томска и области примут участие в дальнейшей реализации этого проекта. Инициатором установки знака может стать любой заявитель, не обязательно родственник репрессированного. Работники музея готовы этому содействовать.

И вот ещё отдельный сюжет.

Князь Александр Владимирович Голицын (год рождения 1908) первый раз был арестован ночью 2 ноября 1933 в Москве вместе с мужем младшей сестры князем П. П. Урусовым. Получил три года лагерей, которые отбывал в Сибири. Выйдя из лагеря, женился на Д. Я. Кротовой. В семье ждали ребёнка. В 1937 году пока один, без семьи, выехал в Томск, где уже находились сестра Ольга Владимировна Голицына-Урусова с мужем Петром Петровичем Урусовым, приехавшие сюда после отбытия срока ссылки мужа. Голицын снял квартиру по улице Загорной, 66, что находилась недалеко от квартиры сестры и её мужа. Был принят на работу в Томский драматический театр им. А. В. Луначарского актёром, где начал выступать под псевдонимом Алвегов. Беременную жену в

Томск привезти не успел из-за начавшихся арестов среди знакомых и близких людей.

В конце декабря 1937 органами НКВД был арестован муж сестры, П. П. Урусов, 31 января 1938 пришли за ним. В тот же день арестовали и сестру Ольгу. Следователи устроили им очную ставку, заставляя брата указать на сестру как на члена контрреволюционной организации.

Тройкой УНКВД Новосибирской области 21 февраля 1938 А. В. Голицын был приговорён к высшей мере наказания именно как участник контрреволюционной организации. Расстрелян в Томске 11 июля 1938 года. Реабилитирован 11 октября 1956 года.

В октябре 2016 года в Томске побывал Владимир Александрович Голицын, сын казнённого А. В. Голицына. Была поездка на Каштак – расстрельную гору, где ныне высится крест в память убиенных, была встреча в музее, где Владимир Александрович рассказал о своей судьбе. Сегодня он – работник высокого ранга на Московском заводе корпорации «Роскосмос». Сибиряк по рождению (Тисульский район Кемеровской области), он, конечно же, должен был до поры до времени скрывать своё княжеское происхождение. На вопросы, не из «бывших» ли, приходилось отвечать: «из крестьян князей Голицыных». Судьба отца долго оставалась непрояснённой. На запросы отвечали: «Умер в заключении в 1944 году. Причина смерти: склероз сосудов головного мозга». Не очень верили в это, но другой информации не было. И лишь на рубеже 1980–1990-х открылась вся правда о его последних днях.

Владимир Александрович участвовал в укреплении табличек памяти А. В. Голицына и О. В. Голицыной-Урусовой на доме № 66 по улице Загорной. А на память о себе оставил книгу стихов «Предчувствие», из которой и взяты эти стихотворения.

МАМЕ

Тебя уж нет давным-давно,
А память отправляет вспять –
Вот ты в открытое окно
Кричишь мне: «Ужинать и спать!».
И на пороге старой хаты
Я помню, как стоял тогда,
Когда мой крест с меня сняла ты,
Сказав: «Запомни навсегда,
Мы дома русские, родные,
Здесь всё – молитва. Бог и грех.
А за порогом мы иные –
Там мы советские для всех.
Ты это знай и помни свято
В любых краях, где бы ни жил,
Чтобы, не дай Бог, ты когда-то
Судьбу отца не повторил».

* * *

Годы – пернатые птицы!
Что вы спешите? Куда?
Птицы назад воротиться
Могут весною всегда.

Вы ж безвозвратно несётесь
В вечность – безбрежную даль.
И никогда не вернётесь.
В сердце тоской отзовётесь,
Грусть наводя и печаль.

Но, уходя в вечность эту,
Всем, кто вас много пронёс,
Вы оставляете мету –
Прядь серебристых волос.

* * *

Люди смеются и плачут...
Жизнь такова, что всегда
Рядом с большою удачей
Бродит лихая беда.

Николай СЕРЕБРЕННИКОВ

Цена жизни в начале 1990-х

1991

23 января. – Купюры 100 и 50 уже не деньги. Суматоха. Горбачёв как откровенный грабитель. А что сейчас деньги? 2,15 котлета.

24 января. – Цыгане покупают 50 за 5 (вчера брали за 10).

26 января. – Несколько смертей. 23/1 на почтамте умерла женщина, которой 10 000 обменяли на 200.

31 января. – Продуктов по месячной карточке – на несколько дней. Масло есть невозможно: хуже маргарина, которым нас кормили в 62-м.

28 февраля. – Всюду стали брать по 5 % с проданного товара – за услуги. Где такое бывало? когда бывало? (6/III. Народ говорит: «Чаевые Горбачёву».)

28 марта. – 69 руб. компенсации роста цен.

30 октября. – Князев <студент, журналист> сообщил, что купил мне в Москве бутылку «Наполеона» за 20 долларов (за публикацию повести Потанина получу меньше) и выпил её в Новосибирске.

13 ноября. – Прибалты в Томске скупают всякую всячину – тратят рубли.

10 декабря. – Кг масла в Томске 72 руб., в Москве 100.

14 декабря. – Кг масла в Томске 90 руб.

23 декабря. – «Насытить рынок – ума большого не надо, – сказал Рыжков <пред. Совмина СССР>. – Поднять цены как следует – и в магазинах изобилие» (цитата). А покупательная способность?

1992

Хлеб ржаной 1,80, пшеничный 1,96. В Новосибирске 3,40. Хлебные магазины прекратили самообслуживание, торгуют с прилавка. Сметана 42 руб., масло 230. В Кургане сметана 64, масло 390 (доперестроечно везде было 3,40). В основном товары держали до 1 января, предпочитали гноить.

Получил за книжку стихов 5000 по-советски, теперь могу купить 21 кг 740 г масла.

23 января. – Масло кое-где 206, у вокзала 211,07, на Дзержинского 249 (привезли сюда сметану и молоко, но не продают, не знают цену), а в универсаме на Красноармейской масло который день 159! В Братске масло 417. Вот привязался ко всем масляный эквивалент! Хлеб пшеничный сегодня стал 4,80, но ржаной 1,56.

На скорой за день платят 30, а еда обходится в 65. В январе получили по 200, и то не все: ждите, в банке денег нет.

25 января. – Помереть прилично стоит 6000, – мало у кого такие деньги. Уже не до сырых гробов, в Питере хоронят в целлофановых пакетах.

8 февраля. – Вчера ночью, после 2-х, шёл из музея домой. Возле проходной на стадионе окликнули. «Да пусть идёт!» Обратно на всякий случай пошёл по Гоголя. Из проходной густой столб дыма, пожарных нет. Оказывается: два трупа нашли в проходной и третий на Гоголя (тогда, в 4 часа, я был в одном квартале от него; убили из его же табельного оружия, но я выстрел не слышал). – 6-го вечером убили в горсаду следователя, который копал под прокурора.

Магазины самообслуживания ликвидированы.

15 февраля. – Хлеб пшеничный 5,40, ржаной 5,30.

Опять разбившиеся ботинки снёс в ремонт: за прошив 50 вместо 7.

25 февраля. – В начале месяца номер в бане стоил 3 руб., неделю назад 4, теперь 6. Эти-то, копеечные, с чего резвятся?

2 марта. – Бутылка молока 9,53 (3 руб. за тару). Зачем тут медь, если на двухгривенный и спички не купить?

4 апреля. – Ржаной хлеб – 5 руб. Эмалированная кастрюля в коммерческом – 500! Пачка бумаги в 250 листов – 50! Как же зарабатывать?

20 апреля. – В блинной чай из чаги подают под псевдонимом «индийский».

25 апреля. – Жаловались на рэкет – в УВД говорят: «Платите». Взаимосообщающиеся сосуды.

1500 Наде на кроссовки (ещё дешево!). Сел латать рваный червонец.

5 мая. – Дохнувший «Контур» платит по 500, иной месяц кое-где и не платит. Даже я, сторож, получаю 750.

14 мая. – Выпечка подорожала кое-где раза в 1,5. Конверт 70 коп. вместо 55.

21 мая. – Старая Русса. Толпа узнаёт о новых ценах на билеты (на ж/д в 2 раза, на автобус в 3) и смеётся.

24 мая. – Петербург. Пучок редиски в Старой Руссе всего 2 руб., а в Питере на Кузнечном 15–20!

Мужик, одетый в дерьмо: сняли ботинки, пока спал, – кому нужны такие ботинки?

25–26 мая. – Москва. Редиска 5 руб., хлеб 10, картошка 100. На Казанском 4 руб. за сиденье (если удастся) в зале ожидания, на Ярославском 4 просто за вход в вокзал; на Казанском за попис 2 руб.

30 мая. – Редиска 8 руб. пучок (4/VI *вдруг* 10–12). Проезд 2 руб. Перебои с хлебом. – Сцена в продовольственном: «А в этом отделе никого не будет?» – «А что вы хотели?» – «А я думала: вы что-нибудь вынесете».

Рубль к 1961 стоит 3 коп.

Купил ПСС Достоевского за 1500 (без последней книги).

2 июня. – Маленький каравай 9 руб., ржаной хлеб 6, пшеничный 6,90. Баня 8. Ельцин говорит, что это последнее повышение цен: очень может быть, что для него последнее.

11 июня. – Пшеничный 13, ржаной... 15. Это подготовлено тем, что вместо буханок в продажу поступили несуразные неполнокровные лепёшки по 11. В Москве пшеничный и ржаной соответственно 9 и 11.

12 июня. – Праздник освобождения России от денег. 30–40 коп. уже хладнокровно не сдают.

13 июня. – Буханка белого 9, чёрного 10.

23 июня. – Фасты звали сегодня в 9 утра пикетировать депутатов, чтоб

решали наконец с выплатой пособий пострадавшим от режима. Но ничего я не жду и не ждал. Не пошёл. – Осталось 57 коп. и 2000 долгу.

Конверт 1,20.

Князев с его любовью к деньгам думал, что Чиннов <поэт-эмигрант> оставит ему наследство и архив, а тот предложил 100 долларов (моя зарплата за 1,5 года), – Князев злится, что даже (!) квартиру в Москве не сделает, а стоит она сейчас миллиона полтора в рублях. Пустой человек. Жалко его иногда, но чаще противно.

4 июля. – Цену за телефон вздули с 12 до 28.

7 июля. – Князев в жадности и жалкости преуспевает – пожалел сумку под помидоры, «нестандартные», но совсем не гнилые, по немыслимо бросовой цене в 10 руб., а пока носился за другой сумкой – перевернули ценник: 25. Деньгами сорит, конечно, – около 100 р. за раз покушать – никаких долларов не хватает.

Аристов предложил войти в редколлегию «Северо-Востока»: 1500 в месяц. (С 15/VII в редакции.)

11 июля. – Сегодня белый хлеб 13 руб., чёрный 14.

14 июля. – Повысили зарплату до 1200 чистыми (северных 30 %).

Белый хлеб 20 руб.

17 июля. – Белый хлеб 12 руб.!

24 июля. – Отказался от мемориальной «гуманитарной помощи» (постоянный зачин Фастов: «Хоть вы и не член «Мемориала»...»).

Ельцин пустил на ремонт своей дачи 350 млн руб. («Экспресс-хроника»), – дерьмо не лучше прочих.

29 июля. – Авиабилет до Петербурга 1200.

Власти прикармливают газетчиков. В «Томском вестнике» зарплата выше в 2–3 раза, чем в других изданиях (у Тани Винарской 6000), а такого «оппонента», как Коля Кашеев, коего всегда можно одёрнуть, я б и специально держал.

Западную помощь (детское питание и пр.) продают по конторам.

6 августа. – За квартиру 29,76 (в апреле–июне 17, в январе 8,47, в декабре 91-го 3,79). За свет уже 16 коп. (с газом 24) с квт. В Петербурге от аэропорта в город 700; то же такси в Томске берёт 50 за расстояние в 15 минут ходьбы. С 25/VII марка заграничная 25 руб. (в 5 раз дороже).

5000-е никто никому не меняет, а в зарплату суют на двоих.

10 августа. – Помидоры 60 (втрое), хотя должны бы дешеветь. Огурцы 40 (вдвое).

23 августа. – Постель в поезде 30 руб. (Казаркин недавно говорил: 20).

26 августа. – С Надей сутки просидели в Москве (25–26/VIII), а сегодня билеты на 31-е! шустрые чёрные «союзники» толкают билеты на Петербург по 1000, а вагоны полупустые, – такое бывало и раньше, – вообще, ж/д прекрасный индикатор разрухи, а уж вокзал – лучше не бывает. Бардак. Перед 1 сентября вокзалы забиты детьми; у маленьких девочек недетская усталость в глазах. На Ленинградском подросток-карманник при мне хотел залезть спящему в пиджак и прижал палец к губам; я сказал: «Свалил отсюда!». За 15 коп. для телефона предлагают рубль: спекулянтское правило.

Банк не берёт у частных лиц рубли и трёшки.

28 августа. – На обратном пути из Питера (27/VIII) ехал через Екатеринбург (29/VIII). поголовно пьяная молодёжь до блевотины хлещет американское спиртное, наставляет друг на друга пистолеты (югославский 7-зарядный «Застава», он же «Пчёлка», дешёвка, 7000 руб., 1 патрон – 1000); один заперся в сортире, другой стал выбивать дверь, и его приложили газом. У всех постоянное чувство потенциальной опасности, и к нему привыкли.

31 августа. – Баня 12 руб.

2 сентября. – Хлебные хвосты по триста человек.

«Северо-Восток» с сентября вынужден платить типографии 25 000 в месяц вместо 3000.

13 сентября. – Пшеничный хлеб 18 руб., буханка «серого» 19.

16 сентября. – Рыбаков заломил за отливку доски Эрдману 50 тыс.! в 20 раз больше, чем берут литейщики в худфонде. Да ещё ему самому, как правило, столько же?

18 сентября. – Ведро картошки 180 руб.!

26 сентября. – В автобусе карманница-горлопанка.

От физической тошноты жить здесь, где приватизируют недра, невозможно.

30 сентября. – Самолёт до Петербурга – 3600, три моих зарплаты с накрутками. – На что живу, если получаю пока 1000 (из «Северо-Востока» с июля ни копейки), отправляя её Наде? текучего гонорара о сю пору 705,42 (из Колпашева и не будет).

Гайдар <1-й зампред правительства> инспекторам устроил прогулку на теплоходе – с икрой и пр.: 260 тыс. за вечер на пропой, – по отзывам официанток, таких циничных свиней ещё не видали.

6 октября. – Баня 20 руб.! 10 яиц – 44 (вдвое).

Мигалкин о советских правозащитниках, увиденных в Варшаве: «Фарца». В Польше жизнь дороже.

10 октября. – Белый хлеб 25 руб.

14 октября. – Ни копейки – полная свобода!

16 октября. – Появился тип куличика в 30 руб. – намёк, и вчера в Академгородке обычный белый был уже за 30.

18 октября. – «Серый» хлеб 30, чёрный 25.

21 октября. – Набойка 300 руб.! бред...

28 октября. – Князев скулит, как жить в Москве, где прожиточный минимум 8000 (в Москве жизнь дешевле), хотя снова получил 100 долларов от Н. Солженицыной и наскрёб уже в рублях тысяч сто, – постыдился б хоть говорить.

3 ноября. – Большое повышение цен на ходовые продукты, о которых по естественной причине и не знал.

Помереть стоит 10 тыс.

Предлагал ведь издать Фалладу «Волка среди волков» с грифом «О выживании во время инфляции и путча».

4 ноября. – Ни тепла, ни света (комплексный подход?). Отключили ещё и холодную воду. Шуба, она же пижама. –25°.

Месяц в научке тепер 100 руб. вместо 17.

5 ноября. – Дали свет. Три дня в вымороженной квартире, – как тараканов. Лопнули и полуботинки.

12 ноября. – Ещё сутки без света и тепла. Хорошо, что ночью дежурю.

13 ноября. – Конверт в киоске 4 руб., на почте 1,20.

18 ноября. – Яйца 71 руб.

19 ноября. – Затлела проводка на втором этаже. Домоуправление будет радо, что дом сгорит. Хорошо, что пустые бутылки в холодильнике держу – будет что сдать.

От Гендельмана с июля ни копейки. Текучего гонорара из Новосибирска за сей год 1119 руб. 52 коп. Больше нигде не платили. – Фасты по всем фондам помощи решили меня «прокатывать» (за гордыню).

24 ноября. – Яйца 88 руб. Бутылка молока 35 вместо 17.

27 ноября. – Письма в Литву не доходят, а посылать уже 76 руб.

30 ноября. – 30 руб. за номер в бане.

2 декабря. – Буханки наценили на пятёрку.

Божко о Сухуми: пока перебиваются на кукурузной тюре, три хлебных магазина (буханка 5 руб.), воду берут из болота, разбиваемые абхазские квартиры, убийства, в основном страдают мирные жители; если снаряд попадает на территорию российской военной части, взлетает бомбардировщик и бьёт грузин (российское невмешательство); электричества нет. Абхазы не дают грузинам эвакуироваться из сёл, держат, как щит, потому что грузины сёла потом выжигают ракетами.

3 декабря. – Белый хлеб: рубль скинули – 29; на 100 г меньше, чем ржаной – 750.

5 декабря. – Вес хлеба один – 750, цена одна – 30.

7 декабря. – Бельё в поезде 40 (Казаркин).

8 декабря. – За телефон на ноябрь опять накинули: 66.

11 декабря. – Яйца 99 руб.

15 декабря. – Конверт на почте 2 руб.

Князев снял малосемейку на год: 60 тыс.

21 декабря. – Серый хлеб 31 руб.

Отпускные дадут в следующем году!.. замечательно, – через неделю они уменьшатся вдвое. – Если б отправил Наде не ещё 2500, а 2000, дотянул бы до 93-го.

С октября повышение квартплаты: теперь не 29,76, а 40,28; за радио 12 вместо майско-июньских 6 (в январе 2, в декабре 91-го полтинник).

27 декабря. – Аристов привёз 6525 за июль – декабрь, но не получил бы, если б «Сибирской книге» не пришлось машину продать за долги да если б Аристов не насел на Гендельмана.

1993

Цены:

Белый хлеб 35 руб. (6/II), 40 (3/III), 58 (15/V), 60 (29/V). Белый 63, чёрный 84, высший сорт 115 (9/VI). Белый 65 (17/VI), 75 (9/VII), белый 90, чёрный 105 (22/VII). 27/VII накинули по 5 руб., с 3/VIII белый 100, с 13-го чёрный 116, с 20-го 118, с 21-го белый 120, с 25-го чёрный 125, с 28-го булочные изделия по-

дорожали в 1,5 раза. Белый 130 (14/IX), 245 (21/X). 24/X белый 240, но чёрный по-прежнему 260. 24/XI белый 275, чёрный 290.

Сахар 520 (VII), 600–650 (16/VIII), 700 (начало сентября).

Яйца 175 (7/IV) со 130 – перед Пасхой, а 16/IV 230! 310 (9/IX), 335 (9/X), 345 (14/X), 450 (XI), 530 (24/XII)... 890 (29/XII)!

Коммунальные услуги (14,7 м²): I – 49,28; II – 58,28; IV – 81; VI – 141; VIII – 193 (за свет 4 руб. вместо 24 коп.; если газ – 6 руб.). – В январе и феврале по 9 руб. накинули на радио, которого у меня нет, но есть радиоточка; в июне увеличили в 3 раза = 90 руб. – Телефон в месяц вместо 68 – 160 (II), 480 (VI); 600 (VII) в Академгородке, у нас по-прежнему; 800 (X), 1120 (XII, – в Академгородке 1400). – Междугородный телефон с 15/I в 2,5 раза.

Конверт на почте 9 руб. (V) с 2,50! Роспечатать, вздувавшая против почтовых отделений цены на конверты, так в киосках и держит по... 6 руб. (VI и 9/VII); 8 руб. 22/VII. Почта накинула цену: 18 руб. (IX), 20 (X), 30 (1/XII).

Автобус с 1/IV 5 руб., трамвай и троллейбус 3; с 1/X автобус 20, трамвай и троллейбус 15!

Ж/д и аэрофлот с 1/I в 2 раза (ж/д с 3/III ещё вдвое); наценка с 23/V. Аэрофлот с 10/VIII в 1,5 раза. С 15/IX ж/д в 2,5 раза. Соревнуются, что ли? Междугородные автобусы с 20/IX ещё в 2 раза, с 20/XII ещё в 2 раза.

Баня – номер 50 руб., наплевав на решение горсовета, что в марте не выше 36 (в июне официально утвердили 50); общее отделение с ноября – 300.

Билет в кино 26/VII взлетел с 300 до 400–500; месяц назад было 200, а весной 100–150. Когда я был в кино?

Из газеты: «Если в 91-м году прожиточный физиологический минимум составлял 289 руб., то в марте 92-го – 1190 руб., июне – 1943, сентябре – 3027, декабре – 5808 руб., в январе 1993-го – уже 8118 руб. в расчёте на одного среднестатистического жителя области».

10 января. – Бандероль что в Литву, что в Беларусь – один чёрт (вышли из рублёвой зоны.): «Это будет вам стоить около 1000», – один сборник в Беларусь, один в Литву – и вся моя зарплата.

«Томский вестник» в 4 раза поднял гонорар: 1200 за полосу.

1 февраля. – Князеву Солженицына ещё сотню подбросила – купил американских рубашек по 2500.

8 февраля. – Князев едет в Новосибирск покупать четвёртые джинсы (надо чёрные!), а к ним новую сумку. «Да, Н. В., вы вот бутылки сдаёте, а я, может, себе ещё одну куртку куплю: у этой пуговицы не так, распахивается. Жить-то надо» (точная цитата). Спекулянт, и надеется брать % со сделок. (Выгнал 15/II: бесплатно снимая у Пойзнера квартиру и часто у него обедая, загнал ему доллары по потолку. – 24/III. *Ничего не пожелал понять и втридорога загнал Пойзнеру дубли (!) книг, присланных ему из-за границы.*)

17 февраля. – К сторожеству дворничество на 0,5.

22 февраля. – «Ладабанк» сделал себе «презентацию», откупив драмтеатр на 2 дня. Прожрали 1,5 млн. Аукцион: за копейку 200 долларов. «У кого есть копейка?» – золотые часы. На доску Эрдману эта сволочь – ни гроша.

23 февраля. – Машинистки дерут по 50 руб. за страницу и печатают отвра-

тительно.

5 апреля. – 11 марта умер Саша Нечаев (*1951)! опился суррогатной водки. Казаркин с новыми ценами на билеты рискует остаться в Кемерово.

13 мая. – В поезде постель 100 руб.

16–22 мая. – Петербург. Телефон: жетон метро, – в Томске таксофон бесплатно, доход от автоматов переложили на абонентов. (27/Х. В октябре автоматы в Томске стали работать на червонце.)

22 мая. – Москва. ОМОН на вокзале только средство для поборов. В поезде с сегодняшнего дня постель 200.

1 июня. – Доллар перескочил за 1200.

17/V в Академгородке двадцатилетние убили одноклассника, сына миллионера, и стали требовать выкуп как за живого. Обрубили пальцы. Профессорские сынки. За 300 тыс. – на один пропой. – Молодёжь курит в коридорах научки! год назад и не помыслить.

21 июня. – Божилон, «кожник», пользуется солидом! последствия самые скверные. Сшибает с мучеников 300 тыс. в месяц и хвастает, что дойдёт до миллиона...

1 июля. – Я прокуриваю в месяц 2000 руб.

Пошли в оборот купюры в 50 000.

9 июля. – 15 000 на хлебный эквивалент – 32 руб. брежневских.

17 июля. – Обокрали и пытались сжечь квартиру надо мной. Обокрали квартиру Крюкова – унесли магнитофон и часы.

Пачка обычной бумаги 7500!

25 июля. – Изымают купюры 1961–1992. В ночном киоске еле взял пачку сигарет.

26 июля. – Нельзя купить спички и пр., продавцы не могут дать сдачу, многие киоски попросту закрываются. Доллар на чёрном рынке взлетел до 2000. (23/IX. 1300 к доллару официально.)

27 июля. – Ельцин очнулся: купюры до 10 руб. в ходу.

20 августа. – Карбованец = 13 коп. Как они там живут?! Тут коробка спичек 10 руб.

22–23 августа. – В Новосибирске дешевле: хлеб 80, яйца 190 (27/Х. В Кемерово дешевле и хлеб, и транспорт).

Безработный Аристов («Северо-Востока» нет) подозревает, что Князев присвоил деньги, данные в Москве на «Северо-Восток». За шесть публикаций в «Сибирской книге» Гендельман нарисовал 1109,10 (как странно мне начисляют!), предложив взять собственным сборником (30 штук по 36,97); взял. 2500 тиража лежит в издательстве: 92 500 руб., – увези хоть часть, а потом сочтёмся. Сидят в долгах.

Если б собрать виденные в Томске разорванные деньги – вплоть до сотенных, то можно было б оклеить стену, да клей будет дороже.

20 сентября. – 7740 за патент на книжную торговлю (документ через неделю).

22 сентября. – Всё та же война амбиций. Не дай Бог Ельцину сейчас возобладать – ничто его уже не удержит. Конституционный совет признал действия Ельцина с претензией на единоличную власть антиконституционными и от-

странение его правильным.

23 сентября. – Ельцин объявил о роспуске парламента, Кромвель сраный. Ира Гурьева-Тарасюк боится, что ребята на баррикадах у Белого дома, раздающие оружие под красным флагом, сделают депутатов заложниками, а среди них и её отца.

24 сентября. – Напали на штаб ОВС СНГ: убили милиционера; и у окна женщину шальной пулей, а может быть – чтоб не смотрела.

26 сентября. – Главпридурок назвал своё решение разогнать депутатов «единственно правильным, демократически тонким (?!), и к нему не придерёшься», – от скромности не помрёт.

На углу Кирова и Ленина плакат: «Томичи, за выход в люди, а не из России!». Оказывается, депутат Шамин (кто он у нас? – 1/X. *Председатель облсовета*) выдвинул идею: пока Ельцин не отменит указ, отчисления в федеральную казну не производить, – молодец! «Независимая» центральная пресса обозвала Томск чалдонатом. Увы, никаких призывов голосовать не видал – кроме плаката.

1 октября. – «Сибирское соглашение» в Новосибирске: многотысячный митинг за экономическую самостоятельность в рамках бывшей Томской губернии.

Ельцин дал указание вернуть Белому дому свет и тепло – и разоружить.

Радио – который день! – талдычит про пособие на хлеб: теперь осчастливленная нищая семья, выстояв невесть сколько за пособием, сможет купить 10 булок в месяц (впрочем, вздуют цены, а значит, не 10).

3 октября. – В 1 ч. кроме меня на голосовательном участке был лишь один человек! против атомного хранилища и за экономическую самостоятельность на правах (смачно сказано) республики.

4 октября. – Стёпка Сулакшин обрадованно сообщил, что референдум не состоялся: 20 % пришедших.

К полночи на 4-е люди Руцкого в Останкино и на нижних этажах мэрии, 20 убитых как минимум (5/X. *У ТВ более 60.* – 5/XI. *У Останкино толпа была безоружной.* – Тренин видел по ТВ, как убили прохожего).

8.00 по Москве. – Баррикады у Белого дома смяты бронетранспортёрами, с другой стороны – бутылки с зажигательной смесью (между прочим, горят две поливальные машины); пулемётные очереди по Белому дому. В Останкино горят баррикады.

12.00 по Москве. – Взяли 1-й этаж Белого дома, на одном из этажей белый флаг. Ельцин отказался от переговоров с Руцким: полная должна быть капитуляция, – поздно, мол. – «Поздно»! а что ему чужие жизни?

19.00 московского. – Арестованы Руцкой и Хасбулатов. Запрещены «День» и другие патриотические газеты.

5 октября. – Остались снайперы, другие боевики рассредоточились в районе ул. 1905 г. и Нового Арбата. Вечером была перестрелка в Лефортово. – Ельцину этот бунт необходим, как хлебушка кусок, – всех разом убрать. Это уже метод. Сейчас пославословит своих жертв и ожопит всю Россию.

6 октября. – Советы везде сдают власть администрации, торопятся поднять ручки. Запретили даже жалкую «Народную трибуну», наплевав на под-

писчиков (8/X. *Вроде б очухались, скорохваты*), – нуними ты редактора! Кандыба, раньше кричавший: «Нет, мы не дадим закрыть «Народную трибуну», – голосовал «за»! Ох, горбачёвские демократы...

12 октября. – «Народная трибуна» зарабатывает очки: нападение на представителя Президента с применением химического оружия, – а на самом деле при выходе из облсовета какой-то мужик сказал Стёпке: «Что, Степан, кровь проливаем?». «На войне как на войне», – ответил бодро Степан Степаныч, и тогда мужик Стёпку пнул.

19 октября. – По проспекту ветер, как листья, несёт кучу пятёрок, десяток – никто не поднимает.

27 октября. – Книжный заработок в октябре 61 720.

От центра народного творчества повёз в Москву на выставки бересту и живопись. Из пачки командировочных денег спёрли 4000.

29 октября. – Плацкорт до Москвы – 10 тыс., купе – 16 тыс., постель 400.

1 ноября. – Землянухин нашёл у Белого дома пулю со смещённым центром. Что с крыш били по толпе омоновцы, это и из радиопередач было ясно (крыши все заняли загодя).

4 ноября. – Лиза Пастернак со слов сбежавшей из Сухуми редактрисы радио: приехала 31-го, а 1-го Ельцин закрыл границу с Абхазией. Получала 100 купонов (7 руб.) в месяц, но не могла и хлеб купить. В новых домах собирались в подвалах и грелись у костра. Абхазы убивают грузин всех; убит 80-летний абхаз, укрывший мингрелов. К русским очень неприязненно относятся: вы двурушники.

14 ноября. – Ельцин отменил свои перевыборы. А что вы, дамы-господа, от него хотели?

Ледяной холод в доме. И вот – не у меня – прорвало три батареи... О! и у меня! ладно что замёрзла, а то бы книги паром загубило.

18 ноября. – Вчера рвануло батареи в двух местах. Сегодня в двух местах рвануло в коридоре, всё в пару – и в комнату тоже, проводка искрит.

23 ноября. – Шеймус Мартин из «The Irish Times». Более чем забавное интервью. Почти ничего не спрашивал, пили и пили. Шеймус просадил тыщ полтора (на 6-х) да я за початый графинчик водки свыше семи. Колоритно-с: небрит, в унтах, с «Беломором» – джойсовед! с рюмкой, «принятой на грудь» – то-то будет снимок. Говорят, что, судя по цене на вино, жизнь в Томске в 30 раз дороже, чем в Париже.

30 ноября. – Заработок вдвое меньше, чем в октябре: 36 тыс.

7 декабря. – Отменены транзитные билеты, – вот сервис! и удар по карману.

Квартира в состоянии ужасном, от сырости рушится штукатурка. Кран с горячей водой, недавно мной поставленный, в моё отсутствие отрезали (*в упреждение аварии*). И за купленные батареи (35 тыс.) соседи платить не собираются – даже с товарным чеком и актом из домоуправления – предстоит война с жилтрестом. Свет так и не налажен, но – счётчик работает помалу, причём лишь дверь откроешь (быть может, здесь замыкание?).

23 декабря. – Бубнов обиделся, что не стремлюсь никак в клуб палиндромистов: придётся выслать 700 руб. (30/XII. *Не выслал. И не отвечаю. Скверно.*)

28 декабря. – Правительство объявило, что цены в 94-м вырастут не более, чем в 4 раза. Ерофеев сказал бы: «Какие они милые!». И квартиры занимают длиной всего в этаж. А тут маются с зарплатой в 20 тыс. (и то «если в банке деньги будут»). Я хоть сдатчикам могу деньги чуть придержать – кроме Князева, который раздражительно сидит надо мной вороною на перилах и выхватывает за присланную ему западную литературу бешеные суммы (одет с игопочки – тряпками спекулирует).

Одни студенты сплошь в импортной шерсти, на раз пожрать выбрасывают 1½ тыщи, а другие беднота беднотой, книжку в 100 руб. не могут себе позволить.

30 декабря. – Доход в декабре примерно 110 тыс. И всё равно в новый год с долгами.

1994

Цены:

Хлеб белый 340 (6/I. В Екатеринбурге 220. – 3/IV. А в Тюмени до нового года было 20! Тюмень на дотации – даже не верится), 350 (11/I), 360 (18/I. В Новосибирске 310), 390 (начало февраля), 400 (22/II), 470 (до апреля), 530 (20/VIII).

Яйца 960 (4/I), 1150 (11/I) – но падала цена до 850 (VI).

Ж/д в 2 раза (15/I), ещё в 2 (7/IV)...

Автобус 50 (20/I), 100 (30/VI). Трамвай и троллейбус 30 (I–VI).

Конверт 65 (18/I), 75 (III), 165 (1/VI).

Квартира и коммунальные услуги 776 (I).

Телефон 1455 (II), 2240 (III).

Билет в кино 1000 (III), всё равно не хожу; 1500 (13/VI).

3 января. – На Новый год, 30-го, застрелили Рабиновича <глава нефтяной фирмы>.

4 января. – Князев за свою книгу положил себе в карман деньги вместе с моими процентами (я уходил курить). Теперь буду думать, что, быть может, таскал сотни из сдачи. Удивительная любовь к *чистым* купюрам (буквально), хрустящим. Какой мерзавец! Спекуляции шубами ему мало? Отдать ему книги.

10 января. – Наконец Князев соизволил забрать свои книги и заработанные за месяц 232 тыс. – как другие за десять. Научка затребовала за аренду 46 800, без князевских книг весь месячный заработок: трест лопнул.

24 января. – Ректор объявил, что прирабатывающие должны отчислять от приработка в фонд университета!

Что в грязи соседней? Н. Солженицына, держащая Князева как бы за сына, оставшегося в СССР, выбила ему гонорар из «Русской мысли» и отдала Санниковой. Князев звонит – Лена отвечает, что ничего не знает (вполне может сказать, что эти деньги ушли бывшим политзэкам – по сумасбродным адресам; *NB: и вернулись*). Князев намерен устроить в Москве очную ставку.

27 января. – Гуманитарная помощь: просроченные витамины.

Плацкарт до Москвы 25 730, купе 40 205, постель 1200 (в марте цена постели та же).

1 февраля. – Кое-где в кооперативных не берут 100- и 200-рублёвые купюры. Цены бегут чрезвычайно и каждый день; в кафе на Пушкинской кофе подскочил на 100 руб., выпечка вдвое.

6 февраля. – Мужик из Тюмени: срезали у спящего сумку с плеча – 600 тыс. Даже нищих разувает без совести. Разговоры о грабежах в поездах (в августе 92-го Егоров спросил об этом – о Сибири. «Нет, это на Кавказе»).

18 февраля. – Кое-где получают по 10 тыс. (в облсовете библиотечарша на неполное рабочее время 110 тыс.). А по сёлам закрывают библиотеки и отдают клубы под рестораны, – гуляй, Ванька! Многим не платят с ноября, но держатся за рабочие места, не уходят.

1 марта. – Старший научный сотрудник музея на 0,5 ставки.

110 тыс., по «Аргументам и фактам» № 8, это 70 бывших рублей (110 руб. = 7 брежневских копеек).

19 марта. – Кресс выдал 115 млн на сооружение стел в Лагерном саду в память погибшим в Отечественной войне. Да ведь они там есть, около десятка! а мог бы радикально решить проблемы хотя б в двухстах семьях или на явное дело употребить.

25 марта. – В 2 часа ночи под Называевской молодой кавказец полез в карман висящих брюк. Поймал за руку, взял за шиворот. Шепчет: «Что вы хватаетесь? Я сигарету хотел спросить». Погнал, а надо было врезать; только проводнику предупредил.

Одна соседка: под Белым Яром хлеб дают под запись по конторской квитанции, на станции и в лесу больше 160 тыс. не платят, да и те не дают; огородов нет – болото. Другой сосед: с 1977 (!) мотается по Союзу, выполняя заказы тому-прочему – часы, тряпки, оружие, ювелирные поделки – призывал перебираться из Томска, где ни воды, ни воздуха, в Ульяновск, где творог 7 руб. кг, или хоть в Сарапул, где кило картошки 80 руб.

27 марта. – Москва. Метро 100 руб. (в 2 раза подскочило).

Парнишка, смолящий «Данхилл», выбивающий деньги отовсюду и скулящий, что у него их нет, судя по всему, только с Солженицына запросил на «Шпета в Сибири» вдвое больше, чем нужно. Стас и Пойзнер очень подозревают, что многое из запрашиваемого прилипает у Князева к рукам.

21 апреля. – Налог на букинистику 20 288 (ноябрь 1993 – январь 1994). Хотели взять 30 тыс. штрафа за опоздание на три недели, – я сказал: «А не надо», – тон убедил.

Стёпка Власкин, в мечтах будущий киллер, разбив окно квартиры на Белинского, унёс володин телефон за 25 тыс. В парнишке ноль эмоций, проще сейчас удавить. Родители его тоже воруют.

23 апреля. – Вчера в подвале детского сада в Академгородке, напротив нас, зарезали двух мужчин. Нынче по городку бродит наряд внутренних войск – для галочки.

29 мая. – Опять грабанаули квартиру на Белинского: Халфин, судя по всему (26/VII. *Отрицает. Неубедителен*). Сожрал банку капусты, насвинячил, разбил ночник и старый телефон, унёс володины плоскогубцы и с десятков книг, по

дороге потерял (*выбросил?*) утюг; вынес и рулон линолеума, но, видимо, возвращаться не было сил. Жаль книгу про суфизм в переводе Ставиской (всё-таки подарок).

30 мая. – Пока Саша Карташёв разговаривал со мной в автобусе (1 минуту!), у него украли 30 тыс.

2 июня. – Деньги портят человека: Джаб-Джаб (ну это жулик), заколачивающий по 3–5 млн, тянул месяц с заёмом 150 тыс. и не дал; Доев, рассказывающий, как сэкономил 1,2 млн на покупке мотора – также. Володю Борейшу явно надули: вместо 100 тыс. за установку телефона взяли 1,2 млн – и никто из его друзей коммерсантов-банкиров ничего не дал, по своим же сирым и занимал. Как всегда.

5 июня. – Труп старой, бедно одетой женщины возле университета: в 20 м от светофора сбила «Волга». Вообще, сейчас гораздо чаще автомобилисты перестали обращать внимание на красный свет.

7 июня. – Нагло на красный свет проскочил автомобиль с восточными людьми: изо рта кинул в салон сигарету (вспышка злобы). «В следующий раз зарежут». «Следующий раз это другой раз».

14 июня. – Сокращение штатов (просвещение, культура... здравоохранение!) по распоряжению местной администрации, фонд зарплаты урезают на 10 %. На истфаке увольняют 17 человек, лаборатории закрывают до конца года (отпуск без содержания).

22 июня. – Уволился из музея.

28 июня. – Беженцы из Душанбинской области, 1990. Медсестра: 564 убитых за три дня, грабёж, машины, гружённые камнями, палками и водкой. 8 тыс. русских осталось в Душанбе из 80 тыс.; многие контейнеры беженцев вскрывали, а документацию уничтожали.

11 июля. – Тётка в автобусе: «Пенсия 39 тыс., а с 1 июля за баллон газа отдай 45!».

Путёвка в Сочи стоит 1,6 млн.

Шахтарин сказал, что 3 млн, выписанные комиссией на «Шпета в Сибири», и ждать не стоит, ибо надо издать краеведческую книжку Казанцева (*так на «Шпета» никто ничего и не дал*).

29 июля. – Тезисы из Череповца (11 500 наложенным платежом!), 5750 за две хилые книжки: впору прекратить давать материалы.

Обворовали бывшую Володи Борейши жену: золото, магнитофон и пр.

3 августа. – Ж/д плацкарт до Москвы – 50 900, от Москвы до Новгорода 14 400 + 4200 комиссионные = 69 500 (*сравнимо с зарплатой старшего преподавателя в Новгороде в 1994 – 75 тыс.*).

12 августа. – У Тани Галкиной шпана вырвала пакет.

Облсовет вбухал ¼ млрд на празднование 50-летия области.

□—————
Дорогой Николай Валентинович!

*Томские писатели сердечно поздравляют Вас с юбилеем.
Успехов Вам в исследовательской работе и в создании
новых прозаических произведений.*

Ирина Евтихиева

Томский иконник Серапион

Отрывки из книги

Вопреки известному литературному приёму, когда пишущий вкладывает собственные воззрения и мысли по тому или иному поводу в уста своих героев, целью этого труда явилось стремление как можно более полно передать услышанное. Здесь не пришлось ничего додумывать, лишь сожалеть, что в своё время было приложено недостаточно стараний для того, чтоб успеть – глаза в глаза, воспринять и зафиксировать воспоминания этих людей, очевидцев и участников трагических событий Русского двадцатого века.

Людей, уходящих негромко.

Людей, принадлежавших к редкой, исчезающей уже породе. Оставивших нам крепкие заводы, железные дороги и не вырубленные леса, Великую Победу, а главное – опыт изучения сложнейшей из пройденных ими наук: воспитание своей души.

Сказавших напоследок – Теперь пришло твоё время эту землю любить...

В основу текста положены воспоминания семьи Вепревых – иконописца Серапиона и трёх его сестёр, монахини Афанасии, инокини Капиталины и инокини Александры, которых выпало счастье долгое время знать, слышать чистую русскую речь, просто быть рядом.

Матушка Александра

– Сто лет... Боже мой, Боже, неужели это происходит со мной? Ведь это мне, мне сегодня сто лет! Сегодня шестое мая, а правильнее – двадцать третье апреля, как раньше записывали, мой день рождения и память царицы Александры, моей небесной защитницы. Она была супругой гонителя христиан Дикоклетиана, он и умучил её за исповедь веры в один день со святым Георгием Победоносцем.

Помню, что в победный 1945 год на шестое мая пришлась Пасха Христова! Может, и ещё кто помнит, как внезапно жаркое тепло пролилось на Сибирь в те великие дни, – черёмухи аж вспыхнули белым светом, все враз зацвели! Сколько радости, сколько горя...

Кажется, это было только вчера. И наше детство тоже – будто вчера, живёт в памяти каждым своим мгновением, свернулось воробышком и ждёт, чуть прикоснись – затрепещет, забудётся, защебечет...

Ах, как торжественно отмечали у нас праздник Георгия Победоносца, царицы Александры и, конечно, мои именины. После службы папа неизменно, но

каждый раз по-новому рассказывал о небесном величии этих святых, а мама под наши восхищённые вскрики вытаскивала из горячего печного пода мой любимый пирог с капустой и ставила его на середину большого стола!

Мамочка, мамочка родная, и в сто моих лет как не хватает твоих внимательных глаз! Как же я соскучилась, так бы и побежала к тебе туда, где жизнь дышала теплом и любовью, которую ни от кого больше не испытать...

Господи, всё время – Твоё. А оно, время, – источник энергии звёзд, физик один так поэтично высказался, читала. И для меня Ты выделил тонкое волоконец, что зовётся моею жизнью, и вплёл его прозрачным челном в блаженную материю Своей вечности.

Ничего уже не изменить, но ничего и не забылось...

Вся эта жизнь, моя и моих близких, лежит сейчас передо мной, как на ладошке. Помнится отчётливо, как однажды мамочка и папа обсуждали слова нашего старца, отца Василия, о том, что один из их детей проживёт долго, до ста лет. Братья и сёстры спали, а я услышала. Вот и сбылось. Как и всегда всё сбывалось, о чём говорил старец незабвенный...

Сидя в постели, матушка Александра, сосредоточенно вглядываясь, перебирает фотографии, подолгу прижимая каждую к груди, обнимая сердцем своих любимых.

– А ведь не помню, жил ли уже тогда на этом свете мой братик Симочка, наш дорогой Серапион. Я родилась в 1914 году, он, стало быть, в 1921, значит, и к нему слова старца Василия о долгом жителстве могли относиться. Только куда там – сто лет. С его-то, симочкиной, судьбой, самой скорбной из наших. Хотя для всех тяжкое время выпало, для всей России. Ох тяжкое!

Закрывая глаза она вздыхает, снова и снова по-детски легко переносясь в любой из прожитых дней.

Семья

Жизнь семьи Вепревых, а особенно младшего, Серапиона, для большинства казалась странной и непонятной. Главным делом, он ещё подростком избрал запрещённое и проклятое после революции ремесло, которое иных тайно манило к художнику, а пуще – пугало. Само слово «икона» в те годы, когда этот опасный труд выпал на долю Вепрева, употреблялось не иначе, как с прилагательным «древнерусская» – значит, созданная в незапамятные времена. А не сегодня! Когда не одним народившимся в годы революционных перемен Виленам, Сталинам, Кимам и Миррам, но самому отсталому элементу срочно, до разреза, должно было уразуметь, что икона есть нечто несовместимое с реалиями социалистического дня, и в лучшем случае ей, как «произведению искусства», место в музее. Но только в столичном музее. Чтоб не искушённые в «свободе вероисповедания» провинциалы лишнего чего не вообразили.

В те годы, когда почти никто на Руси не писал икон, к Серапиону Вепреву за необходимой работой обращались священнослужители сибирских городов.

Сегодня каждому известно, что двадцатые годы двадцатого века в России

ознаменованы началом невиданных по дьявольской расчётливости и по своим масштабам гонений за веру, превзошедших всё, что выпадало испытывать когда-либо последователям Христа. Русская революция оказалась не столько политическим, сколько религиозным актом, вернее, она привнесла в мир невиданную дотоле систему антирелигии, обрушившуюся на всех верующих в Небо направленной, отрегулированной железной машиной.

Родившийся 14 мая (ст. стиля) 1921 года в семье Фёдора Ефимовича и Доменики Петровны Вепревых Серапион был самым младшим, седьмым ребёнком из оставшихся в живых детей. Родители удивительно точно, если не сказать промыслительно, назвали своего младшего сына в честь египетского святого IV столетия Серапиона Синдонита, который кроме Евангелия имел лишь одну вещь, грубую льняную тунику – синдон. Даже среди самых ярких агиографических сказаний жизнь этого подвижника поражает евангельским совершенством. Он странствует ради Христа, не имея даже тесной кельи, спит там, где застанет ночь, питается тем, что подадут, никогда ничего не имея про запас. Образ нестяжательного святого, собирающего духовные богатства, становится примером и крепким оселком в жизни самого Серапиона Вепрева.

С самого детства каждый из детей Вепревых знал, что в этом «новом мире», откровенно враждебном для христиан, может принять страдания и даже смерть, если не откажется от своих убеждений, а то и от родителей, для того времени чересчур открыто набожных. Отец и мать Вепревы, люди простой и ясной жизни, считали веру главной святыней сердца, они старались наполнить жизнь своих детей добротой и любовью, постоянно водили их в храм для причастия, считая, что лишь такие Дары могут уготовить душу для Вечности и напитывать человека всю земную жизнь.

В начале 1900-х годов супруги Вепревы приехали в Томск из Вятской губернии – «от малоземелья и недорода».

– Раньше-то в Вятке все были верующие, такой Богом отмеченный край, говаривала матушка Александра.

Фамилия «Вепрев» до сих пор нередко звучит на Вятской земле.*

Так повелось с начала освоения Сибири, что уж если решались «из России, Малороссии, Польши, Литвы» перебираться в её широковоленные, не подвластные никакому засилью просторы, то, как правило, собирались в дальний путь и ехали целыми фамилиями-семьями. От царского правительства переселенцы получали очень солидную «казённую» помощь. Для них была введена гораздо более низкая цена на билеты, предусмотрены ссуды на переезд, давались безвозмездные кредиты для обустройства на новом месте. За три года до 1910-го только в Томскую губернию прибыло более 855 тысяч человек.

* О том, что предки Вепревых издавна жили в этих краях, свидетельствуют летописи. Так, «Вятский Временник» сообщает, что 22 сентября 7209 (1701) года «учинился пожар в Хлынове (Вятке) у Засоры, у Савы Вепрева, и згорели церкви все, и иконы, и книги, и ризы, и людей 6 человек, и кремль город весь, и на посаде по Московской и Спенцынской, и Копанская улицы, и в подгорье все до земских бань, и Успенский монастырь, и девичья церковь». А «Переписная книга» города Вятки за 1710 год упоминает в ряду прочих «Вассу Федорову дочь Яковлеву жену Демидовых, Анну Васильеву дочь Фоминскую жену Вепревых».

К моменту приезда Вепревых в Ключах под Томском уже жила родная старшая сестра матери, Доменики Петровны, Татьяна Петровна. До замужества сёстры носили фамилию Юдинцевы. Их род также относился к исконным вятско-хлыновским, а фамилия Юдинцевы – к числу старейших на Русском Севере.

– Она была просто живой Ангел, тётя Таня, такая тихая и смиренная! Мы её и звали Ангелом, – вспоминали сёстры Вепревы. Муж у Татьяны был плотник, «да в Вятке все, все буквально такие умелые, такие искусные были древодёлы! Всего-то и инструментов топор, долото, да нитка с отвесом, а какие стройные, резного узора избы ставили!

Исстари на Руси сложилось уважительное отношение к плотницкому труду, в деревнях считали, что хитрить с мастерами, обманывать их нельзя, а то «заговорят избу хозяину на голову».

Фёдор со своей Домнушкой Юдинцевой венчался в Вятке, она, как положено, стала Вепревой, а в Томск они добирались вместе с семьёй старшего брата Фёдора, обожаемого детьми добрейшего дяди Онисима.

Онисим Фёдорович Вепрев «надсадился на работе» и умер в начале 1920-х годов. Его сыновья Аркадий и Герман погибли в Отечественную. Серапион Вепрев всегда поминал их в церкви за литургией. Говорил – воинов на Руси особенно поминают. Так должно быть!

А сёстры Вепревы часто говорили: – Вот уж работники были отец да дядя Онисим, в руках всё спорилось! С обязательным припоминанием векового дедовского ещё завета: всего, что делать умеешь, за плечами не носить. А с умением – добро.

Глава семьи, Фёдор Вепрев, был первоклассным резчиком по дереву, он оказался одним из тех безымянных на сегодня творцов, что не только возводили, но и сами могли украсить статные городские дома-терема кедровым узорочьем.

Есть и его весомая лепта в создании признанного всем миром сказочного и затейливого, беззащитного и причудливого томского деревянного кружева, безмолвно исчезающего в чадающем бензиновом огне.

Вятчи знали все секреты старинного плотницкого мастерства: и что дерева для постройки должны быть хвойники 80–100 лет, выросшие на возвышенности в «кондовом» лесу, – у таких плотные ровные годовые кольца, а не в «кремлевом», болотистом – их древесину ни пилой, ни топором не возьмёшь; и что строить на века можно только из комля, выведя все брёвна под один диаметр. А ещё при рубке стен надо было умудриться положить высушенные не менее четырёх лет брёвна (да чтоб солнышко на них не светило, а то будут трескаться), по сторонам света, внутрь дома южную сторону дерева, более пористую и тёплую, а наружу вывести северную – твёрдую и прочную. Да много ещё насущных знаний включало плотницкое искусство... Вот, например, если не хватало лиственницы на фундаментальные нижние венцы, так вместе с камнем-плитняком под дом вкапывали «стулья», лиственничные чурки, предварительно обмазав их горячим дёгтем – от грибка.

И стоять бы этим палатам в Сибири сотни лет, кабы не «сторотая перестройка»*...

Разве можно сравнить живую очеловеченную избу, возведённую под нрав и порядки хозяина, с сегодняшними многоэтажными постройками для жилья, часто сляпанными на продажу, абы как, глядящими на мир уныло, а то и – с рыкающей заносчивостью. Русские плотники-древodelы всевозможными резцами, долотами и стамесками вырезывали и выбирали на дереве не одни лишь выемчатые геометричные треугольники да ромбы. Душа просила замысловатого художества, когда на фоне контурных стеблей процветали розы и ромашки, а сквозные сибирские папоротники оборачивались райскими кудрявохвостыми павами и улыбающимися животинками. Под стать норовистой красоте своей земли возносились высокие устойчивые резные хоромины. А лёгкие островерхие церкви накрепко связывали этот край с Небом.

Братья Вепревы работали в городе, а жили на станции Предтеченск, тогда она называлась – площадка. Семью Фёдора поселили в тёплом и просторном «казённом» доме на несколько семей, там родились десять их детей, трое из которых умерли во младенчестве.

После революции Фёдор Вепрев, несмотря на все свои умения и золотые руки, смог с большим трудом – «религиозник» – устроиться на Предтеченске лишь переездным сторожем, а затем путевым обходчиком. Дорога до Томска и от него была в один путь, и, чтоб не случилось беды, необходимо было быть предельно внимательным.

В эти годы после проводимой большевицкими лидерами продразвёрстки, уничтожения частной торговли и денег страну настиг спланированный голод, охвативший самые плодородные земли – Украину, Дон, Поволжье, Южный Урал.

Даже сегодня не принято называть имён истинных виновников чудовищных преступлений и массового геноцида, в частности, председателя Реввоенсовета Троцкого.

Взрослые члены семьи Вепревых, как и тысячи тех, что навывкли думать своей головой, осознавали, что голод был задуман именно им, главным теоретиком и практиком «красного террора», по простой и действенной схеме, когда у людей изымались все «запасы продовольствия», а их доставка, ввоз, производство наличных продуктов, а на самом деле – не ввоз и не производство – были полностью взяты под контроль в целом ряде районов. Число смертельных жертв от первого голода 1921–1922 годов, по самым скромным оценкам историков, превышало пять миллионов человек.

Голод стал удобным поводом для массовой атаки властей на право-

---

* Надо обязательно запомнить и детям передать, как именовали наши предки главные части дома: фасад издавна считался лицом, а резные объёмные украшения, обрамляющие окна, – наличниками. Фронтон звался челом, очельями – кружева, украшающие фронтон, доску же, что прикрывала переход, соединение сруба и фронтона, повелось именовать лобной.

славную церковь. Под видом изъятия церковных ценностей для борьбы с ним из храмов Томской губернии было изъято несколько тонн серебра. Многовековые паникадила, подсвечники, редкая красота церковной утвари и драгоценные оклады древних икон – всё переплавилось в безликие слитки. Вскоре и вовсе все томские храмы закрыли, большинство разрушили.

Многим «бывшим» переезд в «богатую сибирскую сторону» казался спасением – здесь и затеряться, и прокормиться было легче. Пока не забрали паспорта, поближе к городу старались перебраться и местные жители из тех, чьи хутора и деревушки оказались разграблены разномастными бандами в ходе «революционных битв». Бросая обжитые пятистенки, люди ставили на «площадке Предтеченск» маленькие домишки под соломенными крышами. Осенью на подопревшую солому накидывали новую и покрывали незатейливую конструкцию связанными ветками – «макушами». «На крыше с одной и с другой стороны подадут макушу и вверху свяжут, вот и новая крыша». Пригород заполнялся маленькими слепенькими избушками. Если столь же незатейливое и не отличимое от других строеньице было покрыто дёрном, то называлось оно уже – кузня, дёрн которой во время работы ещё и поливали водой, чтоб не полыхнуло.

Вепревым собственный дом дался особенно трудно – отношение к «церковникам» становилось год от года жёстче. Где-то в конце 1920-х всю семью просто выгнали на улицу, пришлось на лето поселиться в сарае у соседей. Незадолго до этого Фёдор Ефимович по случаю купил у переселенцев икону Богородицы Казанской. С этого образа Царица Небесная участливо глядела на Своих страждущих детей, «как живая». И вскоре без молитвы перед Ней не принималось ни одно семейное решение.

Самый день празднования иконы Казанской, 4 ноября, почитался в семье одним из главных праздников, Доменика Петровна всегда говорила, что «именно перед Ней надо молиться о добрых вождах России».

А потом, как вспоминали в семье, ей случилось видение: в горестных переживаниях о том, что дети могут оказаться бездомными, женщина ходила по окрестностям Предтеченска, примеряясь, где можно было бы «самовольно и незаметно» поставить крохотную хибарку на зиму, как вдруг увидела их Казанскую, которая, «снявшись с места», оказалась рядом с ней у небольшого пригорка. Вокруг него образ и «обошёл», остановками указывая, где должны стоять углы будущего дома. Получить землю под строительство у начальства, в правлении Томской железной дороги, такому «ненадёжному элементу», как Фёдор Вепрев, нечего было и думать. Однако именно этот пригорок чудом достался семье Вепревых. И они твёрдо знали: Матушка Богородица не только Сама выбрала место под строительство, но Её милостью им удалось невозможное – законно оформить землю в правлении. Дом построили на удивление быстро – «Серапион совсем мальчик, а молился неустанно». Только вот умелому Фёдору материал достался не самый лучший, начальство выписало для рубки один осинник – в лучшую-то пору не принято было строить из этого дерева,

не держащего тепла. Стойкие к сырости доски осины или осиновый фигурный лемех, дощечку, укладывали только на крыши. Вот и вышла постройка довольно холодной, в морозы требовалось постоянно топить. Но пусть и такому, зато своему дому все были рады без меры.

Отец тут же завёл пчёл, он вообще считал этих живых существ одним из видимых чудес. «Уважение и внимание» к ним, как все отцовские умения, передалось Серапиону, который считал, что «Пчёлка на этой земле великая труженица!». В старании больше узнать о них много позже, уже в 1960–70 годы ходил на собрания Общества пчеловодов. Имевшие сотни ульев члены общества, недоумевали:

– И зачем ходишь, у тебя же всего пять колодок.

А он-то ещё с детства собирал о них любые крохи знаний, мог часами смотреть на действия «разумных пчёл, трудящихся на общее благо – вот бы у людей так!».

Конечно, он знал и о природном инстинкте, действующем в живых существах, но считал, что невозможно свести к нему одному навсегда загадочные явления мира Божьего: ведь «пчелиная ячейка – это самая прочная в природе конструкция», идеальная шестигранная форма сосуда, не имеющая равных по вместимости и прочности, а сами пчёлы могут удлинять свою жизнь, порой в 5–6 раз, если это необходимо для сохранения семьи. Пчёлки же старики знают срок своей кончины и летом вольно вылетают на погибель из улья.

Фёдор Ефимович обучал Серапиона азам и тайнам пчеловодства: есть, мол, растения, у которых при опылении пчёлы не могут взять мёд, «это люпин, кукуруза и даже шиповник, но зато сколько с них получается полезной пыльцы». Самым полезным в семье считали гречишный мёд. Правда, после революции родную для Сибири гречиху во всей томской округе выращивал всего-то один человек, житель деревни Писаревки Василий Базольский. Гречишного мёда всегда оказывалось не достаточно. Серапиона и других детей, любивших рисование, мама водила на поля цветущей гречихи, специально, «показать красоту», – ни листьев, ни земли не видать, сплошной ажурный бело-розовый ковёр.

А самый первый мёд послушливые пчёлы приносили с вербы, потом с разнотравья лесных полян – лабазника, кипрея, малины, да так всегда много, что люди диву давались, а кто и завидовал. Как-то раз, ближе к осени, ночью выкрали все ульи. Расстроенная Александра долго не могла унять слёз, а отец строго сказал:

– Шура, Шура, разве такая это беда, чтобы плакать?

Вот один рой и прилетел обратно.

«Так папа их как-то без улья упаковал в рамках на зиму. Они потом опять размножились».

«Ульи» – первая живописная работа Серапиона, написанная из окна их первого дома. Окружённый чистыми полями, этот дом стоял по дороге, что вела когда-то на заимку женского монастыря, в свободном отдалении от старого Предтеченска, постройки которого тесно лепились вдоль железнодорожной линии. (Это сейчас мимо их дома проложили трассу в Аэропорт.) Четырнадцатилетнему автору удалось почувствовать несказуемый надмирный простор

такого маленького кусочка земли, передать его сокровенную правду с предельной простотой, уважением и искренностью. Невозможно научить человека слышать и видеть Жизнь. Это дар Божий. И этот дар заставляет художника, застигнутого красотой мира с его фиалками, звёздами, тайгой и первым снегом, раздумчиво делиться обретённым восхищением с окружающими. Серапион расположил землю и небо в одной плоскости. Пространство выровнено снегом, и воспринимается слитно, и в то же время незамкнуто со всех сторон и изнутри, напоминая мир православного образа. И домики ульев без изменения перспективы помещены один за другим – совсем по-иконному – с видом сверху и сбоку одновременно.

В этой работе, как и в поздних, более зрелых, ощущается какая-то необычайная степень вчувствования, приближения к реальному миру, и в то же время – свобода от него, устремлённость в вечное и вневременное. Эта своего рода двойственность иногда поражает нас в картинах гениальных художников и детей.

Предтеченск

Вспоминая о Предтеченске своего детства, Вепревы называли его «земным Раем», так красиво и благодатно было когда-то это место, заросшее могучими соснами и кедром с белыми вставками берёзовых колков, со стоявшей недалеко от их дома – в полутора километрах от железной дороги – деревянной резной церковью во имя иконы Богоматери «Достойно есть». Храм стоял на заимке, принадлежащей Иоанно-Предтеченскому девичьему монастырю.* Отсюда и название всего поселения – Предтеченск, чудом сохранившееся до сего дня.

Сам же этот монастырь был основан после того, как в 1864 году начальница женской общины, вскоре переименованной в монастырь, «купеческая вдова Екатерина Михеева», в пострижении – игуменья Евпраксия, получила землю от «Томского 1-й гильдии купца Ивана Еренева» и «купеческой жены Наталии Хромовой». Земля располагалась по улицам Апполинарьевской, Симоновской, Торговой и Буткеевской, ныне – Студенческая. Учебная, Вершинина и Усова. Здесь возводится сначала соборная церковь в честь Успения Пресвятой Богородицы, затем храм во имя Иннокентия, святителя Иркутского, и домовая церковь Иоанна Предтечи вместе с различными келейными корпусами и монастырскими постройками. С первых лет основания обители здесь устроили детский приют, включающий школу «для приготовления сирот, девочек духовного звания, в Епархиальное училище».**

На средства, пожертвованные настоятельницей монастыря игуменьей Евпраксией для этой школы в 1870–1878 годах был выстроен каменный двухэтажный корпус. Перед революцией в разных классах школы обучались около ста воспитанниц.

* Кроме нескольких пожилых вдов, более трёхсот насельниц обители в монастырских списках разных лет обозначены как девицы.

** ГАТО. Ф.170. о.1. д.3386. л.20.

С годами в обители с уютным размахом устроились всевозможные производства, организованные рачительно и умело: типография и переплётная мастерская, пекарня для печения просфор, которыми Предтеченская обитель обеспечивала почти все градские храмы и мужской Богородице-Алексеевский монастырь. В подростшей липовой рощице поставили три просторных строения для детского Приюта и Дома Трудолюбия с домовою церковью во имя святого Феодосия Черниговского. В приют принимали девочек-сирот, лишившихся родителей после страшной эпидемии холеры 1892 года, как и Дом Трудолюбия, устроенный попечением епископа Томского Макария* по образцу «первого в России Приюта и Дома Трудолюбия Иоанна Кронштадтского».

Со временем в томский Дом Трудолюбия и детский Приют стали принимать вообще всех бедных сирот, которые оставались здесь до 18 лет, обучаясь грамоте, рукоделию и какому-либо востребованному в дальнейшем ремеслу. Целью Дома Трудолюбия было дать возможность «приходящим девицам и женщинам», не «имевшим или потерявшим кормильца», попавшим в тяжёлое положение и оставшимся без пропитания, заработать собственные деньги, что в то время было очень затруднительно.

Монастырские дела продвигались на удивление легко: в 1890-е годы при обители открылась прекрасная больница с хорошей аптекой, которой заведовал член врачебной управы доктор Еланцев. А после встречи игумении Зинаиды (Котельникова, ум. в 1916) со вдовствующей царицей Марией Фёдоровной в Санкт-Петербурге в 1898 году томский Дом Трудолюбия и Приют переходят в ведомство императрицы, получая её широкое покровительство.

Далеко за пределами города славились работы томских золотошвей, многие монахини и сами владели, и обучали способных воспитанниц Приюта и Дома Трудолюбия вышиванию «атласным швом», шёлковыми нитями и золотому да серебряному шитью – «в прикреп». Несколько сохранившихся в разных местах деталей церковных облачений свидетельствуют об искусном мастерстве сестёр Иоанно-Предтеченской обители. Их редкое умение позволяло соответствовать взыскательным требованиям и выполнять самые «строгие» заказы, в том числе и для двора Его Императорского Величества.

Могучая первозданная подлинность и былинный размах прилегающих к Томску земель, свежий кедровый простор, что терпким уколом в сердце вдруг остро отзывался проникновенной нотой сопричастности этой высокой красоте, вызывал восхищение всех, особенно оказавшихся здесь впервые. Сначала о невиданных просторах, а потом уж и о богатстве этого края с восторгом высказывались историки, географы и государственные деятели – Г. Ф. Миллер и А. Ф. Мидендорф, П. С. Паллас, И. Г. Гмелин, А. Гумбольд, Г. В. Стеллер, М. М. Сперанский.

Но даже на всеобщем фоне редкой живописности земель Притомья одним из самых красивых мест, расположенных к тому же неподалёку от города, считалась «Александрова Дача». Именно её роскошные леса в начале 1880-х годов

* Макарий Невский-Парвицкий, 1835–1926. Епископ Томский и Семипалатинский, 1891–1906; архиепископ Томский и Алтайский, 1908–1912; митрополит Московский и Коломенский, 1912–1926. Канонизирован в 2000 году.

отвели под монастырскую заимку, которая позволила насельникам полностью обеспечивать себя всеми необходимыми продуктами.*

По благословению епископа Макария игуменя Серафима (Долгих, ум. в 1898) «построила на заимке деревянную церковь во имя иконы Богородицы «Достойно есть» на личные средства». Храм заложили в 1897, а освятили в следующем году. Высокий и лёгкий, с изящными чешуйчатыми главками, он взлетел вверх в прославлении красоты земли и Неба, став единым целым с миром Божиим.

– Таким весёлым с этой церковью казался весь белый свет! – вспоминала матушка Александра.

С женской рачительной заботой и тщательностью отлаживается хозяйство монастырской заимки: здесь заготавливали первосортные берёзовые дрова для своих нужд и продавали их излишки, а «монастырский сыр и масло» в томской округе считались наилучшими. Кроме большой пасеки, скотного и птичьего дворов в Предтеченске были устроены свечное, воскобойное и воскобельное производство, располагались ухоженные ягодники и огороды монастыря. А как ладанно благоухали цветущие яблоневые и вишнёвые монастырские сады, как тяжелели плодами к сентябрю деревья «сибирских» сортов!

Вокруг заимки простирались обширные сенокосные луга, требующие многих сноровистых рук. Вепревы всегда старались помогать обители, чем умели. Фёдор Ефимович, например, каждое лето косил траву на заимке, отбивая при этом всем трудницам литовки. А они-то, приветливые и улыбчивые даже в посты, всегда работали с пением молитв и тропарей.

Матушка Александра признавалась, как крепко в её сердце впечатался образ несказуемой радости, озарявшей лица монахинь и послушниц, что стояли в белых платочках в своём храме Богородицы «Достойно есть» по праздничным и воскресным дням. И сами Вепревы, как драгоценный дар, хранили и пестовали эту радость до глубокой старости, встречая каждого искренней улыбкой.

Старшая из сестёр, Анисья, приняла в начале 1960-х годов тайный монашеский постриг с именем Афанасия. Это был первый в Томске постриг после долгих лет гонений. Вскоре инокинями стали Капитолина и Александра. Их всех постригал игумен Серафим (Брыскин), ныне архимандрит, духовник Свято-Благовещенского женского монастыря в Красноярске.

На церковных службах в церкви монастырской заимки всегда бывали и воспитанницы приюта Дома Трудолюбия, они приходили в небесно-голубых платьях, белых носочках и туфельках цвета шоколада. Маленьким Вепревым казалось, что приютские девочки самые красивые, а значит, самые счастливые на свете; семья жила стеснённо, в летнее время дети ходили босиком даже в церковь. Девочек из монастырского приюта в Томске звали «приютяне», «всегда аккуратные, они на людях появлялись только в белых фартучках, с ними воспитательница».

* Летом 1886 года у Предтеченского монастыря было куплено около 10 гектаров земли под строительство железной дороги. Землю оценили в огромную по тем временам сумму 620 рублей 15 копеек серебром. ГАТО. Ф.170. о.1. д.2730а.

Неукоснительным правилом с детства становится для Вепревых посещение храма, где только и возможно навикнуть личной встрече со Христом, приобщиться Его радости, не мирской, тревожной и сиюминутной, но величайшей, восстанавливающей силы, преображающей душу.

1920-е

В 1920-м с приходом советской власти девичий Иоанно-Предтеченский монастырь принимает на себя репрессии и разорение. Самым первым из всех «богоугодных заведений» Томска.

Когда поздней осенью разрушали Предтеченскую церковь Богоматери «Достойно есть», таял снег; увитые виноградом изящные балясинки и арочки, наличники с крестами, резной цвет диковинных подзоров срывали и бросали прямо в грязь. Обнажившиеся жёлтые брёвна призывно точили острый смолистый дух, какой бывает при начале хорошей стройки... Жители Предтеченска стояли вокруг своего храма и бессильно наблюдали, с каким нескрываемым наслаждением извечных вандалов его кружевные обломки втаптываются в ледяную жижу. Пока всё это бесчинство сипело и рыкало разором, мальчишки схватились внезапным пугающим весельем, упавшим на них, как сель с горы, «они буквально бесились, по-обезьяньи поднимали руки и прыгали вокруг церкви, орали не своим голосом и с выпученными дикими глазами валтузили друг друга».

Поначалу, поверив обещаниям властей не трогать «трудовой элемент», монахини, знавшие и любящие работу, постарались устроить свою сельскохозяйственную артель пока её не разорили и не закрыли. После этого самых стойких, не желающих покидать монастырские кельи, сразу отправили в застенки, откуда они не вернулись. Оставшиеся на свободе бывшие насельницы старались не удаляться от разорённой обители. Всё надеялись, что развеется вражий морок... Несколько мастериц-золотошвей до окончательного выяснения классовой принадлежности смогли устроиться на работу в первую томскую швейную артель «Красный рассвет». Не имея жилья, сёстры снимали в городе или пригороде комнатки по несколько человек, в Томске ещё сохранились дома, где они «пребыли в молитве» маленькими общинками. Но более всего на земле сильным духовным магнитом тянуло их это место, где совсем недавно стояла церковь «Достойно есть» и где «её Ангел пребудет до скончания веков».

Местные старики говорили, что ещё долго здесь слышалось церковное пение.

– Мама так оплакивала всех монахинь, тяжёлую судьбу самой обители, – вспоминала матушка Александра.

Доменика Петровна знала каждую из монастырских сестёр, она тайно принимала их в своём доме, кормила, делилась немудрящей одежкой.

«Как эти сёстры Предтеченского девичьего монастыря о России молились, никто сейчас так не может. Их молитвами только и живы».

Серапион особенно помнил Феодору, она казалась ребёнку старой бабушкой, но монастырский поимённый список предреволюционного года чётко указывает её возраст – 50 лет. Сколько же тихой радости излучали её глаза!

«Обращалась с нами всегда с сердечной кротостью. Придёт, бывало, в воскресенье – «С праздником вас, дорогие! Господь так милосерд!»

В самые тяжёлые дни, когда над ней нависала угроза расстрела, физического уничтожения, плачет, улыбается светло – Господь нас не оставляет!

От монахини Феодоры Серапион научился, узнал, как смотрит смирение. Его глаза на всю жизнь приняли на себя этот древний монашеский отсвет.

Часто у них дома ночевала семидесятилетняя Матрона, которой совсем некуда было идти. Приходила поздно, уходила рано – чтоб не навлечь на семью ещё большей беды. Она «понимала пение птиц», потому и прежнее монастырское послушание у неё было в курятнике. «Мама говорила, что у матушки Матроны глаза, как небушко в Сибири»...

...А здешнее небо в сильные морозы, после тридцати, и в летнюю жару, тоже после тридцати, становится особенным, одинаково безоблачным и высоким, пронзительным и слепяще-голубым.

Умелая Матрона плела детям Вепревым ладные лапотки, в которых те, намотав на ноги старые тряпки, бегали даже зимой.

Как-то летом, в середине-конце 1920-х – Александре было лет около восьми, Капиталине с Анисьей чуть больше – девочки отправились вместе с монахиней Матроной «к церкви». На месте, где стоял храм, с чудесной точностью повторяя его контуры, белым сплошным ковром росли небывало крупные, с детскую ладошку, ромашки.

– Никогда мы таких больше не видали.

Матрона, как подкошенная, упала на колени в этих ромашках, долго молилась, осторожно обнимая их, поглаживая солнечные головки. Дети чувствовали, что происходит что-то очень важное, и, тихонько усевшись рядом, с той стороны, «где раньше был вход в церковь», сплетали ромашковые веночки. Потом, не сговариваясь, стали увешивать этими венками зелёные ветки деревьев, что часовыми остались стоять вокруг снесённого храма.

«Что же ещё мы тогда могли принести Матушке Богородице и нашей любимой церкви «Достойно есть?»

С первых дней советской власти Церковь принимает на себя всё новые и усиливающиеся волны гонений. В январе 1918 был принят печально знаменитый Декрет Совета Народных Комиссаров «О свободе совести», на деле осуществивший не только отделение Церкви от государства со всеми запретами приходской жизни, но легализовавший, под видом национализации, разграбление и уничтожение церковного имущества. Этим же январём датируется Приказ народного комиссара государственного призрения А. Коллонтай, действием которого прекращалась выдача средств на содержание церквей и священнослужителей.

Последующие преследования и убийства священнослужителей и верующих людей всех сословий и рангов явили подлинный смысл лицемерных газетных призывов этих лет: «Знайте же, граждане, Советская власть является защитницей свободы совести и никогда не станет вторгаться в пределы религии!».

Но одни политические и экономические меры не приносили комиссарам желаемого результата, подавляющее большинство советских граждан продолжало, заполняя обязательные анкеты, писать «православный» в графе «исповедание» и «русский» – в графе «национальность». Советская печать неустанно проводила планомерную политику дискредитации и Русской Церкви, и лучших её представителей всех сословий и всех национальностей. Впервые в России был установлен жёсткий монопольный контроль над всеми печатными изданиями.

Газетным рупором разносится только необходимая новой власти информация. Невозможно без сердечного озноба прикасаться к документам того времени, когда чёрное сказалось белым. Пользуясь тем, что русский человек, воспитываясь на Святом Писании, от века доверял Слову, тем более печатному, а проверить «известия» было невозможно, газеты пустили в ход самую чёрную клевету и подлоги. Особенно доставалось «церковникам», «пособникам Николая кровавого» за их «контрреволюционную позицию» и «активное участие» в антисоветском Белом движении.*

В 1918 году при Военно-революционном штабе Томской губернии создаётся Отдел по борьбе с контрреволюцией. Возглавляет его «несгибаемый революционер» Д. И. Кривоносенко. Он был сослан в Томск в 1909 из Читы за несколько совершённых им убийств в составе Забайкальской федерации групп вооружённого народного восстания (ЗФГВНВ), читинская группа которого

---

* Совсем немного оставалось жить церковным изданиям. «Томский церковно-общественный вестник» (№ 10 от 21 (8) марта 1918 года) пишет: «Исполнился год Русской революции. С окончанием его можно только сказать: ужасный год, кошмарный год! ...Духовенство в состоянии гонимого, бесправного сословия... Начавшиеся погромы помещичьих владений захватили и монастыри, часто с осквернением храмов, в народе нарастает неверие, солдаты кощунствуют и бесчинствуют, становятся безбожниками... Началось хищение церковного имущества... Аресты епископов, как гром поразившие всю Православную Русь, известие о зверском убийстве престарелого митрополита Киевского Владимира... Началось кровавое преследование за веру Христову». В другой статье этого же номера пишется: «Авторитет пастыря падает, личность его попирается... Батюшки из деревень сообщают: народ озверел, растёт безбожие». В «Томских епархиальных ведомостях» за май 1918 года помещено «Послание к православным жителям Мариинского и Томского уездов» епископа Томского Анатолия (Каменского), из которого мы узнаём, что под новый, 1918 год в селе Ишим «шайкой грабителей, называющих себя большевиками, был убит священник Соколов. Под Крещение в селе Белогороднем тою же шайкой расстрелян священник Сердобов. В продолжение нескольких месяцев вооружённые шайки бродят по сёлам Мариинского и Томского уездов, нападают прежде всего на священников, грабят и подвергают их и их семейства всяческим издевательствам, и тем заставляют бежать из своих приходов. Многие приходы в этих уездах к настоящему времени остались без священников. Заместить пустующие вакансии не представляется уже возможным. Никто из священников не желает идти на служение в такие гиблые места. Никто не желает разделить участь убитых и поруганных».

действовала под руководством М. И. Губельмана.* Забайкальская федерация жёстко исполняла пункты собственной программы по проведению массового террора, «экссов» – экспроприаций и вооружённых восстаний силами боевых дружин.

От прославляемых в советских школьных учебниках предреволюционных терактов с начала XX столетия и до воцарения «диктатуры пролетариата» жертвами «политического террора» стали около 20 тысяч человек. Как правило, для убийства выбирались люди, не скрывавшие своих убеждений, верно служившие Отечеству, долгу и Государю.

Сегодня, после целого ряда организованных террористических актов последних лет, которые по своей организации и целям ничем, по сути, не отличаются от преступлений во имя революции, мы имеем более чёткое представление о самом явлении террора. Такое осознание должно бы породить иное отношение к «героическому красному террору, как необходимому средству политической борьбы», который как метод устрашения был провозглашён революционной государственной политикой, и к тому, что множество наших улиц до сих пор носят имена обычных убийц, террористов.

Очевидцы рассказывали, что 24 мая 1918 года Кривоносенко прибывает в женский монастырь следом за комиссаром Глузманом. Прямо на входе у ворот обители группу Кривоносенко встречает молодая инокиня-привратница, позвавшая игуменю Анастасию, которая тут же отправляет девушку звонить в колокола.**

Тревожный набат возмущил спокойную теплоту дня, ударив в открытые окна, быстро собирая к обители толпы возбуждённых горожан. Поначалу собравшимся было невдомёк, что «солдаты революции» с оружием в руках способны разбивать двери амбаров девичьего монастыря и грузить на свои подводы оставшийся к весне запас продуктов, не забывая о женских платьях и платках, кусках мыла и кусках ткани, швейных и пишущих машинках.

Сбежавшиеся на набат томичи никогда не сталкивались с жёсткими приёмами терроризма, отработанными ещё Конвентом французской революции, с этой сатанинской технологией порождения у человека животного страха перед угрозой насилия и смерти. Они, как встарь водилось, окружили взбесившихся «воинов» в попытках «призвать к совести», отвратить от грабежа монастырского имущества. Даже «казали кулаки» в знак серьёзности увещаний.

И тут на высокую церковную паперть Успенского храма взошёл пожилой, совершенно седой человек, уважаемый всеми за неподкупную честность. Это был Савва Игнатъевич Капцер, недавно принявший крещение. Обратившись к грабителям, он стал негромко говорить о душе и Вечности, о всегдашнем почтении строгой монашеской жизни на Руси. Еле слышные слова зазвучали

* М. И. Губельман, под началом которого возростали террористические способности Кривоносенко, приходился родным братом Емельяну Ярославскому (Миней Израилевич Губельман), председателю Центрального совета Союза воинствующих безбожников, возглавлявшему с 1925-го до смерти в 1945 всю антирелигиозную политику в СССР.

** Игуменья Анастасия (Некрасова) была расстреляна в 1930 году и захоронена в общей могиле Каштачного рва.

продолжением набата в воцарившейся тишине на соборной площади, полной народа.

Кривоносенко поразил старика всего одним выстрелом, тот ещё не успел упасть, неловко подняв руку для крестного знамения, как революционер, матерными криками понукая пули, начал прицельно палить в окружающих, пока не разрядил весь десятизарядный маузер. На землю уже опустились две девочки-приютянки, на светлых передничках которых ярко расплзались красные пятна, расстрелянные в упор, падали совсем молодые девушки и парни, оказавшиеся в первом ряду, а толпа всё стояла, не умея сразу стряхнуть оцепенение, будто дослушивая слово Саввы Игнатьевича о Царствии Небесном.

И вдруг, не нарушая ставшую жуткой тишину, сотни рук стали хватать, жать, сминать революционные кожанки, галифе, сапоги, чтобы вытащить их вон из своей кровной обители. Чтобы извлечь, выбросить, опростать из себя это дикое племя, лукаво возгласившее: «Долой войну!».

У ворот монастыря стоял автомобиль «Мерседес-Бенц», недавно реквизированный Кривоносенкой у купца Вытнова. Чтобы как-то унять нахлынувший поток ярости, клопочущий у горла нестерпимой ненавистью, невинный механизм за минуту разнесли на мелкие кусочки. Несколько человек держали начальника отдела по борьбе с контрреволюцией, отрешённо стоявшего с опущенной головой; он увидел, как боевые соратники быстро просачивались в переулки.

Близко, почти касаясь лица невысокого Кривоносенки, к нему подошла простоволосая женщина и по слогам отчеканила: «У-бий-ца!».

Потом говорили – то была мать только что погибшей девушки. Может, эта мать и бросила в него первый камень... Люди корчевали булыжники мостовой и молча швыряли в этого нехристя до тех пор, пока не накидали над ним целую гору камней. В той же тишине разбрелись по домам. Ни словом не обмолвились...

От неминуемой расправы Иоанно-Предтеченский монастырь ненадолго спасло начало военных действий.

С 1920-х годов партийное руководство неустанно проводило работу для создания революционного пантеона собственных героев, куда попадали иногда совсем неприглядные личности: с помощью многочисленных публикаций на десятилетия удалось присвоить Д. И. Кривоносенко образ героя, погибшего во имя светлого будущего народа. Убийцами же революционного мученика и пособниками белогвардейцев назывались то сами «чёрные» монахини, то переодетые в монахинь белогвардейские офицеры томского генерала А. Н. Пепеляева.

Революционное мифотворчество продолжается до сих пор.

Одна из улиц Томска носит имя Д. И. Кривоносенко.

А на территории девичьего Иоанно-Предтеченского монастыря и прилегающих к нему кладбищ разместили студенческие общежития Томского политехнического университета.

Закрытие и разорение монастырей, что издавна считались духовным оплотом православия в России, начавшись в 1918 году, принимает всеобщий характер к 1919–1920 годам, когда массово сопровождается не только присваиванием монастырской собственности и надругательством над святыми мощами, но репрессиями и убийством.

Галахов

В доме Вепревых ни одно дело не начинали без молитвы, жили в ладу между собой. Даже если дети ссорились, то были научены, укоряя себя, просить прощения. На всю жизнь они сохранили редкое действенное смирение; сегодня почти не встречается семей, где сёстры и братья относились бы друг к другу (и просто к незнакомым людям) с таким кротким почтением и любовью.

Отец дружил с профессором богословия, руководителем кафедры богословия в Сибирском Императорском Томском университете (ТГУ), настоятелем университетского храма во имя Богородицы Казанской, Иаковом Галаховым. Кроме прочего, Иаков Иаковлевич создавал, а затем и заведовал Археологическим музеем при университете. Он любил бывать у обедни в Предтеченске, всегда приходил из города пешком, а потом непременно к Вепревым. Они с Фёдором Ефимовичем разговаривали о русском народе и вере, о великом предназначении Царя и Церкви, о святых иконах. Искрящаяся взаимной приязнью и добротой атмосфера этих бесед многому научила детей Вепревых. Конечно, понимали они далеко не всё, но драгоценный опыт живой воспаряющей мысли, сопровождаемой чистым сердечным посылом, запомнили на всю жизнь. В своих богословско-философских работах протоиерей Галахов критиковал современные ему социалистические и либеральные теории, аргументированно объясняя опасность как либерализма, так и революции для России. Исследования Галахова доказывали, что религиозное мировоззрение не противоречит научному, а достижения науки, со своей стороны, ещё отчётливее подтверждают истины, изложенные в Священном Писании.

В труде «О религии», изданном в 1915 году в Томске, профессор И. И. Галахов научно излагал основы своей веры: «Не рассудком познаётся вечность и беспредельность, которая нас ожидает. В жизни земной она переживается, переживается опытно... Когда Царство Божие внутри человека, для сознания делается ясным, что не духовный мир занимает место в материальном, а наоборот, материальный, как бы он ни был велик, содержится как меньшее в большем, а время поглощается в вечности и совершенно исчезает в ней».

После победы революции в Томске Галахова сразу арестовали. Вскоре выпустили, «за недоказанностью». Страшно худой, отчего казался ещё более высоким, он сразу, почти не таясь, пришёл к Вепревым на Предтеченск. Сёстры запомнили его непривычную одежду – длинную, вышитую крестом белую рубашку. Они с Фёдором Ефимовичем говорили, что должно же это всё закончиться, иначе страна погибнет, должно как-то обернуться к лучшему – вот его же выпустили. Однако Иакова Иаковлевича через короткое время забрали из

Томска, теперь навсегда. Как всех «активных церковников», тем более учёных, его то надолго заключали в тюрьму с самыми нелепыми, сфабрикованными обвинениями, то коротко давали свободу, пока в 1930-м не арестовали за «антисоветскую деятельность против власти в СССР».

И. И. Галахов был расстрелян в Актюбинске в сентябре 1938 по постановлению «тройки НКВД». Место захоронения казнённого профессора богословия объявлено засекреченным.

Отец Василий

Духовником отца и матери Серапиона был отец Василий Портнов, монах из Киево-Печерской лавры, оказавшийся в Томске после революционной смуты. Чистота и простота жизни старца, святая его любовь к Создателю, ко всякой твари Божией и, как следствие, – истинная прозорливость на всю жизнь стали неким духовным оселком для будущего иконописца Серапиона.

Келейницей у о. Василия служила быстрая и лёгкая в движениях мать Капиталина из разорённого Предтеченского монастыря, любимая крёстная будущей инокини Капиталины Вепревой.

В годы гонений и «воинствующего атеизма» путеводной звездой – без преувеличения – служил для Серапиона рассказ отца об одном пророчестве о. Василия, неизвестного сегодня в Томске тайновидца и богослова.

Фёдор Ефимович со слезами пришёл однажды к старцу.

– Как тяжело жить. Храмы везде разрушают. Что же дальше-то будет?

Отец Василий, улыбаясь, ответил твёрдо, будто ясно видел будущее:

– О, рабы Божии, будут у вас ещё храмы и мощи святые, и в этом городе будут...

Старец Василий умер в 1927 году, когда ему исполнилось 108 лет. Был похоронен на Преображенском кладбище, близко примыкающем к погосту Предтеченского монастыря. В 1942 году Преображенское кладбище уничтожено, прямо на могиле старца стоит магазин «Ёлочка».

Серапион Вепрев с раннего детства столкнулся с «идеологической чисткой». Он учился в интернате около вокзала «Томск II». За то, что мальчик не хотел снимать нательный крестик, его жестоко наказывали учителя и научились ненавидеть сверстники. Обращались к ребёнку не иначе, как «вредитель» или «враг народа».

От отца Серапиону передалось мастерство обработки дерева, но больше всего он любил рисовать. После школы мальчик мечтал поехать учиться в Академию художеств, семья копила деньги. Серапион оформлял на работе отца газету железнодорожников, и мастера хлопотали, чтоб отправить его учиться в Ленинград за казённый счёт. Но парторг Томской железной дороги, без подписи которого поездка была невозможна, однозначно отреагировал на эту просьбу: «Не хватало ещё детей богомоллов учить».

Товарищество художников в Томске не приняло Вепрева в ученики по той же причине. Старшая сестра Капитолина смогла договориться, чтоб самой посещать изостудию, которую вёл блестящий художник В. М. Мизеров, оказавшийся здесь после революции. Иногда его заменял прибывший из Украины пейзажист И. М. Хоменко. Сестра-то и давала брату первые уроки живописи.

Сохранилось немного живописных работ Серапиона Вепрева, но их невозможно рассматривать без душевного волнения и трепета, который появляется при соприкосновении с чистым и гармоничным миром настоящего художника.

Внутренняя устремлённость к Вечности привела шестнадцатилетнего Серапиона в конце тридцатых годов в церковь Иоанна Лествичника на службу пономаря. Небольшую деревянную Иоанновскую (Ивановскую) церковь в 1900 г. построил известный сибирский купец И. Г. Гадалов. Может быть, из-за незначительных размеров (а значит, меньшей опасности) эту церковь разрушили позже иных томских храмов, из которых только православных насчитывали сорок.

С января 1943 по январь 1992 почти полумиллионный город, население которого непрестанно росло, обходился всего двумя действующими храмами, которые после открытия оснастили образами, собранными в разных местах. В Ивановскую церковь к началу 1930-х принесли иконы всех закрытых к тому времени церквей и соборов. Там оказался образ Иверской Божией Матери, созданный в 1858 году на горе Афон, из разрушенной Иверской часовни. Икону считали в Томске чудотворной. Томская Иверская, как и московская, являлась точным списком знаменитой афонской иконы Богородицы Иверской. До самого закрытия Иоанновской церкви в апреле 1940 года каждое воскресенье перед Иверской служили молебны о благополучии Отечества.

В Ивановском храме нашёл пристанище и главный образ Богородицы «Достоинно есть» из любимой семьёй Вепревых церкви «Достоинно есть» с заимки Предтеченского монастыря. Надпись на нижнем поле иконы извещала, что её создали в 1904 году монахи русского Пантелеймонова монастыря на Афоне.

Серапион Фёдорович часто вспоминал, какой уютной казалась Ивановская церковь с двумя приделами: святых Иоанна Лествичника и князя Владимира. В начале 1940 года храм закрыли, в его помещении устроили общежитие, вскоре закономерно сгоревшее. Ведь как ни переделывай внутреннее убранство, стоит взглянуть на здание, как становится ясно, что это храм: в те годы идеологически правильным считалось, что церковное здание лучше разобрать до основания, срыть фундамент, сжечь, чтоб следа не оставалось.

После закрытия Иоанновской Серапион переходит служить пономарём в Вознесенскую кладбищенскую церковь, которая придерживалась «старо-православной канонической» ориентации. В семье Вепревых накрепко помнили завет старца Василия «никогда не ходить в обновленческую церковь». Вознесенский храм был поставлен в 1810 году, стены в метр толщиной свидетельствовали, что постройка рассчитана на века. Однако и эту церковь закрыли в августе 1940-го – срочно понадобился склад для швей-общины. Новым вла-

дельцам пришлось немного переделать мирный кладбищенский храм: «Крестов на компулах 6 штук, подлежат к снятию. Помещение захламлено и потому много мусора от уничтоженной церковной утвари». После войны церковь вовсе разобрали, а могилы на кладбище сровняли тракторами. Сейчас на этом месте стоят корпуса завода «Сибкабель», производственная территория которого, в свою очередь, резко сократилась после нагрянувшей перестройки.

До самой войны тяжело гружёные древними иконами подводы одна за другой по ночам ползли из города в лес, подальше от людских глаз, от деревень и хуторов, где в условленных местах сжигался угрожающий революционным идеям груз святынь, сотни лет хранивших тепло человеческих рук и губ. После объявления «пяtilетки безбожия» осмелевшее томское начальство принимается использовать «доски по прямому назначению» – деревянные иконы постилали на мостовые. Лицами вверх...

Однажды старший брат Серапиона Кондрат увидел под ногами на тротуаре образ Святой Троицы. Кондрат Вепрев на своём танке дошёл почти до Берлина. Он остался один из всего экипажа: когда снаряд попал прямо в люк боевой машины, Кондрату только оторвало ногу, остальных разнесло в клочья. Один Бог знает, сколько танкисту пришлось претерпеть и увидеть, но, по словам Кондрата Фёдоровича, даже на войне ему не встречалось ничего более чудовищного, чем мостовая из икон в родном сибирском городе.

Серапион Фёдорович тоже рассказывал о своём «самом страшном» в жизни. На окраине Юрточной горы, там, где стоит «обкомовский», так называемый «лигачёвский» дом, возвышался огромный трёхпрестольный каменный собор во имя святого Николая Чудотворца, воздвигнутый к 1900 году купцами Королёвыми. Только храм был расположен с востока на запад, а дом поставили – с севера на юг. Собор разрушали в 1936-м. Массивные плиты-панели невиданного в Сибири сливочно-белого каррарского мрамора были накрепко прикручены к стенам железными болтами. Жаль было взрывать заморский камень вместе с храмом: в собор въезжали на гусеничных тракторах, рвали из стен мраморные панели вместе с иконами и волокли их на первый октябрьский снег.

Люди безмолвно стояли вокруг, им было разрешено только плакать...

Серапион Фёдорович очень любил вдохновенные службы митрополита Томского и Сибирского Димитрия Беликова в Благовещенском соборе, что возвышался в центре Благовещенской площади, ныне – площадь Батенькова. Те, кто изучал историю Сибири, знают яркие книги профессора Д. Н. Беликова.

Точно указывая время своего ухода, владыка прозорливо завещал не хоронить его на кладбище перед Благовещенским храмом.

– Всё равно разрушат, – говорил он. Прихожане послушались своего пастыря, устроив ему достойный склеп перед Старым собором в августе 1932-го. Никто не мог поверить, «что можно уничтожить такую красоту», однако в 1934-м самый фундамент величественного собора был скрыт, обыденно ровняя рельеф, по кладбищу несколько раз проехал трактор. Останки митрополита тайком перезахоронили на Южном погосте.

Священнослужителей на виду у всех непрерывно арестовывали одного за другим, одних выпускали, других сразу расстреливали. Верующие старались не осуждать тех, кто в этих условиях снимал с себя сан.

Только беззаветная вера и преданность могли дать силы, чтобы служить церкви или чем-то помогать.

Все эти годы Серапион старается заниматься живописью, но делает это редко, урывками, ведь с ранней юности ему пришлось стать ответственным за все художественные работы в тех храмах, что оказывались открыты. Он рассказывал, что был тогда единственным молодым мужчиной, присутствующим на церковных богослужениях, на которых не хватало самого необходимого.

До самой войны в Предтеченске у Вепревых сохранялась небольшая пасека. Серапион уходил далеко в лес и изготовлял свечи для храмов из своего воска. Старался делать их как прежде в монастырях – чистый воск и длинная нить. «Надёжные женщины» тайком возили свечи Серапиона по всей Сибири и даже в Почаев.

В ту пору купить где-то нательный крестик нечего было и думать, взять их было неоткуда. Но детей крестили! Серапиону пришлось научиться мастерить их из кедровой дощечки, предварительно подготовив саму древесину.

Работать приходилось в таёжной землянке.

Укрытие это, оснащённое нужными инструментами, с красками, сухарями и керосином они подготовили с отцом ещё в первое лето после разорения Предтеченского монастыря. Там ненадолго находили приют, укрывались от розыска монахини.

Особенно сложно приходилось Серапиону зимой, когда нагрянут морозы – от введенских до сретенских. А главное, как работать, если день не успеет высветлиться, как тут же напозают сумерки и воцаряется тьма. Перед небольшим стёклышком землянки совсем коротким было осенне-зимнее время, данное художнику, чтоб начать учиться писать иконы.

Выходя «продышаться» из своего укрытия, он с надеждой смотрел на небо, а сухая от мороза мелкая снежная пыль битым стеклом больно царапала лицо и руки. Когда же чуть теплело и буранило, кто-то щедро рассыпал хлопья долгожданного снега.

– Ты лети, да падай погуще, замети все мои следы! Чтоб не нашли...

Чтоб размяться, при луне ходил по своим тропинкам – все ли их сровняло и выбелило снежком. Ветки прямоспинных суровых сосен тяжело гладили Серапиона по голове, совсем по-отцовски, словно успокаивая. Поминутно оглядываясь, он внаклонку опять пробирался сквозь густые заросли в самые дебри к своей хибарке. Там печечка была сложена и дрова заготовлены, высушены заранее. Сейчас, сейчас растопим её, руки согреются – и за работу...

Серапион очень рисковал, его постоянно искали. А если б застали за изготовлением крестов, свечек, а тем более – икон, «застрелили бы на месте». Начальник МВД Томской железной дороги Захарюта откровенно высказывался Фёдору Ефимовичу и соседям: «Я б этого в упор убил. Поймать не могу». Много раз приходили в дом Вепревых на Предтеченске с обыском, но Серапиона промыслительно никогда не оказывалось на месте.

Основное обвинение звучало просто: «Вепрев Серапион читает Библию». А он-то уже всюду писал иконы. Конечно, в тех условиях невозможно было создавать православные образа, строго следуя технике традиционного иконописания. Серапион Федорович писал образа маслом на кедровой доске, покрытой меловым грунтом или холстом.

Он начинает создавать иконы по просьбам священников, в то время вынужденных большей частью служить по домам. Никому не мог отказать в просьбе, даже если сильно болел, понимая, что в округе никто больше не рискнёт прикоснуться к иконному искусству.

Однажды на Пасху Христову к Вепревым приехала дальняя родственница с сыном, который был очень привязан к Серапиону, своему крёстному отцу.

Только они зашли в дом, как Серапион, прощаясь, коротко обнял ребёнка:

– Надо идти, милый ты мой.

– Куда, ну куда же ты пойдёшь? Ну, побудь со мной, дорогой крёстный, ведь я скоро уеду.

Радостное солнце только поднималось над молодыми цветущими яблоньками в саду, как пришли. Серапион был таков.

Домна Петровна и руку не успела опустить, она всегда долго крестила сына вослед.

Двое мужчин с крепкими щеками и мозолистыми ладонями – «видать, бывшие путейцы» – ещё с порога заявили, что не уйдут, пока не дождутся «этого». К вечеру они уже пили чай с сухарями и степенно курили на крыльце, прислушиваясь к темноте. На третий день они так освоились, что смастерили Васятке паровозик из чурбачков, оказалось, правда, работали в депо на станции Болотной. Их сменили двое других, «в кожанках», сказались – «от Захарюты».

– Ну что, церковники, где ваш главный?

Насвистывая сквозь зубы, они выволокли на середину комнаты самодельный комод – особую мамину гордость, где чистыми стопочками лежали все нехитрые семейные пожитки, и начали переворачивать ящики, что было мочи стучая ими об пол: – Тут где-то тайник!

«На подоконниках стояли мамыны цветы. Ох и досталось от незваных гостей всем фикусам и гераням!»

Потом пришла очередь книжных полок и крынок с крупой.

Домна Петровна сидела, глядя в пол, бессильно уронив руки в тепло подола, отец, никогда не куривший дома, опустив плечи, набивал папиросу, глядя в открытое окно.

Сапоги пришельцев казались самостоятельными существами, они с хрустом ступали прямо в книги, густо посыпанные драгоценной мукой и цветочной землёй, с грохотом совались по всем углам, с явным удовольствием пиная громкие железные миски.

Матушке Александре с необъяснимой жуткой ясностью запомнилась особенно мамина пасхальная косынка, которая зацепилась белым аксельбантом за голенище: сапог так и ходил с ней.

– А ну, подь сюда! – подозвал Васятку острым тёмным пальцем тот, что с аксельбантом.

– Ты же христианин, мальчик? – оживился и второй, твёрдо притянув ребёнка за руку.

Васятка, замороженный безвыходностью, стоял перед ними, не в силах отвести глаз от лица этого дяди, от пугающего тонкого изгиба почти неподвижных при разговоре губ.

– Ты же знаешь, что христианам нельзя никого обманывать, ведь так? – почти ласково шептали эти губы.

– Никогда нельзя, а то Боженька накажет... Где Серапион? Ты же его видел. Ты хороший мальчик? Ты не соврёшь... Куда он пошёл? Пойдём, покажи мне.

Воздух зловеще зазвенел.

Вдруг ребёнок бухнулся на четвереньки и сдавленно заскулил: «Ав, ав».

– Я не Васятка, я – собачка! – уже увереннее сообщил он.

– Хорошо, хорошо, ты – собачка, – согласно переглянулись «кожанки», делая вид, что принимают игру.

– Собачка, собачка, а где Серапион?

– Ав, ав.

– Собачка, собачка, где он? – почти заискивающе вопрошали незваные гости.

– Где?!

– Гав, ав, ав! – неизменно отвечал Васятка.

Доменика Петровна изумлённо подняла голову и тихонько перекрестилась.

Маленькими ладошками ребёнок осторожно ступал по скомканным вещам, кружа по комнате, и всё громче возглашал: «Гавв, авв, ав!».

...Злобно матюкаясь от накатившего страха, двое выскочили из дома и быстро побежали по тропинке на станцию.

– Надо бы нам Серапиона как-то поберечь... – голос отца пресёкся не то кашлем, не то рыданием.

В тёмной тишине кума всё никак не могла успокоить Васятку, тот жался к матери и жалобно плакал: «Ав, ав».

Иконное искусство

Началась война. А в стране были закрыты почти все храмы.

Многим известно, что зимой 1941 г. митрополит гор Ливанских Илия долго молился за Россию в каменном подземелье. В огненном столпе ему явилась Богоматерь и сказала, что для спасения России должны быть открыты церкви, монастыри, духовные семинарии, священники, отпущенные из тюрем, должны начать служить. С 1943 года по указу Сталина были открыты многие оставшиеся храмы во всех городах.

К 1945 году в Томске начались службы в Петропавловском и Троицком храмах. Тогда же Серапион Фёдорович написал маслом иконы «Введения Богоматери во храм» и «Вознесение» – для Петропавловского собора, и «Димитрия Солунского», «Богоматерь с младенцем» и «Дванадцатые праздники» – для Троицкой церкви.

В Петропавловском соборе после закрытия устроили склад, где хранили зерно и кирпич. Случайно незамеченной, все годы, что храм был закрыт, оставалась высоко на стене икона Богородицы «Знамение». Изображение потемнело и почти стёрлось. Икона Богородицы хранила собор до самого открытия. В 1952 году несколько человек, таясь в ночи, принесли этот образ в дом на Предтеченск, где жил Серапион Фёдорович. Ему пришлось наново переписать икону, так как реставрации она не подлежала. Образ написан маслом на холсте, наклеенном на доску. Все, кто видел Богородицу «Знамение» в Петропавловском храме, знают её удивительную силу и притягательность. Поражает напряжение воли, печаль, скорбь и любовь в глазах Богородицы. Для создания подобного образа требовался мощный подъём всех нравственных человеческих сил художника-иконописца. Черты ликов Богородицы и Христа переданы тонко и легко, без напряжённых светотеневых контрастов, остаётся лишь общий золотистый тон. Эта золотистость становится выражением неземной скорби ко всем людям и небесной доброты и ласки к ним. В образе не использована позолота. Золота в те годы достать было невозможно. Зато становится очевидной любовь художника к чистым и звучным цветам. Наряду с открытым цветом существует множество промежуточных тонов различной светосилы. Все эти краски звенят, поют, играют, придавая сил, доставляя радость.

Многие иконы, созданные Вепревым для томских церквей в 1940–1950-е годы, утрачены. Для Петропавловского храма были созданы образы «Богородицы Тихвинской», «Достойно есть» и «Варвары Великомученицы». В конце сороковых он написал престольную икону главы Иоанна Крестителя и престольную икону Рождества Пресвятой Богородицы, которая и сейчас, пусть и неумело отреставрированная в 1970-е годы, пребывает в приделе Рождества Богородицы.

Серапион Фёдорович делал всё сам: строгал кедровые доски, толок и тёр мел, делал клей на желатине для своего художества. Он без всякой помощи вырезал большинство больших резных окладов для икон Петропавловского храма и два престола с позолотой. В 1972 году, когда в соборе заново «устраивали» приделы Рождества Богородицы и Иоанна Крестителя, Вепрев написал в каждый по 10 больших икон и малые иконы Царских врат. В те же годы он расписал стены и создал иконы для новой крестильной, стоящей отдельно от храма. Преддверие крестильной расписал новосибирский художник Николай Клюковкин.

В начале 1950-х Серапион Фёдорович написал для собора несколько икон, что при открытии церкви во имя св. Александра Невского были переданы туда. Это большие образы святых Серафима Саровского, Иова Преподобного и Архистратига Михаила.

Художников-иконописцев в те годы по всей стране насчитывались единицы. Вепреву приходилось много работать, и не только для томских церквей. В начале семидесятых он пишет более тридцати икон для иконостаса и Михайло-Архангельского храма в Новокузнецке по заказу отца Василия Буглакова.

В конце 1950-х им написана большая многофигурная икона «Собор Крымских святых» по заказу епископа Новосибирского и Барнаульского Леонтия

(Бондарь. С 1992 митрополит Оренбургский и Бузулукский. 1913–1999). Всю жизнь художник собирал недоступные тогда материалы о русских святых, по крупицам разыскивал иконографические особенности ликов в разных источниках.

В конце 1970-х годов по заказу епископа Омского и Тюменского Максима (Кроха. С 1984 года архиепископ. 1928–2002.), по инициативе которого было установлено празднование Собора Сибирских святых, Серапион Фёдорович пишет первую икону под названием «Собор Сибирских святых». Это одна из самых сложных работ по замыслу и исполнению. Ведь изображённое на иконе должно быть подобно своему первообразу, и в то же время икона не есть портрет плотского человека, живущего на земле. Иконописцу Серапиону, всецело преданному композиционным канонам священного искусства, необходимо было осмелиться творить. Ибо до него подобного образа никто не создавал.

Серапион Вепрев обладал достаточной свободой творчества, чтобы его можно было назвать истинным художником. Он перерабатывает иконографическую традицию и каноны, создаёт новое произведение. Перед нами Сибирские святые: Иоанн Тобольский, Иннокентий Иркутский, Симеон Верхотурский, Василий Мангазейский, Софроний Иркутский и другие. Лики и руки их выписаны тщательно, мягкими плавными. Фигуры выглядят почти невесомыми, они будто парят над землёй, не касаясь ногами поезда. За этой внешней хрупкостью таится внутренняя мощь человека преображённого. Святые представлены как бы окончательно воскресшими в сиянии и великолепии духовного тела, с незримых высот, из самого Царствия Божия, изливающими благодать и благословение на Сибирскую землю. Для чуткого и открытого сердца икона «Собор Сибирских святых» была и остаётся безгласной проповедью.

В конце 70-х появилась возможность реконструировать центральный иконостас Петропавловского собора, куда были включены несколько икон прошлого века. Новые иконы написаны московскими художниками во главе с Виктором Михайловичем Голубевым. Кисти Серапиона Вепрева принадлежат образы Архидьякона Лаврентия на северных дверях центрального иконостаса и Архидьякона Стефана – на южных. Святые представлены на классическом золотом фоне. На них светлые узорные одеяния, ибо «они омыли одежды свои и убелили одежды свои кровью Агнца» (Откр. 7. 14). Художник знал, что мученичество во имя Христа освобождает в человеке искажённый образ Божий, открывает его истинный духовный облик. Он искал эту подлинность, чтобы передать в образах Архидьяконов Стефана и Лаврентия.

В 1989 году по заказу благочинного церковью Томской области протоиерея Леонида (Хараим. С 2002 архимандрит, наместник Успенского Второ-Афонского Бештаугорского мужского монастыря. 1945–2011.) Серапион Фёдорович выполняет Распятие Христово для Петропавловского собора. Опять сам не только пишет скорбный лик Христа, но сушит кедровые доски и вырезает каждый камешек горы Голгофы.

В советские годы традиции иконописания оказались прерванными и почти забытыми. Но поток «живой воды» не мог быть остановлен, находя себе новые тайные русла. Серапион Фёдорович долгие годы оставался единственным том-

ским иконописцем, однако о его занятии знали лишь несколько самых близких людей.

В постановлениях Стоглава записано о том, что иконописцу надлежит быть «смиренну, кротку, благоговейну, не празднослову, не смехотворцу, не сварливу...». Требования Стоглава являются в полной мере характеристикой иконописца Серапиона. Он обладал редким качеством – желанием и потребностью молиться за всех людей, что встречались на его пути. Художник почти не выезжал из Томска, считая, что лучше заказать проскомидию за того, о ком помолиться некому: «Ведь многие за себя не молились, не зная Бога умерли, может, в аду кипят». В его синодике записаны сотни имён знакомых и незнакомых людей, и даже безымянных для него душ. До конца жизни Серапион Фёдорович молился о женщине, что погибла от мороза, не дойдя до Предтеченска; так и поминал её – «замёрзшая».

Редкая скромность отличала этого человека. Усердно трудясь при храме, он никогда не посещал трапезную, стеснялся обременять собой людей. Даже зарплату у церковного бухгалтера получала сестра, монахиня Афанасия, долгие годы служившая алтарницей в Петропавловском соборе; ему стыдно было брать деньги за свою работу.

Истово любил всё живое, называя окружающий мир не прохладным словом «природа», но непременно – Творение Божие. В саду пред домом посадил редкие для Сибири деревья: дуб, клён и каштан – и растут до сего дня, чудом не замерзают. Местный соловей, едва завидя художника, садился ему на плечо и заглядывал в глаза.

С внимательной любовью и открытым сердцем относился он к любому человеку, даже настроенному враждебно. Главная заповедь Христа о любви являлась для него не отвлечённым понятием, а врождённым генетическим мироощущением, «хлебом насущным» каждого дня.

Никто ни разу не пожаловался, что имеет слишком много любви от других. Но лишь немногим путём жертвенного отдавания дано увеличивать её количество на этой земле и под небесами. По вечному закону каждый получает её ровно столько, сколько даёт.

□

Дорогая Ирина Александровна!

*Томские писатели сердечно поздравляют Вас с юбилеем
и желают творческих успехов и доброго здоровья.*

Лидия Пустовойтова

НЕ ИЗ ЧЁРНОГО ДЕРЕВА ЛЮДИ

Многие антропологи склонны считать Восточную Африку «колыбелью» человечества. Танзания и Уганда, где мы «десантировались», – ближайшие соседи, и у них, конечно же, много общего: обе страны вышли из-под протектората Великобритании; более половины их населения исповедуют христианство... Официальными языками являются английский и суахили, в Уганде ещё и луганда.

И вот эти темнокожие, кудрявые, с горячим нравом «соседки» вступили в войну, обильно проливая слёзы и кровь своих соотечественников...

В Танзании удалось вкусить всю прелесть природы, даже «светских развлечений»...

Это был, теперь знаем, зыбкий, непрочный, готовый пыхнуть пожаром на агрессию соседа, но всё-таки мир. Уганда же встретила откровенной, уже вовсю разгоравшейся гражданской войной. Какой же разной была наша жизнь в этих похожих друг на друга странах!

Мир и война...

Atani na vita (суахили) – мир и война.

Николас и Хемингуэй

Жили не тужили в своём родном городе, где родились, выросли, а теперь растили двух сыновей, работали врачами: я – терапевтом, только что закончившим мединститут, а муж – рентгенологом с уже приличным стажем.

Неожиданно нас пригласили в городской отдел здравоохранения, где предложили поехать на полгода в славный город Ленинград для изучения английского языка, чтобы в дальнейшем когда-нибудь отправиться в зарубежную командировку, скорее всего, в одну из африканских стран. Английский для меня был хорошей приманкой, тем более что речь шла о подготовке мужа, мне же просто выпал счастливый билет поучиться заодно с ним. На курсах английского языка познакомились, а позднее и подружился с замечательным человеком, очень талантливым учителем Николаем Александровичем Котловым, как он велел себя называть – Николасом.

Второй «англичанкой» оказалась чудесная женщина, пережившая 900 дней голода и надежды, со всеми присущими коренным жителям этого необыкновенного города чертами: деликатностью, терпимостью, высокой культурой общения... Даже внешность этой, уже немолодой с моей тогдашней «колокольни» преподавательницы, светилась благодетством.

Нас было всего пять врачей-курсантов. Сам Николас много лет детства и юношества жил в Англии, будучи сыном советского дипломата. Там он получил образование и воспитание с выраженным «английским акцентом». Он оказался человеком, в котором было много чего намешано – молодого задора с мудрой основательностью, юношеской страсти с житейской беспомощностью, разуха-

бистости русского мужика с изысканностью и лёгким налётом снобизма английского лорда.

Все курсанты, кроме меня, в прошлом изучали немецкий, так что я оказалась в исключительном положении.

Поэтому мне Николас ежедневно задавал читать и переводить несколько глав из книги Э. Хемингуэя «Зелёные холмы Африки». Текста было много, поэтому всякий раз приходилось выписывать и отыскивать в словаре более сотни новых слов. Это были названия растений, животных, оружия, напитков...

Много позднее, перечитывая это произведение, обратила внимание на фрагменты, которые мне более близки и понятны: описание природы, размышления о творчестве... Уже давно Николас ушёл из жизни, но и теперь моё сердце сжимается при воспоминаниях о его ярких, эффектных и уж точно эффективных уроках английского, его остром юморе, неповторимом мужском обаянии, о незабываемых встречах в Питере, о многолетней переписке, наконец, о его завещании развеять свой прах над Печорой в Архангельске, где он родился.

Годы бегут, летят, а на полке по-прежнему стоят теперь уже далеко не новые, но от этого ещё более дорогие тома любимых книг Э. Хемингуэя, приобретённых в Африке. Нет-нет да перечитываю некоторые его романы, рассказы, страницы, строки.

Вот такие, например, пришлись кстати, когда я решила взяться за свои воспоминания. Хоть они и оглушили своей жёсткостью, когда я обратила их в свой адрес, но от затеи почему-то не отвратили.

Он написал о своём видении качеств человека, занимающегося писательством:

«...требуется наличие слишком многих факторов.

Во-первых, нужен талант, большой талант...

Потом самодисциплина...

Потом нужно иметь ясное представление о том, какой эта проза может быть, и нужно иметь совесть... для того чтобы уберечься от подделки. ...требуется интеллект и бескорыстие, и самое главное – умение выжить.

Попробуйте найти всё это в одном лице...

Самое трудное – это выжить и довести работу до конца».

В жизни я часто отказывалась от многих предоставляемых ею шансов. Теперь же сказала своей лености, слабости, стеснительности – «нет!».

Тем более спровоцированная его очень нужными мне тогда словами:

«Но если я когда-нибудь и напишу об Африке, это будет простая зарисовка, я ведь так мало знаю. И всё же первое впечатление от страны очень ценно. Быть может, оно, чёрт бы его побрал, ценнее для тебя самого, чем для других. Но всё равно надо о нём написать, высказаться. А потом можно хоть выбросить».

Что ж, посмотрим, что получится из этой затеи. На полке рядом с четырёхтомником Э. Хемингуэя притулился небольшой труд Николаса, который он подарил нам при прощании в далёких семидесятых: «В помощь врачам, уезжающим работать за границу».

Господи, как же давно мы оттуда вернулись.

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ

Танзания. Мир

Мало-мальски разбирающаяся в родных с детства лепестках и травках с их понятными, чуть земельными запахами, с их постоянной готовностью к дружескому объятию, почувствовала себя неуклюже в «райском» саду, где просто растерялась от смешанного и совсем нового для меня благоухания, запуталась в пышном многоцветии прекрасных чужестранок, боясь обидеть их, нечаянно перепутав имена... тем более, что наше близкое знакомство произошло не вдруг, а потребовало немало времени. Сейчас поэтический настрой не только не покинул меня, но потребовал смелых метафор, сочных эпитетов, которые бы смогли выразить моё восторженное восприятие восхитительной природы... эта глава – попытка написать стихи в прозе.

Настоящая экзотика

Может быть, надо обладать глазами художника, чтобы увидеть тончайшие оттенки африканского колорита, ухом музыканта, способным уловить и собрать воедино всё разнообразие звуков, возникающих в бурлящей жизнью стране, чутким обонянием охотника, настроенного на удачный поход...

Всё же надеюсь, что эти способности не обязательны, чтобы душой принять многоголосый, яркий и благоухающий мир, представший перед удивлённым взором того, кто рискнул, отважился стать, хоть и ненадолго, его частью. Зелень, освещённая неутомимым солнцем, меняет свои наряды, удивляя то «яркостью лайма», то нежностью «мяты», то изысканностью «цитрусового» или сдержанностью «яблока грэни», а океан радуется и восхищается иногда глубиной «трилистника», но чаще – всей силой и волшебством «бирюзового» – от «циана» и «голубой бирюзы» в рассветное и полуденное время до «очень тёмного бирюзового» в часы его гнева.

Она, кажется, занимает собою всё пространство земли, прихватывая и небо, участвуя в его умопомрачительной красоте и бесконечности, оттеняя его безупречную лазурь. В борьбе за власть главных красавиц природы выступают неутомимые и пышущие здоровым румянцем цветы: знакомые шапки и шапочки гераней, про которые говорят, что они оберегают от ссор и стрессов, слеза и любых тёмных сил. А белой герани, которая здесь очень распространена, той же молвой поручена защита от бедствий, разорения, да ещё и от змей.

Сколько удовольствия и радости возникает от созерцания цветка гибискуса. Сочные блюдца настойчивого красного с тёмным пятнышком и золотистыми тычинками внутри, которые длинной трубкой, как хищным языком, высовываются из лепестков, долго не позволяют оторвать взгляда от этого экзотического растения.

Его невысокие кустарники встречаются повсюду – в небольших скверах, у зданий посольств и престижных отелей. Но в этой красной, «кровавой» борьбе «зелёными» периодически побеждают шуршащие, словно бумажными, зазывной яркости красного или оранжевого, многослойными «юбками» испанских танцовщиц – бугенвиллии. Эти неувядающие барышни не стесняются заполю-

нять своими пышными прелестями все улицы, парки и дворы. Они свешивают пурпурные наряды через изгороди и заборы, словно призывая любоваться собой всегда и всюду.

Яркость окружающего пространства такая плотная и выпуклая, что знойный воздух, гонимый лёгким бризом, её лишь увлажняет, полирует, но не размазывает и не разбавляет густых мазков гениального художника – природы. А в периоды засухи вся зелень, смущаясь собственным, пусть временным поражением, слегка скукоживается, бледнеет и как бы старается не показываться на глаза в жалком обличье.

Да, господь не поскупился на краски, он щедро разлил, разбрызгал, раздал их небу, земле и воде, но при этом не обделил и своих детей.

Шоколад кожи, маджентовая кайма пухлых ртов, жемчужная белизна улыбок, оттенённые неправдоподобным разноцветием платков, китенг, юбок создают впечатление удивительной планеты, название которой «Праздник».

Но как звучит эта планета? Это разноголосый гам толпы рыночной площади, или мощный плеск океанской волны? А быть может, бесконечные трели невидимых птах, а то и стройное, волнующее звучание церковного хора?

Все эти звуки, как ручейки, стекаются со всех сторон и сливаются в единый поток, который настойчиво и умело проникает в самую душу, где вновь, разделяясь на мелкие струйки, питает её со всей щедростью и надеждой... Наука доказала: то, что вызывает запах, то есть объект, вещество... работает лишь на 50 %, другая половина его восприятия зависит от конкретного человека.

В этом заслуга его эмоций, воспоминаний... Они-то и дают запаху качественное определение. Часто только метафорам под силу как-то назвать, описать своё «видение» запаха. Мои «ароматные» воспоминания разнообразны и неоднозначны, но почему-то я их оцениваю только позитивно, даже если объективно они заслуживают лишь слабенькой «троечки». Это ностальгия, она в данном случае мой верный адвокат.

Например, запах гниющих водорослей в период океанского отлива у меня совсем не вызывает отвращения, а только желание броситься в его пенящиеся волны и, набрав в лёгкие побольше воздуха, нырнуть в солёную глубину. А там всем телом ощутить близость океана, подчиниться ласковой силе, довериться его могущественной власти.

Гортанные выкрики торговцев на рынке, робкие жалобы пациентов, беззаботный смех чернокожей детворы за окном, звуки барабанов и... красивые голоса исполнителей колоритных песен, многоголосая суета больничных будней и... ты, которая всем сердцем их полюбила...

Государственный и официальный язык страны – суахили.. Суахили (kiswahili) – крупнейший из языков банту и один из наиболее значительных языков африканского континента. Суахили является государственным языком в Танзании, Кении и Уганде.

*Саиди Нгузо***Язык суахили**

Словно реку дожди,
Меня наполняют мысли
О языке родном –
Зеркале чувства и мысли.
Ты пробуждаешь к свету
Спящего человека...
Суахили прекрасен.
В сердце народа
Твоё начало,
В нём прозвучал ты впервые,
О мой родной язык, о суахили.

(Перевод М. Курганцева)

Ночные африканские страсти

При отсутствии знаний языка суахили в самом начале моих трудовых «подвигов» приходилось не сладко. Особенно в дни дежурств, когда сидишь дома в ожидании очередного вызова в любое отделение госпиталя Бомбо. За рулём приезжавшей за мной машины сидел танзаниец, который уж точно университетов не кончал и по-английски ни слова не понимал. Я же только-только начинала произносить какие-то отдельные слова на местном языке. Однажды, когда такой водитель подъехал, я выглянула в дверь и хотела сказать на суахили: «Подожди немного», что звучит как «Годе кидого», но сказала «Мкоде кидого», что переводится – «мало мочи». Когда вернулась в дом, чтобы одеться для работы, поняла свою оплошность и, садясь в машину, как бы повторила сказанное, но уже правильно. Не знаю, что подумал шофёр, но я вроде бы выкрутилась! Медицинская терминология тогда мне была много ближе и запоминалась быстрее.

Я никогда не знала, к кому и зачем меня вызывают, ехала в состоянии почти что ступора в кромешной темноте и звоне африканской ночной тишины. Больше всего боялась педиатрических случаев, но бог миловал! Везёт меня однажды ночью такой вот «немтырь» неизвестно к кому.

Оказывается, вызов в тюремную мужскую палату. Одноэтажный деревянный барак – бывшая германская конюшня. У дверей вооружённый винтовой солдат. Двери заперты на железный засов с винтовым замком. Открывает, впускает меня внутрь, и слышу – закрывает снова. Большая палата, в центре стол дежурного медбрата, под потолком неяркая лампочка, мёртвая тишина. Медбрат говорит, что у одного из пациентов с бронхиальной астмой приступ удушья. Но все как будто мирно спят, «коллективное» дыхание ровное и бесшумное. Кто, спрашиваю, задыхается. Медбрат подводит меня к больному, но тот погружён в сон и легонько посапывает.

Думаю уже не о том, зачем меня вызвали, а что теперь делать, смотреть его или нет, ведь придётся будить, что не очень-то по-людски и тем паче не этично. Решила осмотреть. Очень осторожно, одним пальчиком дотрагиваюсь до плеча спящего, он вздрагивает, резко садится на койке, я же от неожиданности

и невероятного напряжения, как кенгуру, отпрыгиваю назад. Конечно, кенгуру, наверно, скачет только вперёд. Раздаётся хохот из всех углов барака. Смеюсь и я, наверно, это был истерический смех. Ничего себе шуточки!

Вскоре снова ночью вызывают, и опять в тюремную палату. Та же процедура входа, и снова все спят. На сей раз – отказ одного из пациентов от еды и воды. Здрасьте вам! Целый день здесь был палатный врач, и ничего срочного не происходило. А вот ночью обеспокоились, не умрёт ли пациент от голода и жажды, бред какой-то! Делать нечего, надо работать! Подхожу к кровати, на ней возлежит высокий, довольно молодой мужчина, рукой и ногой, теми, что у стены, прикованный к спинке кровати, на которой табличка с надписью «Mederer» – убийца. Медбрат шепчет, мол, отца своего убил. Вот это поворот! С другой стороны кровати конечности пациента свободны. Стою и думаю, ну что ему терять, возьмёт да и ударит меня своей ножицей в живот. Но, несмотря на опасность быть травмированной, всё же задаю пациенту необходимые вопросы, и мы беседуем тихо и спокойно. К концу разговора мой больной попросил водички. Я просто счастлива, и говорю медбратау, что, по-видимому, «объявивший голодовку» скоро захочет и поесть.

Уфф! Записываю всё в историю болезни и, радостная, уезжаю домой. Да, уж такие вот были ночные страсти. Это сейчас смешно, а тогда – что-то не очень!

Из истории Кубы и советско-кубинских отношений

«Накануне революции на Кубе было 6 тыс. врачей».

«В 2007 году в стране насчитывалось около 70 тысяч дипломированных врачей».

«Сотрудничество между странами было документально закреплено в советско-кубинской Декларации от 2 февраля 1974 г., в которой подчёркивается, что советско-кубинская дружба прочна и нерушима».

Куба – любовь моя

Для советских людей Куба и её обитатели не только яркая, почти с детства привлекательная картинка, но сочный пласт совместных помыслов и дел, целая эпоха высоких братских взаимоотношений, символ бескорыстной дружбы и взаимопомощи... Короче, когда в город Тангу приехала группа кубинских медиков, нашей общей радости не было предела – красивые и шумные, чёрные и белые, пританцовывающие и всегда улыбающиеся. Кого, как не их, сразу же дружески обнять и записать в самые верные товарищи!

Что мы с удовольствием и сделали. И потекли день за днём, наполненные тёплыми встречами, жаркими вечеринками...

Всегда гладко выбритые благоухающие мужчины, изящные и гибкие женщины, которые могли прийти в больницу в бигуди, чтобы вечером предстать перед всеми прекрасными дамами. Да, вечер для кубинцев был святым временем, которое, не заканчиваясь, плавно переходило в короткую знойную ночь.

Потрясающая музыка, завораживающие танцевальные па в тумане ароматного сигарного дыма и обжигающий вкус традиционного горячительного!

«Вот это жизнь!»

Не избалованные материальными благами люди, открытые природе и друг другу, поначалу вызывали наше удивление, а затем и восхищение. Кстати, и работать они тоже умели! Наша жизнь с приездом кубинцев потекла совсем иначе. Как будто сам «остров Свободы» приехал сюда и привёз нам кусочек этой духовной раскованности.

Иногда нас удивляли некоторые черты поведения новых друзей. Сейчас я могла бы сравнить их с повадками детей из детского дома, которые привыкли всё окружающее считать своим, презирая индивидуальное владение и пользование. Всё общее. Вот и наш дом стал их домом, и всё что в доме – тоже. Содержимое холодильника в том числе. Кто-то без спроса мог открыть его, достать и распить бутылочку-другую пивка, съесть кусочек чего-нибудь вкусенького. А кто-то и прилечь на коечку и отдохнуть. А что такого?

И вы тоже приходите и берите всё, что есть у нас. Главное, что они, как и мы, тогда были счастливы в своих странах. С большим сожалением уезжали мы из Танги в Дар-эс-Салам, так не хотелось расставаться с этим, ставшим необходимым, жизнерадостным племенем.

Да только зря горевали, и в Дар приехала большая медицинская компания теперь уже очень желанных кубинских коллег!

Только жизнь здесь была другая, да и кубинцы как будто немного другие. Более строгие, что ли, более серьёзные и менее шумные. Именно такой попался мне в качестве коллеги по работе с пациентами – доктор Леопольд Помбо. Главная больница страны в Даре была практической базой университета Мухимбили. Наши с мужем должности повысились на несколько уровней. Теперь в нашей советско-кубинской ассоциации было поменьше веселья, хотя и вполне достаточно, но много, очень много ответственной консультативной работы. Дома, да и в Танге мне приходилось всё делать своими руками – серьёзные манипуляции, ежедневные самостоятельные обходы... Здесь же больше «выступлений» у постели пациентов, конечно же, их обследование, но главное – рассуждения, аргументы, доказательства, которые требовали весьма глубоких знаний, в присутствии ординаторов, интернов и студентов. Выручал английский, за который я часто получала комплименты от коллег, спасибо Николасу. В библиотеке медицинского университета литература была только на английском, и полученную информацию переводить в голове не требовалось, тогда она спокойно и прочно укладывалась на свободные места в голове. Как оказалось, что этих свободных мест было предостаточно. О коллеге – докторе Помбо – скажу, что никогда прежде я не встречала практического врача с такими буквально энциклопедическими знаниями. В библиотеку мы ходили вместе с ним по средам, когда производилась генеральная уборка в нашей огромной, на 40 коек палате. Я набирала кучу книг по интересующим меня вопросам, а Леопольд – периодическую литературу. Он в совершенстве владел знаниями, которые приобретаются на ранних стадиях обучения в вузе, их он легко воспроизводил, вылавливая из своей безразмерной и сверхпрочной памяти.

В моей же памяти сам доктор Помбо занял почётное и прочное место. Однажды, ответив на наше письмо из Томска, он заметил, что оно, по всей вероятности, ехало на Кубу на автобусе. Шутник!

А когда недавно я попыталась разыскать сведения о нём в интернете, то нашла совсем крошечную информацию, наверное, о Помбо-младшем, враче-дерматологе, процветающем в США.

ВТОРАЯ ЧАСТЬ

Уганда. Война

Из истории страны

Президент Уганды в 1971–1979 годах, создатель одного из самых жестоких тоталитарных режимов в Африке, генерал, затем фельдмаршал угандийской армии Иди Амин захватил власть в стране путём военного переворота, свергнув своего некогда единомышленника Милтона Оботе. Он был у власти восемь лет, превратив Уганду в страну мертвецов. А ведь с лёгкой руки Уинстона Черчилля Уганду называли не иначе, как «жемчужина Африки». Только это мы и знали об этой стране, пустившись в казавшееся увлекательным путешествие.

В октябре 1978 года Иди Амин развязал военные действия против соседней Танзании, которая, начав контрнаступление, вступила на территорию Уганды и положила конец кровавому режиму.

Между вернувшимися в Уганду оппозиционными группировками началась борьба за власть, вылившаяся в гражданскую войну 1981–1986 годов, известную как «война в кустах».

За гранью

Долго оттягивала время написания этой главы. Уж больно тяжело возвращаться памятью в те невероятные события, которые с нами произошли в мае 1982 года. Жадные до новых впечатлений и голодные в этом смысле, конечно, мечтали посмотреть хотя бы краешек земли, которую называют «жемчужиной Африки». Так хотелось познакомиться с богатейшей фауной Уганды, описанной в десятках книг, которые достались человечеству в наследство от знаменитых на весь мир путешественников.

Но всякие, даже микропутешествия за пределы столицы были категорически запрещены, ведь с каждым днём количество бессмысленных убийств оппозиционерами правящей партии увеличивалось. Не раз в посольстве перед очередным киносеансом объявляли, чтобы никуда без разрешения (разрешения-то ни за что не получить!) не ездили, поодиночке не ходили, а если вдруг машину остановят среди бела дня, то отдать всё, что требуют, молча и незамедлительно. Ну куда особенно нам было ходить и ездить – на рынок в дни полочки, в посольство – в кино и на собрания, ну и, безусловно, на работу в госпиталь. Вот и все маршруты! Но однажды советник по экономическим вопросам пригласил нас с мужем и ещё одну московскую пару прокатиться в национальный парк, где в дикой природе обитают разнообразные обезьяны, ну и растительность, разумеется, обалденная!

Сказал, что сам посол разрешил съездить на пару часиков в первой половине дня. Ура! Сборы были недолги: бутерброды, фотоаппарат, ракетки и воланы для бадминтона.

Едем, любимся окружающей природой, и всё мне кажется похожим на наше родное придорожное пространство: домики почти такие же, огороды, а на них то и дело – согбенные людские фигурки с мотыгами. Другая только растительность, да почва красно-коричневая, глинистая. Так же стоят у дороги прилавочки с выставленными на них фруктами и овощами. Когда добрались до нужного места, то очутились в сказке, где-нибудь у бабы Яги или Кощея Бессмертного: густая зелень неведомых деревьев с лианами, переплетающимися, словно сетью, листья и стволы, высоченные молочаи, просто гиганты какие-то, свист и пение невидимых птах и – о радость! Они и вправду бегают тут свободно и даже нахально – обезьянки! Забираются на крышу автомобиля, подпускают к себе на расстояние вытянутой руки.

Наш запас бананов, прихваченный не случайно, стал катастрофически быстро истощаться, но сколько удовольствия мы получили, угощая диких жителей этой райской чащи! Удалось познакомиться и даже сфотографироваться с обезьянкой без одной ноги, скорее всего, жертвы безжалостной войны. Перекусили немного, попрыгали с ракетками, разморились, подремали под ласковыми лучами – не денёк, а праздник! На обратном пути повстречались с «Мерседесом» кубинских медиков, в котором каким-то образом уместились человек десять. Утомлённые путешествием и морем новых впечатлений, ехали молча. Очередной придорожный прилавок с экзотическими фруктами привлёк внимание наших товарищей, сидящих сзади.

Притормозили. Мой муж тоже вышел размять ноги и пообщаться с гуляющими на свободе пёстрыми козами. Одновременно на противоположной стороне остановился неказистый, цвета хаки автомобиль. Оттуда буквально выпрыгнули вооружённые автоматами люди. Их лица были открыты, а на стволах адели завязанные узлом узкие тряпицы. И вот уже советник снимает с руки свои наверняка престижные часы, и меня, похоже, главарь с пистолетом в руке принуждает выйти из машины. Я снимаю и прячу на груди свои часики, думая, что без них будет сложно подсчитывать пациентам пульс и дыхание, выхожу. Поворачиваю голову и вижу, что все, включая мужа, стоят с поднятыми руками, и напротив каждого – автоматчик. Мой визави с револьвером орёт, сказав до невозможности и без того жуткое лицо, чтобы отдала часы, видимо, он их успел увидеть на моей руке, пришлось достать и с большим сожалением протянуть грабителю. В тот момент я как-то забыла, что надо все требования выполнять немедленно.

И вот тут-то наступил решающий, а быть может, решивший нашу судьбу момент: главарь прохрипел мне в лицо: «Are you British»? (Вы англичане?)

Ответила правду: «No». Другого вопроса не последовало. Бандиты, оставив нас в состоянии ступора, быстренько заскочили в автомобили – в свой, что ожидал на той стороне дороги, и в наш, то есть посольский белый «Мерседес».

Молниеносно взревев моторами, они умчались по направлению к столице.

Опустив затёкшие руки, мы замерли, всё произошедшее казалось страшным сном.

Но ведь живы! Местные жители, которых, откуда ни возьмись, оказалось немало, повскакали с земли, ведь во время нашего пленения лежали ничком в пыли, теперь жестами и стенаниями они выказывали своё сочувствие. Самый растерянный и потерянный вид был у советника – он лишился государственного, очень дорогого представительского транспорта.

И опять, как в кино: в мареве над асфальтовой дорогой, раскачиваясь, как на волнах, появился и стал быстро приближаться автомобиль, который резко остановился перед нами. «Мерседес», только чёрный. За рулём сидел огромного роста, интересный внешне африканец. Оказалось, что он из охраны президента Оботе. Жестом пригласил нас в машину. Теперь рядом с водителем сидели мы с мужем. Советник буквально потребовал от нашего спасителя – теперь только так я могу его называть – преследовать похитителей. Хозяин машины открыл свой кейс, и уже в который раз, как в боевике: в нём лежали деньги и оружие. Я стала умолять нашего начальника, чтобы он перестал требовать догнать бандитов, ведь у них автоматы, а мы с мужем сидим почти грудью к стеклу, и будем расстреляны без труда, но босс был непреклонен. К нашему действительно счастью, догнать преступников не удалось, наверняка они свернули на одну из многочисленных боковых ответвлений главной дороги.

Теперь уж мы точно живы! В городе, в полицейском участке доложив о случившемся, и всё ещё потрясённые происшествием, поехали с нашим спасителем в гостиницу «Империял». Он, оказывается, жил в том же отеле, и всех нас в лицо знал, а вот мы его – нет. В своём номере мы долго молчали, упав на кровать, я всё перебирала в памяти только недавно пережитые невероятно страшные события. Вспоминала, как стояла под дулом оружия с красной тряпочкой на стволе, дикие глаза главаря, его вопрос и свой ответ... Говорят, что перед смертью перед человеком проходит вся его жизнь. А я тогда думала, не сводя глаз с безразличного и неумолимого глазка пистолета: «Скорее бы выстрелил, очень уж страшно ждать». И ещё: «Я больше никогда не увижу моих детей, и они больше никогда меня не увидят». Потом был специальный экстренный сбор всех советских граждан, находящихся в Кампале. Долго посольские вспоминали о «героическом» поведении врачей, когда в ситуации смертельной опасности мы прятали часы (муж незаметно опустил свои в карман): «Наши-то, небось бы, в штаны наложили, а эти ещё сопротивляться вздумали!».

Так вот закончилась эта история.

А что же наш спаситель? Мы так никогда и не узнали его имени, но, встречаясь в гостинице, теперь раскланивались от всей души.

Спустя год, уже дома, получили письмо от коллеги, в котором он сообщил, что однажды этого президентского охранника остановила группа вооружённых людей из оппозиции, они выволокли этого здорового симпатичного детину из машины и расстреляли.

Царствие ему небесное.

Зинаида ГАСАН

Родилась 1 января 1958 года в селе Ясная Поляна Ребрихинского района Алтайского края. Окончила немецкое отделение Славгородского педагогического училища, факультет иностранных языков Барнаульского государственного педагогического института. Работала учителем немецкого языка, председателем сельского Совета, методистом детско-юношеского центра. Отличник народного просвещения.

Сейчас – преподаватель немецкого языка в Ребрихинском лицее профессионального образования. Руководит студенческим поэтическим клубом «Бригантина».

В 2017 году вышла в свет книга её стихотворений «Свеча на ветру».

Иванна Анатольевна ДУНЕЦ

Окончила среднюю школу №7 г. Колпашево. Выпускница филологического факультета Томского педагогического университета. Член колпашевского литературного объединения «Отдушина».

Издан авторский сборник стихотворений «Spaces».

Пишет стихи и прозу. Колумнист – авторская рубрика «Литературная гостиная» на сетевом портале «Поэмбук». Публикации в сборниках стихотворений «Кубок Поэмбука. Осенний сезон (2017)» и «5-летие Поэмбука (2018)», г. Москва.

Живёт в городе Колпашево.

Ирина Александровна ЕВТИХИЕВА

Родилась в 1959 в Ташкенте. Почти 30 лет работает в Томском областном художественном музее. Старший научный сотрудник. Окончила Ленинградскую Академию художеств им. И. Е. Репина (1982–1987) по специальности искусствовед, историк искусства. Занимается изучением иконописи, в частности, сибирской иконой.

Провела ряд выставок древнерусской и сибирской иконы. В 2005 награждена Почётной грамотой Министерства культуры РФ.

В 2008 была удостоена золотой медали и звания лауреата конкурса Союза писателей России за книгу «Явление Святителя Николая и его иконы на Томской земле». Автор монографий, многочисленных статей, текстов к каталогам выставок.

Член Союза писателей России.

Постоянный автор журнала «Начало века».

Дмитрий Александрович ИВАНОВ

Родился в 1961 году в Томске. В 1984 году окончил отделение журналистики филфака ТГУ. Публикации в томской газетной и журнальной пе-

риодике. Рассказ «Весы» напечатан в альманахе «Фантастика» (Москва, 1983).

Книга рассказов и очерков «Запах позднего лета» (2018).

В журнале «Начало века» печатается с 2009 года.

Живёт в Томске.

Вера Леонидовна ИРТУГАНОВА

С золотой медалью окончила школу № 5 г. Колпашево. Затем – учёба в Рижском институте гражданской авиации. Сотрудничала в институтской многотиражке «Инженер аэрофлота», там появились её первые стихотворные подборки. Вернулась в родной город, где работала в Колпашевском авиапредприятии. Отмечена знаком «Отличник Аэрофлота». После выхода на пенсию некоторое время сотрудничала с газетой «Советский Север».

Автор книги «Мелодия жизни и любви» (Томск, 2018).

Владимир Иванович КОЗУБОВ

Родился в 1949 году в пос. Соколовка Алтайского края. В 1969 году окончил Семипалатинский геологоразведочный техникум по специальности «Гидрогеология и инженерная геология». Служил в Советской Армии. Работал в гидрогеологических экспедициях, на Алтайской опытно-мелиоративной станции, в КБ по водоснабжению пастбищ (г. Чимкент).

Печатался в журналах «Книжный клуб», «Воин России», в коллективных поэтических сборниках. Неоднократно публиковался в журнале «Начало века».

Авторский сборник стихов «Амплитуда» (2011). Сборник рассказов «Перпендикуляры к плоскости бытия» (2015). Персональный сайт автора: <http://ieti.narod.ru/>

Живёт в Томске.

Владимир Михайлович КРЮКОВ

Родился в 1949 году на севере Томской области. Окончил историко-филологический факультет Томского университета. Работал учителем в сельских школах, в школе зоны строгого режима, в газетах города Томска.

Печататься по причине неизбывной (и наказуемой) любви к сам- и тамиздату начал лишь в разгар перестройки. Первый сборник «С открытым окном» (1989).

Автор нескольких сборников стихотворений, книг прозы и книги воспоминаний «Заметки о нашем времени».

Публикации в журналах России «Звезда», «Знамя», «Москва», «День и ночь», «Сибирские

огни», в русскоязычных альманахах Германии, в польском альманахе «Aspekty».

Стихи вошли в антологию «Пламень. Современная русская поэзия» (Москва, 2009).

Член Союза российских писателей с 1998 года, в 2007–2017 – председатель Томского отделения этого союза.

Дважды (2009, 2016) лауреат губернаторской премии.

Живёт в селе Тимирязевском под Томском.

Сергей Александрович КУКЛИН

Родился в 1959 году в Томске.

Окончил геологоразведочный факультет ТПУ. Геолог.

Первая публикация прозы – рассказ «Староверы» в журнале «Начало века» (№3, 2007).

Книга рассказов «Там реки вместо улиц» (Томск, 2011), «Время собирать камни» (2015).

Член Союза российских писателей.

Печатается в журналах «Начало века», «Сибирские огни».

Живёт в Томске.

Татьяна Ефремовна МЕЙКО

Родилась в Томске. Окончила отделение журналистики Томского государственного университета и Высшие курсы Литературного института им. Горького. Член Союза писателей России с 1994 года. Сказки, рассказы, стихи печатались в альманахе «Парус» издательства «Молодая гвардия», в журналах «Мир женщины», «Сибирские огни», «День и ночь», «BIZ-Vote», в газетах «Российский писатель», «TIESA» и других периодических изданиях и коллективных сборниках России, Германии и ближнего зарубежья. Автор более 10 книг.

С 2001 года ведёт литературную студию «ЮГ» в Доме детского творчества «У Белого озера».

Ирина Михайловна НЕКЛЮДОВА

Поэт и прозаик. Автор книг стихов «Рифы радости», «Живая свеча», «Всё чаще чудо снится» и других. Родилась в с. Белоусово Томского района Томской области. Закончила исторический факультет Томского государственного университета. Работала учителем, воспитателем. Лауреат губернаторской литературной премии в номинации «Проза». Член Союза писателей России.

Живёт в Томске.

Лидия Михайловна ПУСТОВОЙТОВА

По образованию врач. Окончила Томский медицинский институт. Работала терапевтом, затем преподавателем в медицинском колледже. В 70-е годы по линии Всемирной организации здраво-

охранения участвовала в экономической миссии СССР в Танзании, а в 80-е в Уганде.

Стихи и прозу пишет давно, но более серьёзно увлеклась этим с выходом на пенсию.

Изданы сборники стихов «В любви моей жизни признание» (2012) и «Мои несовершенства» (2016). Член литературного объединения «Экспромт» с 2013 года. Воспоминания о жизни и работе в странах Восточной Африки изданы в 2017 году под названием «Не из чёрного дерева люди...». Из этой книги и взяты представленные в журнале фрагменты.

Николай Валентинович СЕРЕБРЕННИКОВ

Родился в 1954 в Томске. Окончил исторический факультет Томского госуниверситета, затем преподавал в университетах Новгорода и Томска.

Автор сборников стихов «К морю от медведя» и «Апокриф», исследования «Опыт формирования областной литературы» (2004), составитель ряда книг архивных публикаций о деятелях русской культуры XIX–XX вв.

Нина Дмитриевна СИТНИКОВА

Родилась в 1957 году в городе Колпашево. После окончания средней школы – учёба в Томском культпросветучилище на библиотечном отделении. Затем работа в колпашевской библиотечной системе.

Автор книги «Простые радости» (2017). Печаталась в журнале «Начало века».

Александр Сергеевич ТАРАЗАНОВ

Родился в 1954 году в Томске. Служил в рядах СА (стройбат). Окончил Томский коммунально-строительный техникум и был рабочим, электриком, кочегаром и т. д. Печатался в журнале «Сибирские Афины» и «Начало века».

Выпустил в 2001 году со своей женой Ириной Киселёвой совместный сборник стихов «Прикосновение». Прозу публиковал в интернет-журнале «Наша улица» в 2015 году (рассказ «Игнат и попугай»).

Живёт в Томске.

Валентина Анатольевна ЧУБКОВЕЦ

Родилась в п. Батурино Томской области. Окончила техникум по специальности «технолог общественного питания». Публиковалась в коллективных сборниках, во многих литературных журналах. Автор книг «Стихи разных лет», «Стихи для детей», книги рассказов «Всякое бывало».

Живёт в Томске.

НАЧАЛО ВЕКА

Литературный и краеведческий журнал

Издание томских писателей

Главные редакторы

Г. Скарлыгин

В. Крюков

Технический редактор

О. Карташов

Корректор

И. Киселёва

Редакция журнала принимает к рассмотрению первые экземпляры рукописей, отпечатанные на машинке через два интервала либо набранные на компьютере через полтора интервала (12-14 кегль), желательно с приложением набранного текста в любом формате на любом цифровом носителе.

Редакция знакомится с письмами читателей, не вступая в переписку.

Адрес редакции: г. Томск, ул. Шишкова, 10.

© Составление и оформление: «Начало века», 2019 г.

Формат 70X108 ¹/₁₆. Усл. печ. л. 18,2. Тираж 100 экз.

Дата выхода журнала 26.04.2019 г. Цена свободная.

Отпечатано в ООО «Томская полиграфическая компания»,
г. Томск, ул. Пушкина, 40/1